

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

А.С. ХРОМЫХ

СИБИРСКИЙ ФРОНТИР. ВСТРЕЧА ЦИВИЛИЗАЦИЙ ОТ УРАЛА ДО ЕНИСЕЯ

(Последняя треть XVI – первая четверть XVII века)

Монография

КРАСНОЯРСК 2012

ББК 63.3 (253)
X 943

Ответственный редактор:

Г.Ф. Быконя, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:

Л.М. Дамешек, доктор исторических наук, профессор

Б.Е. Андюсев, кандидат исторических наук, доцент

Хромых А.С.

X 943 Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / отв. ред. Г.Ф. Быконя; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2012. – 312 с.

ISBN 978-5-85981-507-4

С позиций новых методологических подходов трактуются дискуссионные вопросы истории начала освоения Сибири русскими, вскрываются качественные особенности первого этапа данного процесса. Автор уточняет содержание понятия «сибирский фронт». На широком фактическом материале новые теоретические подходы позволили вскрыть серьезные особенности многовековой колонизации русскими земель за Уралом. Впервые обоснованно применяется к истории Сибири термин «секция». Автор углублены представления о степени адаптации части русского этноса и показан процесс его перерастания в субэтнос в ходе хозяйственных, этнических, политических и культурных контактов между русским и автохтонным населением. Постановочно высказана мысль о перспективности введения понятия «русский фронт», которое открывает новые подходы к различным проблемам русской истории, в том числе вопросу об исторических корнях русского этнонационального характера.

Книга рассчитана на историков-специалистов, аспирантов, студентов, учителей и всех тех, кто интересуется историей Сибири.

ББК 63.3 (253)

Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева НФ 2012–2016 гг. (проект № 06-3/12).

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2012

© Хромых А.С., 2012

ISBN 978-5-85981-507-4

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития сибиреведения характеризуется резким увеличением количества работ, затрагивающих различные аспекты истории освоения земель за Уралом. Распад СССР, отсутствие контроля со стороны руководящей партии и отход от идеологического диктата марксистско-ленинской методологии обусловили значительное расширение диапазона изучаемых проблем, возможность установить контакты с зарубежными учеными, появление новых терминов, понятий и концептуальных подходов к истории Сибири. Все это способствовало неоднозначности оценок в научных трудах и дискуссиях о характере вхождения Сибири в состав Российского государства.

В настоящее время в осмыслении процесса расширения территории России на Восток к таким традиционным понятиям в отечественной историографии, как «завоевание», «колонизация», «вхождение», «освоение», «присоединение», добавилось понятие «фронтир».

Теорию «фронтира» (по Ф. Тернеру, «фронтир» – это подвижная граница, момент встречи дикости и цивилизации¹) впервые сформулировали историки США для объяснения процесса освоения просторов «Дикого Запада». В контексте процесса интернационализации научного знания общие работы современных российских историков позволяют, на наш взгляд, утверждать, что можно говорить о сибирском (русском) типе фронтира, который отличается от американского.

Со времен Ф. Тернера присутствует многовариантность трактовки понятия «фронтир», изначально заложенной са-

¹ Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Report of the American Historical Association. 1893. P. 199–227.

мим автором. Он считал, что данный термин «достаточно эластичен и для целей исследования не требует особо точного определения»². Эта спорная формулировка отца-основателя теории, с одной стороны, поставила перед российскими учеными сложную задачу – выявить точное содержание понятия «фронтир», а с другой – предоставила возможность адаптировать его к сибирским реалиям. На наш взгляд, ближе к истине, что мы и постараемся доказать содержанием работы, концепция трех стадий фронта – внешнего, внутреннего и внутрицивилизационного. Внешний фронт – время появления контактных зон между пришлым и коренным населением. Внутренний фронт – процесс огосударствления новой территории, в ходе которого идут взаимодействие и взаимовлияние различных хозяйственно-культурных типов и этносов. В условиях внутрицивилизационного фронта формируется новое сообщество, или особый вариант старой общности, на основе различных типов взаимодействия.

Таким образом, цель исследования сводится к попытке с позиций теории сибирского фронта выявить особенности процесса взаимодействия цивилизаций от Урала до Енисея в последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

На основе заявленной цели объектом исследования является процесс взаимодействия между представителями русской цивилизации, цивилизаций потестарного типа и трайбалистских сообществ в последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

Предметом исследования выступают особенности формирования в контексте фронта социально-экономических, военно-политических процессов и межэтнических разносторонних связей в Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

² Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays. Yale Univ. Press, 1998. P. 33.

На данный момент сибиреведение является одним из наиболее развитых направлений отечественной исторической науки как в географическом, так и в конкретно-историческом плане. В современном сибиреведении на основе глубокого фактологического и теоретического осмысления рассмотрено большинство аспектов истории развития как дорусской, так и русской Сибири. Тем не менее наблюдается слабая степень проработанности этапа начального взаимодействия русской цивилизации с цивилизациями потестарного типа и с трайбалистскими обществами³. В отечественной историографии этому этапу уделяли недостаточно внимания, преимущественно его включали в контекст работ, охватывающих более продолжительный отрезок времени, или же он эпизодично представлен в трудах, посвященных отдельным темам освоения Сибири. До нашего времени дошло очень мало источников по истории Сибири последней трети XVI – начала XVII вв., поэтому во многих работах, написанных о событиях XVII – начала XVIII вв., в основном анализируются процессы и явления, которые имели место с 30-х гг. XVII в., а моменту начального взаимодействия цивилизаций уделяется незначительное внимание.

Исследования по истории начала проникновения русских в Сибирь в хронологическом-проблемном отношении можно разделить на три этапа.

Первый – дореволюционный – этап охватывает работы, написанные во второй трети XVIII – начале XX вв.

Начало научному освещению взаимодействия цивилизаций в Сибири было положено трудами Г.Ф. Миллера⁴. В его работах основное место в освоении неизвестных территорий отводилось благотворной деятельности правительства и инициа-

³ Автор не разделяет традиционную точку зрения, отказывающую традиционным обществам в статусе цивилизации.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999, 2000, 2005. Т. 1; Т. 2; Т. 3.

тиве служилых людей. При этом процесс колонизации Сибири рассматривался несколько односторонне, так как историк не уделил должного внимания описанию земледельческого освоения территорий за Уралом. Дальнейшее закрепление концепция Г.Ф. Миллера получила в трудах И.Э. Фишера⁵.

Демократическая традиция получила наиболее полное развитие в XVIII в. в трудах А.Н. Радищева⁶. Согласно его мнению, присоединение Сибири к Российскому государству было делом не правительства (ему оставалось лишь закрепить русское «владычество» за Уралом путем устройства укрепленных пунктов и постоянного сообщения с Европейской Россией), а народа, вдохновляемого «великим духом свободы». Начало положили новгородцы, их подвиг продолжили казаки, руководимые Ермаком. Также он выдвинул теорию о ведущей роли беглых крестьян из-за Урала в заселении Сибири в XVII в. Однако работа А.Н. Радищева основана на слабом знании фактического материала, а все его доводы носят больше умозрительный характер.

В начале XIX в. в работе Н.М. Карамзина⁷, посвященной истории Российского государства, о Сибири говорится только в связи с походом Ермака. Согласно его мнению, ведущую роль в колонизации Сибири играло государство, а Строгановы и казаки Ермака являлись лишь проводниками государственной политики. Одним из первых историков Сибири он пытается провести параллели с завоеванием Мексики и Перу (Ермак – «российский Пиззаро, конквистадор») а следовательно, Карамзин сравнивает коренные народы Сибири с индейцами Южной и Центральной Америки.

⁵ Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания Сибирской земли российским оружием. Спб.: Типография при Императорской Академии наук, 1774.

⁶ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 143–163.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 4 кн. Репринт. Ростов н/Д: Феникс, 1994. Кн. 3, т. VII–IX. С. 481–503.

Важным этапом сибиреведения являлось в 40–50-е гг. XIX в. творчество П.А. Словцова⁸. Он принял в основном миллеровскую схему правительственной колонизации Сибири, признавая при этом роль как частной купеческой инициативы, так и крестьянских масс в освоении Сибири. П.А. Словцов описывал быт и религию «сибирских инородцев», но специально не рассматривал их контакты с русским населением.

В силу активизации общественно-политической жизни после либеральных реформ Александра II в историографии Сибири четко оформляются три течения: официальное, либеральное и демократическое.

Среди официального направления следует отметить работы В.К. Андриевича, П.Н. Буцинского и А.М. Гневушева⁹, развивавшие взгляды Г.Ф. Миллера о ведущей роли государства в деле присоединения Сибири, которое с патерналистских позиций опекало «сибирских инородцев».

Ярким представителем демократического направления являлся А.П. Щапов¹⁰, который первым специально обратил внимание на формирование в Сибири особой этнической общности – «европейско-сибирского типа», или «великорусского-инородческого типа», что во многом является справедливым для процессов внутрицивилизационной стадии сибирского фронта. Его наблюдения гипертрофировались в трактовках

⁸Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири: в 2 кн. М.: Типография А. Семина при императорской Медико-хирургической Академии, 1838. Кн. 1. С 1585 до 1742 г.

⁹ Андриевич В.К. История Сибири: в 2 ч. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1889; Ч. 1. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889; Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893; Гневушев А.М. Сибирские города в Смутное время. Киев, 1914.

¹⁰ Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Щапов А.П. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 31–55.

сибирских областников, которые договорились до того, что новое цивилизационное сообщество Азиатской России имеет право на политическое выделение из состава Российской империи.

Работы А.П. Шапова положили начало становлению либерального направления сибирской историографии, принявшего форму областничества в трудах Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина¹¹. Они определяли вольнонародную колонизацию как решающий фактор присоединения Сибири, но отмечали, что государство потребительски воспользовалось народными успехами в деле освоения территорий за Уралом, и с самого начала освоения воспринимало их как колонию, а следовательно, нещадно эксплуатировало как русское, так и коренное население.

В целом дореволюционный этап историографии Сибири – это период становления исторического знания о землях за Уралом. В начале периода господствующим являлся тезис о ведущей роли государства в деле освоения Азиатской России, но потом в трудах исследователей стала преобладать мысль о вольнонародной колонизации Сибири. Среди историков данного периода только А. Шапов выдвигает положения, близкие к теории сибирского фронта.

Второй – советский этап – историографии представляют работы, написанные в 20 – начале 90-х гг. XX в.

Первой проблемой являлся вопрос о характере вхождения Сибири в состав Российского государства. Наиболее законченное решение для своего времени она нашла в трудах В.И. Шункова¹², предложившего термин «присоединение», который включает в себя явления различного порядка – от

¹¹Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Спб.: Типография И.М. Сибирякова, 1892; Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907.

¹² Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. С. 225; Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. С. 44.

прямого завоевания до добровольного вхождения. Но, на наш взгляд, более корректно использовать многоуровневое понятие «фронтир», так как его внешняя, внутренняя и внутрицивилизационная стадии охватывают весь комплекс аспектов, имевших место в русской колонизации Сибири.

Проблема этапов и характера русского заселения Сибири нашла отражение в трудах С.В. Бахрушина, В.В. Покшишевского, В.Н. Скалона, З.Я. Бояршиновой, А.А. Преображенского, А.П. Окладникова, В.А. Александрова, А.Н. Копылова, М.И. Белова¹³. Они описали пути проникновения русских за

¹³ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 1; Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1951; Скалон В.Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского университета. Сер.: Историко-филологическая. 1950. Т. 112. С. 23–210; Бояршинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Сер.: Историко-филологическая. Томск: Изд-во ТГУ, 1957. Т. 136. С. 67–98; История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. / отв. ред. тома А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 2. Сибирь в эпоху феодализма; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972; Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1956; Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI – середина XVII вв.) // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 77–89; Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке: земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков, В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1.; Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. М.: Мортранспорт, 1956. Т. 1: Арктические плавания с древнейших времён до середины XIX века; Белов М.И. Мангазея. Л.: Гидрометеиздат, 1969; Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху: в 2 ч. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. Ч. 1.

Урал, деятельность первых землепроходцев, выявили роль поморского населения в процессе колонизации новых земель и сформулировали концепцию вольнонародного освоения Сибири.

Проблемы характера хозяйственного освоения и социально-политической жизни Сибири являлись важными для понимания состояния фронта на всех его стадиях. Проблема пушного промысла в колонизации Сибири, впервые отмеченная С.В. Бахрушиным, а впоследствии детально разработана П.Н. Павловым¹⁴. П.Н. Павлов дает исчерпывающую характеристику промысловой колонизации Сибири, основанную на тщательном анализе таможенных книг. Исследование освещает процессы, более характерные для внешней стадии фронта, первого момента встречи цивилизаций, но при этом была недооценена роль промысловой колонизации для Западной Сибири в последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

Характер крестьянской колонизации Сибири, которая до прихода русских почти не знала пашни, важен для выявления сложных стадий фронта. Решение этой проблемы затруднено наличием разных точек зрения. Одни говорили о существовании в ней крепостнических отношений (В.И. Шунков, А.Н. Копылов)¹⁵, что в большей степени трактовало положение Сибири в составе России как колонии. Другая группа ученых придерживалась теории чернососного феодализма (позже государственного феодализма) за Уралом (З.Я. Бояршинова,

¹⁴ Бахрушин С.В. Научные труды... Т.3, ч. 1. С. 199–211; Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1972; Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1974.

¹⁵ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1956; Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974; Копылов А.Н. Русские на Енисее... С. 66–74.

А.А. Преображенский, В.А. Александров)¹⁶. Это говорит о наличии ситуации внутреннего фронта на большей территории Сибири. Альтернативный подход к характеру социально-экономических отношений в Сибири преодолевала концепция многоукладности сельскохозяйственного сектора экономики, которая выделяла «свободный мелкокрестьянский уклад», «черносошные отношения», «казенное крепостничество», «частнокабальный уклад», «элементы раннебуржуазных связей»¹⁷. Тем самым она показала сложность и противоречивость отношений в сибирской деревне и открыла широкие возможности трактовать эту разнотипность как явления всех трех стадий фронта. Впоследствии концепция многоукладности российского феодализма прочно утвердилась в отечественной исторической науке.

Процесс становления первых сибирских городов и развитие торгово-ремесленных отношений на начальном этапе русского проникновения в Сибирь получил освещение в работах советских историков середины 50 – начала 90-х гг. XX в. Применительно к последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

¹⁶ Бояршинова З.Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи // Проблемы истории советского общества Сибири: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1970. Вып. 2. С. 75–83; Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян Сибири (XVIII – первая четверть XIX века) // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Сер.: Историческая. Томск: изд-во ТГУ, 1964. Т. 177, вып. 1. С. 44–56; Александров В.А. Русское заселение Сибири... С. 30–252; Преображенский, А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 18–360; История крестьянства СССР. Т. 2. М.: Наука, 1987.

¹⁷ Впервые выдвинута Г.Ф. Быконей. См.: Быконя Г.Ф. Проблемы поземельных отношений русского населения Сибири XVII–XVIII вв. в советской историографии // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири. Красноярск, 1976. Вып. 1.; Его же. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. (Материалы к спецкурсу и спецматериалы). Красноярск: Изд-во КГПИ, 1979. С. 35.

многое было сделано В.А. Александровым, А.Н. Копыловым, З.Я. Бояршиновой, В.И. Сергеевым, О.Н. Вилковым, В.И. Кочедамовым, А.А. Преображенским, Д.Я. Резуном¹⁸. Одни из них (О.Н. Вилков, Д.Я. Резун) рассматривали сибирский город последней трети XVI – первой четверти XVIII вв. как ядро раннебуржуазных отношений, что в наибольшей мере отражало бы существование стадии внутрицивилизационного фронта. Но В.А. Александров, Д.И. Копылов и А.Н. Копылов считали сибирский город частью феодальной системы отношений, так как горожане были тесно связаны с сельскохозяй-

¹⁸ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 30–252; Бояршинова З.Я. Ранние страницы истории Кузнецкого города // Новокузнецк в прошлом и настоящем: материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка: сб. ст. Новокузнецк: Книжное издательство, 1971. С. 12–25; Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию города Томска) // Томску 375 лет: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 18–360; Копылов А.Н. Русские на Енисее... С. 137–248; Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII века. Новосибирск: Наука, 1990; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977; Копылов Д.И. Итоги развития мануфактурной промышленности Сибири в XVIII в. (размещение, структура, экономический строй) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1; Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–124; Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука, 1982; Резун Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX вв.: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1981. С. 35–57; Люцидарская А.А. К вопросу о роли служилого населения в развитии города Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1972. Ч. 2. С. 12–23; Люцидарская А.А. Промышленное развитие города Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1974. С. 60–75.

ственной округой. Это можно трактовать как проявление черт внутреннего фронта в указанный период.

Процесс и характер включения коренных народов Сибири в состав Российского государства нашли отражение в трудах С.В. Бахрушина, Б.О. Долгих, А.Н. Абдыкалыкова, А.А. Арзыматова, Л.П. Потапова, Ш.Б. Чимитдоржиева, А.П. Уманского¹⁹. Несмотря на использование широкого круга исторических источников, вышеназванные авторы положением о мирном вхождении автохтонных жителей в состав Российского государства упрощали сложные межэтнические отношения.

Работа Н.И. Никитина²⁰ обстоятельно осветила проблему служилой колонизации Западной Сибири. Н.И. Никитин показал многофункциональную роль служилых людей, которая не ограничивалась только военными и управленческими функциями. Несмотря на большие достоинства работы, ряд статистических данных о численности и составе служилых людей в Западной Сибири требует уточнения, особенно по первой четверти XVII в.

¹⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 50; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во АН СССР, 1960 Т. 55; Абдыкалыков А.Н. Енисейские киргизы в XVII веке: исторический очерк. Фрунзе: Илим, 1968; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. Фрунзе: Изд-во Киргизстан, 1966; Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Наука, 1953; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакаское книж. изд-во, 1957; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1978; Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980.

²⁰ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1988.

В работе Н.Н. Покровского и В.А. Александрова²¹ впервые обозначается проблема особенностей реальных отношений и психологического восприятия русскими жителями политики местной и центральной власти, которая влияла на состояние фронтирного пространства в Сибири.

В целом, советский период историографии был плодотворен для изучения проблем, связанных с начальным этапом взаимодействия русских с сложившимися потестарными образованиями и трайбалистскими обществами в Сибири. В научный оборот был введен широкий круг исторических источников, тем самым была подготовлена почва для фактологического наполнения теории «сибирского фронта». Основным недостатком ряда исследований являлось безальтернативное доминирование формационного подхода в трактовке исторических процессов.

В 40–50-е гг. XX в. впервые сквозь призму концепции фронта рассматривали историю Сибири ученые Калифорнийского университета – Д. Тредгольд, Дж. Ланцев, Р. Пирс, Б. Самнер²². Во многом этому способствовало, что сам Ф. Тернер в письме к своему ученику А.Н. Баффингтону в 1922 г. писал: «России надо бы иметь интерпретацию собственного фронта»²³. В 1942 г. вышла статья Р. Доу, в которой впервые

²¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1991.

²² Treadgold D.W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // *Agricultural History*. 1946. № 4. P. 147–152; Lantzeff G.V., Pierce R.A. *Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750*. Montreal, London: McGill Queen's Press, 1973. P. 93–140; Sumner B.H. *Survey of Russian History*. New York: Harcourt Brace, 1947. P. 31–47; Lantzeff G. V. *Siberia in the Seventeenth Century. A Study of the Colonial Administration*. Berkeley and Los Angeles : Univ. of California press, 1943.

²³ Turner F.J. «Russia ought to have its frontier interpretation» – letter to A.H. Buffinton, 27 Oct. 1922 // Billington R.A. *Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher*. NY, 1973. P. 459.

к процессам средневековой российской истории было применено понятие «фронтир» в значении «Украина»²⁴.

Б. Самнер и Д. Тредгольд признавали, что в некоторой степени феномен «фронтира» имел место и в Сибири²⁵. Многие сибирские крестьяне обладали чертами собственного достоинства и предприимчивости, чем отличались от жителей Европейской России. Протестантская идеология, принесенная в Северную Америку, в определенной мере соответствовала идеологии старообрядцев, поселившихся в Сибири. В Сибири возникла «смешанная национальность», поскольку русские смешались с аборигенным населением, а также с переселенцами, прибывшими из других уголков Российского государства. Р. Пирс и Дж. Ланцев в целом не признавали возможность применения теории фронтира для объяснения истории Сибири, так как считали, что слишком велико было различие между социальными условиями заселения американского Запада и процесса освоения русскими Сибири²⁶. Также следует отметить, что большая содержательная часть в трудах историков калифорнийской школы посвящена истории России в целом, а освоение Сибири в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. выступает как один из сюжетов русской истории.

Появление данных исследований вызвало ответную реакцию среди представителей отечественной исторической науки. В 1962 г. вышла работа Н.Н. Болховитинова «О роли подвижной границы в истории США»²⁷. Н.Н. Болховитинов критиче-

²⁴ Roger D.P. A Geopolitical study of Russia and United States // Russian Review. Vol. 1, issue 1 Nov. 1941. P. 6.

²⁵ Treadgold D.W. Russian Expansion in... P. 151–152; Sumner B.H. Survey of Russian... P. 44.

²⁶ Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire... P. 221–242.

²⁷ Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57–74.

ски разобрал учение Ф. Тернера и показал неправомерность его применения к истории расширения территориальных границ США, так как там колонисты, по сути дела, уничтожили коренное население. Это автоматически подразумевало невозможность применения теории фронта к истории России. Такой подход существовал до начала 90-х гг. XX в. и исключал применение теории фронта для истории Сибири.

К современному этапу можно отнести работы, написанные с начала 90-х гг. XX в. до настоящего времени.

С отходом от марксистской концепции понимания истории возникла проблема поиска новой парадигмы, которая бы объяснила процессы освоения и присоединения Сибири к Российскому государству.

В начале 90-х гг. XX в. особую популярность приобретают труды Л.Н. Гумилева²⁸. В его работах был затронут вопрос о присоединении Сибири в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. Он выдвинул оригинальное объяснение процессу стремительного продвижения русских «встречь солнцу». Согласно взглядам ученого, выплеск русского движения на окраины государства в XIV–XVI вв. является продуктом выброса пассионарной энергии. Следовательно, быстрое русское продвижение в глубь Сибири объяснялось новым этапом расширения ареала жизни великорусского суперэтноса, что может трактоваться как неотъемлемое свойство фронта – постоянное удаление границ от центра до достижения естественных пределов. Ускоренным темпам распространения суперэтноса способствовал мирный характер колонизации русскими новых земель. Правда, историк почти игнорирует процессы хозяйственного освоения региона, что является слабой стороной его работы.

²⁸ Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки по русской истории. М.: Дрофа, 1996.

В это время особое внимание было уделено проблемам межэтнической коммуникации в работах Н.С. Модорова, О.Н. Шелегиной, В.Я. Бутанаева, Т.А. Гончаровой, Е.П. Коваляшкиной, В.К. Чертыкова, Л.И. Шерстовой²⁹. В отличие от работ советского периода, современные авторы более конкретно и объективно показали сложности и противоречия, возникавшие в межэтнических контактах между русским и автохтонным населением Сибири. Однако все они отмечали довольно широкие хозяйственно-бытовые контакты, которые можно расценивать как предпосылки складывания нового сообщества.

В новом свете в современной сибирской историографии предстала проблема роли казачества и служилых людей в освоении Сибири. В 1995 г. появился трехтомник «История казачества Азиатской России»³⁰, а затем вышли исследования Е.В. Вершинина, О.Ю. Шаходановой, Н.Н. Симачковой и

²⁹ Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические социально-экономические отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Книжное изд-во, 1996; Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.): учеб. пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 1; Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI вв.). Томск: Изд-во ТГУ, 2006; Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007; Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005; Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакас. книжное изд-во, 2007; Шерстова Л.И. Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005; История Хакасии с древнейших времён до 1917 г. / отв. ред. Л.Р. Кызласов. М.: Наука, 1993.

³⁰ История казачества Азиатской России (XVI – первая половина XIX вв.): в 3 т. / под ред. Н.А. Миненко, И.В. Побережникова, А.Р. Ивонина. Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 1995. Т. 1.

И.Р. Соколовского³¹. Несмотря на все достоинства их работ, они в свете нашей темы односторонне отображают общий ход междоцивилизационного взаимодействия в Сибири.

Особый интерес представляет концепция А.С. Зуева³². Согласно взглядам ученого, присоединение Сибири происходило исключительно военным путем. Русские первопроходцы обманывали, эксплуатировали и истребляли местное население. В ответ они получали ожесточенный отпор со стороны «сибирских инородцев». В исследовании довольно логично и аргументированно делается попытка теоретического опровержения концепции советских историков о мирном присоединении севера Сибири. Но, на наш взгляд, автор впадает в противоположную крайность, признавая ведущим насильственный характер подчинения аборигенов русским. А.С. Зуев упрощает сложный процесс вхождения Сибири в состав Российского государства, необоснованно разделяя процесс присоединения и хозяйственного освоения территории³³. В исторической реальности Сибири хозяйственное освоение новых территорий проходило параллельно с присоединением, а часто и опережало его.

Определенный интерес представляет коллективная монография уральских ученых «Азиатская Россия в геополитиче-

³¹ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998; Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2000; Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нижневарт. гос. пед. ин-т. Нижневартовск, 2002; Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Сова, 2004.

³² Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002; Его же. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск: СО РАН, 2009.

³³ Зуев А.С. Русские и аборигены... С. 166–167.

ской и цивилизационной динамике. XVI–XX вв.»³⁴. В работе опровергается тезис об отставании Сибири в XVI–XVII вв. от территории центральной части Российского государства³⁵. Сибирь представляется отдельным миром, который до и после прихода русских развивался по собственным законам. Процесс взаимодействия Сибири и России следует рассматривать как диалог цивилизаций, в результате которого изменился не только облик отдельной территории, но и государства в целом. Доказательство вышеприведенной концепции строится на основе сравнения освоения Сибири и США в экономике, политике, культурной сфере. Ученые делают вывод об отличии между методами присоединения новых земель к центру России и расширением пространств США. США проводили увеличение площади государства путем насильственной колонизации, а Российское государство увеличивалось путем равного взаимодействия с Сибирью. Слабой стороной работы, несмотря на выделение в ней новых теоретических аспектов колонизации Сибири, является во многом декларативный характер приводимых в ней утверждений.

Наиболее интересными среди работ данного периода, по мнению автора, являются исследования, проводимые в контексте концепции «сибирского фронта». Первые работы, выполненные в контексте «сибирского фронта», были изданы в Томском государственном университете³⁶. Затем, благодаря

³⁴ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / под. ред. В.В. Алексеева, Е.В. Алексеева, К.И. Зубкова, И.В. Побережникова. М.: Наука, 2004.

³⁵ Следует отметить, что данная идея не нова. Такие ученые сибиреведы, как О.Н. Вилков, Л.И. Светличная, В.Н. Шерстобоев, еще в 50–60-е гг. XX века писали о том, что в XVII в. в Сибири, в отличие от Европейской России, уже активно начинали пробиваться ростки капиталистических отношений, следовательно, земли за Уралом обгоняли большую часть территории России по уровню социально-экономического развития.

³⁶ Американские исследования в Сибири: сб. ст. / отв. ред. М.Я. Пелипась. Томск: ТГУ, 1990. Вып. 1; Американский и сибирский фронт: сб. ст. / отв. ред. М.Я. Пелипась. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2.

усилиям ученых Института истории Сибирского отделения Российской академии наук и других исследователей прошлого Сибири, данная концепция получила развитие в трех научных сборниках³⁷ и одной монографии Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского³⁸. В них термин «фронтир» преимущественно использовался при сопоставлении процессов колонизации Сибири и США.

Затем теория фронтаира получила развитие в трудах иркутян А.Д. Агеева³⁹ и И.Л. Дамешек. И.Л. Дамешек активно использовала положения теории фронтаира в контексте исследований имперского регионализма на примере Сибири⁴⁰.

В последнее время наметилась тенденция к переосмыслению основных положений теории сибирского фронтаира. Это в первую очередь нашло отражение в исследованиях московских, новосибирских, томских ученых, посвященных вопросам историографии сибирского фронтаира, в которых по-прежнему продолжают дискуссии о возможностях применения этой теории для объяснения процесса продвижения русских за Урал⁴¹.

³⁷ Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.С. Мамсик. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып. 1; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2002. Вып. 2.; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 3.

³⁸ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005.

³⁹ Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М.: Аспект-пресс, 2005.

⁴⁰ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002.

⁴¹ Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.Я. и др. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск: Сова, 2006. С. 70–123; Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтаира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги

Отдельные аспекты проблемы сибирского фронта освещены в ряде статей автора данного исследования⁴².

Таким образом, несмотря на множество научных трудов, посвященных истории освоения сибирских территорий в XVII вв., продолжают споры о сути, характере и основной силе, заставлявшей русских двигаться за Урал. Фактически отсутствуют специальные работы, описывающие события, происходившие в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. В общих же работах события и процессы середины – конца XVII в. часто распространяются на более раннее время, тем самым искажая его характерные особенности, наиболее ярко проявляющиеся через призму нового концептуального подхода – теорию «сибирского фронта».

и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск: ТГУ, 2009. С. 106–126; Олейников Д.И. Фронт и колонизация [Электронный ресурс]. URL: <http://mion.sgu.ru/empires/docs/Frontier-colonization1.doc>

⁴² Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2008. №5 (106). Вып. 23. С. 106–112; Его же. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. матер. III Региональной молодежной науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 108–114; Его же. История становления теории сибирского фронта в работах отечественных ученых // История образования и науки в Сибири: матер. всерос. науч. конф. с межд. участием «История науки и образования» и «Значение исторического образования в развитии гражданского и патриотического сознания в современном российском обществе». Красноярск, 2009. Вып. 3. С. 239–244; Его же. Особенности формирования сибирского субэтноса в контексте фронта (конец XVI – первая четверть XVII вв.) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2007. Вып. 3. С. 189–199. Его же. Сибирский фронт в конце XVI первой четверти XVII веков // Матер. межд. конф. «Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». Томск: ТГПУ, 2008. Ч. 1. С. 253–261. Его же. Особенности внешнего фронта на юге Центральной Сибири // Мартыновские краеведческие чтения. Красноярск, 2008. С. 275–281.

Приблизиться к достижению заявленной в начале цели мы можем через решение следующих задач:

- определить дефиниции *колонизация, цивилизация и фронтир* применительно к условиям включения Сибири в состав России и ее освоения;

- уточнить хронологические рамки проникновения русских на отдельные территории Сибири;

- рассмотреть на новой концептуальной основе особенности социально-экономических отношений первых колонистов и военно-политическое взаимодействие русского и местного населения.

Территориальные рамки исследования охватывают исторические процессы, происходившие на просторах Западной и Центральной Сибири. С севера в роли естественной границы выступают воды Северного Ледовитого океана. С юга рубежом служит северная часть Барабинской степи, предгорья Западных и Восточных Саян. Западным рубежом являются Уральские горы. На востоке крайним пределом служат земли, лежавшие по левому берегу бассейна р. Енисей.

Хронологические рамки исследования определяются началом взаимодействия разноуровневых цивилизаций Сибири – последняя треть XVI – первая четверть XVII вв. Нижняя временная граница, последняя треть XVI в., подразумевает начало активного проникновения русских на сибирские территории, которое можно датировать 70-ми гг. XVI в., о чем свидетельствует множество исторических фактов. Широко распространенная точка зрения, связывающая начало освоения земель за Уралом с походами Ермака, князя С. Болховского и воеводы И. Мансурова справедлива только для начала движения русских в Сибирь в восточном и юго-восточном направлениях. Верхний хронологический рубеж датируется первой четвертью XVII в., когда процессы первоначального проникновения и стихийного заселения в условиях внешнего и внутреннего

фронтира сменились переходом на качественно новый этап освоения указанных территорий на стадии внутрицивилизационного фронтира.

В основе исследования лежат принципы системности, объективизма и историзма, с позиций которых все факты и явления находятся в развитии и взаимосвязи. Объективизм же дает возможность интерпретировать исторические факты с относительно высокой их приближенностью к реальным событиям.

В процессе работы были использованы общенаучные методы познания. К ним относятся описание и измерение, анализ и синтез, индукция и дедукция, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, классификация и типологизация, метод аналогии. В качестве историософской основы использовалась концепция «сибирского фронтира».

В исследовании использовались междисциплинарные и специально-исторические методы – ретроспективный и историко-системный. Обычные колониционные сюжеты необходимо рассматривать также с позиций этнографии, этнической и социально-сословной психологии. Ретроспективный метод позволил на основе сохранившегося комплекса исторических документов реконструировать историческую картину вхождения территорий, находящихся за Уральскими горами, в состав Российского государства. Системный метод предоставил возможность рассмотреть процесс движения русских за Урал во всем многообразии его форм и взаимосвязей между разрозненными историческими событиями, которые он позволил обобщить, и создать единую концепцию.

В исследовании использовались документальные и нарративные исторические источники. Документальные источники делятся на архивные и опубликованные материалы. Комплексное использование источников позволяет выявить как общие закономерности, так и частные особенности событий, состав-

ляющих содержание описываемого периода. В основе работы с источниками лежит сравнительно-исторический метод определения степени их репрезентативности.

Задачи исследования определяют отбор источников. Основу работы составляют материалы, затрагивающие вопросы начала проникновения русского населения на сибирские просторы, особенности хозяйственной деятельности и бытового уклада первых колонистов, административного устройства первых русских поселений, формы и методы контактов с коренными жителями.

В 1626 г. произошел пожар в архиве Приказа Казанского Дворца и множество ценнейших документов по истории Сибири исследуемого периода было утрачено, что, безусловно, осложнило изучение данной темы. Большая часть архивных источников по предложенной теме находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Для проведения исследования активно использовались материалы Сибирского Приказа (Ф. 214), на основе которых воссоздается деятельность русского крестьянства, торгово-промыслового, а особенно служилого населения и представителей воеводской администрации. Особый интерес представляют документы, собранные в Портфелях Миллера (Ф. 199). Многие исследователи неохотно обращаются к этому источнику, так как в нем собраны преимущественно копии многих документов, поэтому всегда встает вопрос о достоверности приводимых в них сведений. Но необходимо учитывать тот факт, что в Сибири XVII в. документы обычно составлялись в двух экземплярах. Один экземпляр отправлялся в Москву, в Приказ, ведавший делами Сибири, а другой, так называемый «отпуск», оставался в местной приказной избе для справок и хранения. Следовательно, с большой вероятностью можно предположить, что в Портфелях Миллера собраны вторые экземпляры документов, уничтоженные в результате пожара 1626 г.

Ценные материалы по истории русской колонизации Сибири содержат фонды Верхотурской приказной избы (Ф.1111), иллюстрирующие взаимоотношения русских с местными жителями. В документах этого фонда есть информация об особенностях заведения пашни на новых сибирских территориях в период последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

Для изучения истории Русской православной церкви в первой четверти XVII в. были использованы материалы Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (Ф. 70 – Тобольского Знаменского монастыря).

В восстановлении родословных первых сибирских воевод неоценимую помощь оказали документы Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге (Ф. 1343 – Департамент герольдии).

Часть из вышеприведенных источников использовалась ранее, но в полном объеме они не публиковались, поэтому информация, находящаяся в них представляет интерес для исследователей. Например, впервые в исторический оборот вводится отписка тобольского воеводы И. Куракина, сообщающая о разведке «немцами» Карской губы в 1609 г. (Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Д. №11. Л. 3); часть сведений из дозорной книги 1624 г. о составе населения Верхотурья, Тобольска, Туринска (Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 30–185); отписка березовского воеводы Степана Волынского от 1608 г. о предотвращении общего восстания сибирских остяков (Ф. 199. Оп. 2. Портф. 477. № 1. Л. 10).

Из опубликованных источников необходимо отметить Сибирские летописи⁴³, претерпевшие два издания. В них содержатся сведения об основании первых острогов, а также они

⁴³ Сибирские летописи, изданные Императорской Археографической комиссией / под ред. В.В. Майкова, Л.Н. Майкова. Спб.: Типография Императорской Археографической комиссии, 1907.

являются фактически единственными, более или менее сохранившимися документами о походе Ермака.

Интересным документом в контексте истории освоения Сибири является «Книга записная»⁴⁴. В ней можно найти ценные сведения об истории основания первых острогов в Сибири, а также ряд фактов о важных событиях военно-политического характера.

Публикация актового материала по периоду, рассматриваемому в диссертационном исследовании, началась в первые десятилетия XIX в. Первым сборником, содержащим акты по истории Сибири, было «Собрание государственных грамот и договоров»⁴⁵. В нем преимущественно были собраны грамоты, раскрывающие особенности взаимодействия местной и центральной власти. По ним можно проследить политику центра в отношении Сибири во время Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Василия Шуйского.

В 1830 г. вышли первые тома «Полного собрания законов Российской империи»⁴⁶. В них содержались акты, наглядно показывающие особенности политики центральной власти в отношении Сибири в первые годы ее колонизации. В эти же годы начал работу по сбору источников археолог и этнограф из чиновников Г.И. Спасский, опубликовавший Строгановскую и Есиповскую летописи, актовый и статистический материал по истории заселения Сибири.

Титаническую работу по сбору и введению в научный оборот актового материала провела созданная в 1834 г. Петербургская археографическая комиссия, которая издала «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим» и «Акты,

⁴⁴ Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973.

⁴⁵ Собрание государственных грамот и договоров / под ред. А.Ф. Малиновского. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Спб., 1830. Т. III.

собранные в библиотеках и архивах Российской империи»⁴⁷. В них собрано множество документов, позволяющих проследить социально-экономическое и военно-политическое развитие Сибири в последней трети XVI – начале XVII вв. Впоследствии были опубликованы источники, вошедшие в «Русскую историческую библиотеку»⁴⁸. Её материалы стали логическим продолжением «Актов исторических».

Ценные сведения, относящиеся к началу стихийной вольнонародной колонизации земель за Уралом, содержатся в сборнике документов «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией»⁴⁹, вышедшем в свет в 1883 г.

В это же время выходит сборник материалов XII в., изданный А. Титовым⁵⁰. Особое внимание следует уделить рассказу «О человеках незнаемых на восточной стране и о языках роз-

⁴⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук / под ред. И. Григоровича. СПб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613 гг.); Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук / под ред. М. Коркунова. СПб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. III (1613–1645); Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук. Доп. изд. / под ред. М. Коркунова. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. Т. IV; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Доп. изд. СПб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1836. Т. IV.

⁴⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II.

⁴⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (1581–1604) / под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1883. Т. II.

⁵⁰ Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М.: Типография Л. и. А. Снегиревых, 1890.

ных», который описывает географические и этнографические представления русских о Сибири XV в.

Среди дореволюционных изданий источников представляют интерес собранные А.М. Гневушевым «Акты правления царя Василия Шуйского»⁵¹, которые содержат множество документов об истории Сибири в Смутное время.

Нельзя оставить без внимания деятельность археографа Н.Н. Оглоблина. Его основная заслуга – это открытие и систематизация фондов Сибирского приказа, оформленные в работе «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа»⁵². В полной мере значение трудов Н.Н. Оглоблина было оценено в советский период сибирской историографии, когда фонды Сибирского приказа стали основой для создания множества работ по проблемам истории заселения и освоения Сибири.

К 1937–1941 гг. относится публикация двух томов сочинений Г.Ф. Миллера (переизданы в 1999, 2000 гг.)⁵³. Они содержали приложения, где были напечатаны документы из личных архивов историка, часть оригиналов которых безвозвратно утеряна. Данные приложения содержат бесценный материал по ранней истории Сибири. В настоящее время значительное количество копий и подлинников документов, составивших основу приложений, хранится в архивах Санкт-Петербургского института истории РАН и Российском государственном архиве древних актов.

⁵¹ Гневушев А.М. Акты правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 – 17 июля 1610). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914.

⁵² Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1895. Ч. 1; Его же. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1897. Ч. 2. Его же. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1900. Ч. 3. Его же. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1901. Ч. 4.

⁵³ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1. С. 325–450; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2. С. 136–636.

В 1932 г. вышла книга М.П. Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей»⁵⁴. Работа содержит выдержки из донесений иностранцев о сибирских территориях с комментариями М.П. Алексеева. Эти донесения помогают установить начальные хронологические рамки проникновения русских на просторы Сибири. Многие исследователи колонизации Сибири оставляли без внимания этот ценный источник.

При изучении частных проблем, таких как время основания первых поселений русских за Уралом, генеалогия пелымских князей, были использованы актовые материалы из приложений к «Историко-филологическому сборнику» 1958 г.⁵⁵ и сборника документов «Город у Красного яра»⁵⁶.

Уникальным является комплекс верхотурских грамот, составленный и опубликованный в 1982 г. Е.Н. Ошаниной⁵⁷. Несмотря на то что эти документы были изданы достаточно давно, очень мало ученых использовали их в своих работах. В верхотурских актах сохранилось множество сведений о жизни основного транзитного пункта и центра торговли между центральной Россией и Сибирью в конце XVI – XVII вв.

В связи с малым количеством сохранившихся документов для освещения некоторых проблем истории колонизации ценные сведения могут дать фольклорные источники. Например, для решения вопроса о времени основания на р. Лена русского

⁵⁴ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: в 2 т. Иркутск: Крайгиз, 1932 Т. 1.

⁵⁵ Приложения // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Книжное издательство Коми, филиал АН СССР, 1958. Вып. 4. С. 253–272.

⁵⁶ Город у Красного яра (Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв.) / сост. и ред. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Книжное изд-во, 1981.

⁵⁷ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. / сост. Е.Н. Ошанина: отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Институт истории АН СССР, 1982. Вып. I–II.

поселения Русское Устье был использован сборник фольклорных преданий «Фольклор Русского Устья»⁵⁸.

Со второй половины 90-х гг. XX в. активную работу по изданию архивных материалов ведут Томский государственный университет и Институт истории СО РАН, находящийся в Новосибирске. В результате их деятельности вышли в свет сборники документов: «Первое столетие сибирских городов»⁵⁹, «Первое столетие освоения Сибири русскими»⁶⁰. В исторический оборот был введен ряд неизвестных документов, в том числе описывающих события начала века.

Таким образом, источниковая база позволяет решить заявленную цель и задачи исследования.

⁵⁸ Фольклор Русского Устья / отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986.

⁵⁹ Первое столетие сибирских городов. XVII век / под ред. Д.Я. Резуна. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.

⁶⁰ Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск: Изд-во ТГУ, 1999.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА

В современной исторической науке на данный момент еще не утвердилась теория «сибирского фронта», поэтому существует несколько точек зрения на дефиницию самого фронта и определение сущности основных положений концепции. Следует отметить, что почти одновременно с теорией фронта Ф. Тернера на другом континенте появилась концепция колонизации В.О. Ключевского. Долгое время эти концепции существовали параллельно: понятие «колонизация» не использовалась американскими учеными для освещения истории США, а советские исследователи не применяли понятие «фронт» в отношении истории Сибири. Термин «колонизация» был введен в историческую науку достаточно давно, но несмотря на это, трактуется он неоднозначно. Многие ученые, используя данное определение при изучении одних и тех же исторических событий, приходят к диаметрально противоположным выводам. Следовательно, для правильного понимания основных понятий, которые будут употребляться в работе, необходимо дать им четкое и обоснованное объяснение. В противном случае произвольное толкование понятийного аппарата исследования может привести к искаженной трактовке его основных выводов и их аргументации.

Традиционно понятие «колонизация» рассматривается с двух противоположных точек зрения.

В дореволюционной историографии «колонизация» трактовалась широко – как процесс и завоевания, и освоения дру-

гих стран. В этом отношении показательны труды В.О. Ключевского⁶¹ и М.К. Любавского⁶².

Советская историография до середины 50-х гг. XX в. в большинстве случаев трактовала слово «колонизация» однозначно – образование колоний и их ограбление метрополиями. Применительно к истории СССР оно не использовалось. Только в условиях осуждения культа личности и начала «хрущевской оттепели» оно получило легитимность и историки вернулись к этому понятию. В отношении Сибири все советские историки, исходя из идеологических установок, признавали вольнонародный характер русской колонизации территорий за Уралом и добровольность вхождения коренных народов в состав Российского государства. Такой подход отличает работы В.И. Шункова⁶³ о заселении и хозяйственном освоении Сибири. Показательно определение, приведенное в Советском энциклопедическом словаре: «Колонизация – заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель»⁶⁴. Правда, на наш взгляд, в нем некорректно звучит слово «пустующих». Так как вся территория земного шара испытывает антропогенную нагрузку, то многие ученые физическую географию относят к социальным, а не к естественным наукам.

На современном этапе развития отечественной историографии также есть сторонники подобного определения. Например, В.В. Меншиков под колонизацией понимает «совокупность процессов заселения и хозяйственного освоения, а во многих случаях и присоединения новых земель представите-

⁶¹ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. Репринт. М.: АСТ, 2000. Кн.1. С. 30–33.

⁶² Любавский М.К. Обзор русской колонизации с древнейших времён до XX века. М.: МГУ, 1996. С. 73–74.

⁶³ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 425–428.

⁶⁴ Колонизация / В.Я. Петрухин // Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 610.

лями не автохтонного (пришлого) для колонизируемой территории населения»⁶⁵.

В условиях перестройки некоторые представители современной историографии в отношении народов Севера (А.С. Зуев⁶⁶ и П.Ю. Черносвитов⁶⁷) разделяют понятия «колонизация» и «освоение». Под «колонизацией» понимается процесс, в ходе которого территории (колонии) подчиняются интересам центра, в частности, используются для снабжения метрополии сырьевыми и людскими ресурсами. При «освоении» новых пространств население, приходящее на некоторую территорию, создает автономную, самодостаточную систему хозяйствования, направленную на удовлетворение потребностей заселяющих ее людей. Но следует учитывать тот факт, что создание частично автономных социохозяйственных систем присутствует практически во всех примерах подчинения новых территорий и является его составной частью.

Несколько по-иному термин «освоение» трактует А.И. Алексеев⁶⁸. По его мнению, «освоение» – открытие территории, её исследование, формирование границ и хозяйственное использование. Однако в данном определении автор оставляет открытым вопрос об участии государства в этом процессе. На наш взгляд, процесс освоения Сибири проходил как с участием государства (насильственный перевод крестьян из Европейской

⁶⁵ Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Курганский государственный университет. Курган, 2004. С.4.

⁶⁶ Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 177–178.

⁶⁷ Черносвитов П.Ю. Русская колонизация Севера: становление и разрушение генофондов культуры // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веке (историко-археологические исследования). Владивосток: ДВО РАН, 1994. Т. 1. С. 32–45.

⁶⁸ Алексеев А.И. Освоения русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М.: Наука, 1982. С. 3.

России), например при организации пашни в первой четверти XVII в. в Томско-Кузнецком земледельческом районе, так и без его участия, например деятельность торговцев и охотников в Мангазейской земле в последней трети XVI в. С самого начала заселения Сибири, с одной стороны, первые русские поселенцы рассматривали её территорию как источник легкого обогащения – кладовую, в которой были сосредоточены несметные пушные богатства⁶⁹, а с другой – она являлась своеобразной социальной площадкой с множеством свободных земель для вольного человека, где не было крепостного права.

«Колонизация Сибири», по мнению автора, – это процесс заселения и освоения русскими Сибири, содержащий различные формы и типы межэтнического взаимодействия с местным населением, административное включение новой территории в состав Российского государства, характеризующийся многообразием контактов и разной степенью взаимопроникновения до определенного времени самостоятельных в своем развитии хозяйственно-культурных типов и этносов.

Исходя из этого, термин «освоение» представляется более узким, отражающим в себе только отдельные стороны взаимодействия местного и пришлого населения. К тому же понятие «колонизация» обычно подразумевает государственное участие в процессе заселения приобретаемых территорий.

Процесс русской колонизации Сибири по составу участников и их целям в контексте истории XVI–XVII вв. достаточно сложен. Он включал в себя служилую, промысловую, земледельческую, ремесленную, торговую и церковно-монастырскую колонизации. Следует учитывать, что в разные периоды XVII в. роль и значение этих форм колонизации менялось. Например, если в начале XVII в. ведущее место занимали промысловая и правительственно-служилая

⁶⁹ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1972. С. 68.

колонизация, то к концу XVII в., когда количество соболя в Сибири значительно сократилось, начало преобладать земледельческое освоение. В зависимости от участия государства в обозначенных формах освоения можно отнести их к вольнонародной и правительственно-служилой колонизации. Но не следует противопоставлять эти колонизационные потоки, так как в исторической действительности XVII в. они находились в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Поэтому можно говорить в целом о смешанном характере колонизации Сибири в изучаемое время.

Во многом для понимания сложных процессов колонизации целесообразно применять термин «фронтир». Современная историческая наука предполагает сочетание формационной парадигмы с цивилизационным подходом. В данном контексте все большую популярность у историков приобретает теория фронта. Термин «фронтир» впервые в исторический оборот ввел американский исследователь Ф. Тернер⁷⁰ при анализе процессов территориального расширения США. Ф. Тернер под фронтиром понимал «точку встречи (географическую среду. — А.Х.) дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование основания нового общества»⁷¹. Впервые идею «американского фронта» Ф. Тернер выдвинул на собрании Американской исторической ассоциации в июле 1893 г. Его выступление было посвящено результатам переписи американского населения 1890 г., согласно которым в Америке не осталось неизвестных и неосвоенных территорий, где имел бы место фронт. По мнению Ф. Тернера, американская демократия, «сложная национальность», индивидуализм, физическая и социальная мобильность были напрямую связаны с фрон-

⁷⁰ Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y., 1920.

⁷¹ Там же. P.25.

тиром. «Свободные» земли были убежищем для бедняков, а их наличие предотвращало образование в стране класса немущих и обострения социальных противоречий⁷². На наш взгляд, Ф. Тернер определением «фронтир» подменил и облагородил колонизацию европейцами Северной Америки, сопровождавшуюся массовым истреблением аборигенного индейского населения. Его концепция основывалась на признании исключительно цивилизаторской роли европейских колонизаторов в отношении архаичных народов.

Базовые концептуальные положения учения Ф. Тернера развивали в дальнейшем ряд американских исследователей⁷³. Но в конце 1980-х гг. тернеровская интерпретация фронта подверглась критике со стороны так называемых новых историков Запада, возглавляемых Патрисией Нельсон Лаймрик. В 1991 г. она справедливо попыталась опровергнуть Тернера и представить процесс американской колонизации как уничтожение и завоевание местного населения. В противовес к тернеровскому вниманию к белым поселенцам фронта П. Лаймрик обратилась к тем, кто оказался ими изгнан. Особое внимание она уделила индейским племенам, которые были загнаны в резервации; мексиканцам, оттесненным на обочину в результате завоевания; американцам азиатского происхождения, также впоследствии дискриминированным⁷⁴. По существу, она показала надуманность тернеровского понятия «американский фронтир», так как не сложилось новое качество из взаимодействия европейского и коренного населения, а новое американское общество формировалось на основе контактов между самими европейцами в новых землях. Такой подход к проблеме

⁷² Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Report of the American Historical Association, 1893. P. 199–227.

⁷³ Billington R.A. The American Frontier. Wash., 1965; Billington R.A., Ridge M. Westward Expansion: A History of the American Frontier. N.Y., 1982; Clart T.D. Frontier America: The Story of the Westward Movement. N.Y., 1959.

⁷⁴ Limerick P.N. Trails: Towards a New Western History. Lawrence, 1991.

фронтира П. Леймрик все же страдает односторонностью, и, по мнению автора, сам «фронтир» нужно рассматривать комплексно, учитывая обратную связь между европейскими колонизаторами и коренным населением.

В конце перестроечного времени отечественная историческая наука обратила внимание на теорию фронтира. Освобожденная историческая мысль увидела новые возможности для объективного осмысления сложных процессов русской колонизации, происходивших на огромных пространствах за Уралом.

Одним из первых историков, который сформулировал свою точку зрения на определение особенностей «сибирского фронтира», был иркутянин А.Д. Агеев. Он отождествляет «сибирский фронтир» с понятием «цивилизационного разлома». Согласно его мнению, цивилизационный разлом проходил по северной части Тихого океана, где столкнулись движения «русско-сибирского» и «американского» фронтира⁷⁵. Однако трудно согласиться с такой точкой зрения, так как места встречи цивилизаций, скорее всего, были не разломом, а контактными зонами (термин этнографический), где происходил обмен разного рода социальным опытом. Работа строится на скудной источниковой базе. Основное внимание уделяется моменту встречи и противопоставления западной и русской колонизации, при этом не акцентируется внимание на общей динамике фронтира и процессах, происходивших внутри колонизационного движения. А.Д. Агеев справедливо, но в спорных формулировках считает, что «три главных фактора определили особенности "фронтира": климат, пространство и капиталы», поэтому возникает необходимость дать им верную трактовку.

Первым фактором являлся климат. Климат во многом определял характер первых русских землепроходцев. В суровых

⁷⁵ Агеев А.Д. Американский «фронтир» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронтир: сб. ст. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2. С. 30–31.

условиях от людей требовались отвага и решительность, предприимчивость и изобретательность, удивительная стойкость в преодолении трудностей и невзгод, а также ненасытная любознательность⁷⁶.

Территория Сибири расположена в трех климатических поясах: арктическом, субарктическом и умеренном. Это во многом предопределило естественно-географическое разделение труда в условиях фронта. Если в северных районах Сибири ведущую роль играл пушной промысел, то в ее центральной и южной частях господствовали земледелие и скотоводство. Хозяйственная специализация во многом предопределила особенности взаимодействия русского и коренного населения.

Влияние климата обусловило позднее развитие в центральной части Западной Сибири земледелия, так как там требовалось больше трудовых затрат для получения урожая, чем в Европейской России. Раннее замерзание и позднее освобождение ото льда рек – основных транспортных магистралей – сильно осложняло снабжение первых переселенцев⁷⁷. Ермак, С. Болховской, И. Мансуров первыми столкнулись с данной проблемой: «...и того ради бысть оскудение велие всяким запасам, и мнози от голоду изомроша»⁷⁸. Поэтому рыболовство, охота, собирательство имели большее значение для сибиряков, чем для жителей Европейской России. Например, потребность в растительной пище на раннем этапе освоения Сибири русские часто стремились удовлетворить сбором и заготовкой путем сушки или засолки всякого рода дикорастущих трав. В Манга-

⁷⁶ Никитин Н.И. Русские землепроходцы в Сибири. М.: Знание, 1988. С. 54.

⁷⁷ Добрыдnev В.А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI – начало XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2003. С. 28.

⁷⁸ Сибирские летописи, изданные Императорской Археографической комиссией / под ред. В.В. Майкова, Л.Н. Майкова. Спб.: Типография Императорской Археографической комиссии, 1907. С. 31–32.

зее готовили щи из травы, которую называли «капустою», а в Восточной Сибири варили растущий по берегам рек «борщ»⁷⁹.

Климат предопределил главенствующую роль промыслов в освоении севера Сибири в XVII в. В силу проблем, связанных с организацией земледелия, большинство русских людей здесь предпочитали заниматься промыслами. В отдельных районах Сибири в начале – середине XVII в. численность промышленников оказывалась либо равной количеству охотников из коренного населения (в Якутии и Енисейском крае в 40-х гг. XVII в.), либо даже превосходила его (Мангазейский уезд в начале XVII в.)⁸⁰.

В условиях промыслового освоения требовался особый вид жилища, в котором можно было остановиться в суровую зиму. Зима становилась наиболее продуктивным временем года для русского промышленника, потому что мех соболя в это время приобретал ценный товарный вид и его можно было выгодно продать. Следовательно, в Сибири появились зимовья, которые не встречались в Европейской России, и имели особое функциональное предназначение. В таежной зоне города нередко вырастали из зимовий – временных прибежищ служилых и промышленных людей⁸¹. Таким образом, климат являлся важнейшим фактором, который повлиял на развитие сибирского фронта в XVII в.

Следующим фактором, повлиявшим на развитие фронта, согласно А.Д. Агееву, является пространство. А.Д. Агеев утверждает, что «Сибирь – это почти две Америки» и поэтому американские пионеры «за один летний сезон могли, отправившись с востока, достигнуть западного побережья и

⁷⁹ Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. С. 96.

⁸⁰ Там же. С. 73.

⁸¹ Там же. С. 66.

построить хижины для зимовки»⁸². Это утверждение не соответствует действительности, так как русские землепроходцы смогли преодолеть расстояние до Тихого океана за 50 лет, а американцам потребовалось около 125 лет. Другое дело, что в силу большой протяженности сибирских территорий с запада на восток возникли проблемы с созданием сети коммуникаций между метрополией и периферией. Это обстоятельство способствовало снижению темпов развития рыночных отношений, законсервировав вплоть до XX в. элементы патриархального натурального хозяйства.

Пространство оказало значительное влияние на процессы, которые предопределили особенности сибирского фронта. Чем глубже в Сибирь продвигались правительственные отряды, тем труднее становилось обеспечивать их всем необходимым для жизнедеятельности в экстремальных условиях Сибири. Отсутствие коммуникаций, за исключением рек, и громадные расстояния до районов сельскохозяйственного производства затрудняли доставку продовольствия (состоявшего обыкновенно из муки, круп, толокна и соли) в только что завоеванные сибирские земли⁸³.

Благодаря огромной площади малозаселенной территории, в Сибири изначально преобладал экстенсивный путь хозяйственного освоения. В течение всего XVII в. основным по стоимости ресурсом, добываемым в Сибири, была пушнина. На территориях охоты популяция соболя сокращалась очень быстро. С течением времени пушные богатства в Западной Сибири стали истощаться, инородцы стали добывать меньше мехов и качеством хуже, и надо было отыскивать новых ясачных. Спустя некоторое время аналогичные процессы стали происходить на территории Восточной Сибири⁸⁴. Именно

⁸² Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж»... С.35.

⁸³ Добрыдnev В.А. Поморье и колонизация... С. 28.

⁸⁴ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колониза-

погоней за ценными соболиными шкурками можно объяснить столь стремительное продвижение русских в глубь Сибири. Формирование внутреннего сибирского фронта напрямую связано с поверхностным освоением территорий и сохранением присутствия автохтонных жителей.

Следующим фактором, повлиявшим на сибирский фронт, являлся капитал. В отношении истории Сибири XVII в. «фактор капитала» – это денежные средства, выделяемые на освоение Сибири из различных источников финансирования. В истории колонизации Сибири присутствовали два вида финансирования: частное и государственное.

Свою роль частные вложения сыграли в самом начале освоения Сибири. Поход Ермака, по сути дела, был профинансирован купцами Строгановыми⁸⁵. Большие средства частные предприниматели вкладывали в пушной промысел, который давал наибольшую отдачу. Уже в XVII в. в Сибири появляются фигуры крупных промышленников и торговцев, таких как братья Ушаковы, которые вошли даже в состав высших купеческих гильдий допетровской России⁸⁶. Но все равно большая часть продукции пушного промысла вывозилась из Сибири в европейскую часть Российского государства, где шла переработка наиболее ценных ее видов⁸⁷.

Однако главную роль в процессе колонизации играло государственное финансирование. Строительство новых острогов, выплата жалованья служилым людям, доставка продоволь-

цией. СПб.: Лань, 2000. С. 229.

⁸⁵ Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып.1. С. 33.

⁸⁶ Вилков О.Н. Ушаковы Иван и Алексей Ивановичи // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Наука, 1998. Т. IV., кн. II. С. 45–46.

⁸⁷ Павлов П.Н. Пушной промысел... С. 315–320.

ствия и других необходимых в хозяйстве предметов в отдаленные города Сибири – все это требовало огромных затрат, которые были не по силам ни одному частному лицу. Поэтому, отчасти вполне справедливо, государство получало сверхдоходы от пушного промысла Сибири. Именно государственные денежные вложения, их необходимость для сибирских людей, на наш взгляд, смогли прочно прикрепить Сибирь к России. С самого начала вхождения сибирской территории в состав Российского государства были единичные прецеденты проявления сепаратизма со стороны русского населения. Например, противодействие русских промышленных и торговых людей основанию острога в Мангазее⁸⁸.

На наш взгляд, к трем вышеприведенным факторам А.Д. Агеева следует добавить демографический фактор. Безусловно, особенности сибирского фронта были определены масштабом притока русских, их социальным составом, плотностью коренного населения в отдельных районах за Уралом, общественным строем автохтонного населения, его социокультурным уровнем. Это все предопределило межцивилизационные различия, а следовательно, особенности отношения коренных жителей к государственной власти и усвоения ими хозяйственных навыков, форм социальной организации, культурных ценностей жителей Европейской России.

Следует понимать – коренные жители Сибири не были однородной массой. В Сибири русские столкнулись с представителями различных языковых семей: уральской (ханты, манси, юраки, энцы, ненцы и др.), алтайской (тунгусы, калмыки, монголы, татары, киргизы и др.) и енисейской (кеты, аринцы и др.). Языковое различие во многом предопределило своеобразную культуру каждого народа и свой общественный уклад. Причем общественный уклад имел решающее зна-

⁸⁸ РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 188, стлб. 824.

чение. Так, часть сибирских народов находились на стадии трайбалистского общества (юраки), другие – раннепотестарного образования (ханты, манси), третьи – перехода от потестарного образования к оформлению государственности. В свою очередь, разные общественные уклады, обусловленные пестротой этнического состава коренных народов за Уралом, определили направления расширения фронта (секции).

Позже А.Д. Агеев считал, что «фронт – понятие географическое, экономическое, социальное, правовое и политическое. Фронт – это физическое перемещение человека, уже привыкшего к гражданскому состоянию, в условия состояния естественного»⁸⁹. Он первым среди российских исследователей представляет фронт как понятие, включающее в себя множество аспектов, связанных с разными сторонами взаимодействия русского и местного населения. Но при этом, на наш взгляд, он неточно проводит различия между американским и сибирским фронтом. Согласно его мнению, «российская "граница" принципиально отличалась от американской "границы" ("фронта")». Американский "фронт" – это постоянное движение на новые территории гражданских вооруженных людей, формально никак не связанных с государством. Русские южные и восточные границы – это в самом полном смысле рубеж, цель которого – воспрепятствовать вторжению в пределы империи представителей других народов»⁹⁰. Справедливо, что в условиях сибирского фронта видную роль играло государство, но эта роль не сводилась только к защите от посягательств других стран. Тем более что присутствовала частная инициатива вооруженных гражданских людей в освоении новых территорий (самовольные походы казаков на вос-

⁸⁹ Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтов. М.: Аспект-пресс, 2005. С.15.

⁹⁰ Там же. С. 241.

ток). К тому же данная трактовка упрощает многоуровневое понятие фронта и затрагивает только его территориальный аспект.

Поэтому, хотя А.Д. Агеев выделил ряд теоретических положений, определивших особенности «сибирского фронта», он совершил, на наш взгляд, методологическую неточность, рассматривая сибирскую историю как единое целое без выделения особенностей процессов, характерных для разных этапов освоения территорий за Уралом. К тому же А.Д. Агеев основной акцент делал на военном взаимодействии между русскими и коренными жителями.

В сравнительном плане рассматривает процессы, которые имели место в североамериканском и сибирском фронтах, московская исследовательница Н.Ю. Белаш⁹¹. В первой работе она утверждает, что «американский фронт – символ формирования американского общества», а «освоение российской территории – лишь расширение государственной вотчины»⁹². Автор правильно заметила, что формирование американского общества происходило одновременно с процессом изоляции аборигенного североамериканского населения, а в России коренное население почти сразу оказывалось частью «государевой вотчины» или сибирского общества. Но при этом она недооценила как роль частной инициативы в процессе колонизации, так и сибирскую специфику по сравнению с другими окраинами Российского государства.

Так же, как и остальные исследователи, она пытается сформулировать понятие фронта, его территориальную локализацию и особенности ментальности людей фронта⁹³. Со-

⁹¹ Белаш Н.Ю. Образ фронта в США и России // Американский и сибирский фронт: сб. ст. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2. С. 37–44.

⁹² Там же. С.39.

⁹³ После 1996 года автор сменила свою девичью фамилию Белаш на Замятину. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.

гласно ее мнению, сущность фронта заключается в том, что он выступает фактором «неустойчивого равновесия»⁹⁴. Следует отметить, что историк не видит структуры многоуровневого понятия «фронта», а также неясным остается трактовка «неустойчивого равновесия». Правда, ниже она делает важное уточнение, с которым необходимо согласиться, что фронт — «зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной ее жителями»⁹⁵. По ее мнению, неустойчивое равновесие сводится, если брать терминологию других историков, только к внешнему фронту, при котором обычно имеет место начальный момент взаимодействия различных цивилизационных уровней и систем.

По нашему мнению, «неустойчивое равновесие» предполагает складывание особых социально-экономических и политических условий на территории фронта, характеризующихся динамикой и постоянным развитием, предполагающих создание нового общества на периферии, черты которого во многом отличаются от тех, что имелись в центральной части страны. При этом в сознании автохтонных жителей, а иногда и пришлого населения, ещё не сложилось четкого понимания своей гражданской принадлежности к государству, так как новоприобретенные территории во многом формально входили в его состав, а этот факт очень часто подразумевал наличие отдельных сепаратистских устремлений у людей фронта. Динамичный же характер неустойчивого равновесия предполагает наличие разных стадий фронта: внешней, внутренней и внутрицивилизационной.

Исследовательница уделяет особое внимание анализу ментальных черт людей фронта Сибири и Америки. Согласно

⁹⁴ Замятина Н.Ю. Зона освоения... С. 82–83.

⁹⁵ Там же. С. 77.

ее мнению, «...на краю обжитой территории оказались люди сходной закваски... степенных и благопристойных граждан туманные окраины не манили ни в Америке, ни в России»⁹⁶. Правда, непонятно, почему она в качестве доказательства в отношении этих людей не привела теорию пассионарности Л.Н. Гумилева. Справедливо сближая пассионариев Америки и Сибири, она путано и неверно характеризует их отношение к колонизируемой территории. Согласно ее мнению, если сутью американского образа фронта является представление об Америке как «земле обетованной», то в России фронт воспринимался как «крамольная окраина»⁹⁷. Это ложное противопоставление, так как и английская, и российская короны одинаково считали эти земли краем ссылки и каторги. Люди же фронта тоже стремились обрести землю обетованную или сказочное Беловодье как в прериях, так и в сибирской глуши. Также, на наш взгляд, более четкой формулировке выводов и положений работы в известной степени помешала литературоведческая направленность их раскрытия.

Заметный вклад для развития теории «сибирского фронта» внес новосибирский исследователь Д.Я. Резун. По его мнению, на формирование сибирского фронта оказали влияние «климат, рельеф, пространство, исторический фон»⁹⁸. В контексте обоснования влияния исторического фона на сибирский фронт он не замечает, что освоение Сибири не сразу происходило в условиях существования Российского централизованного государства XVIII–XIX вв.⁹⁹. Данный факт немаловажен, так как, на наш взгляд, именно он в значительной степени предопределил специфику сибирского фронта.

⁹⁶ Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт)... С. 78.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Резун Д.Я. Предисловие // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 3. С. 7–8.

⁹⁹ Резун Д.Я. Предисловие... С. 8.

Коренные народы Северной Америки и Сибири на момент встречи с европейцами находились на одной ступени социокультурного развития. Однако встреча американских колонизаторов с автохтонными жителями привела к истреблению последних, а в результате взаимодействия русских с сибирскими инородцами сложилась новая субэтническая общность – сибиряки. Следует отметить, что осваивали Америку в XVII–XVIII вв. в основном выходцы из Великобритании, в которой уже окончательно сложилось централизованное государство, и следовательно, они распространяли на новые земли привычный для себя принцип жесткого подчинения центру окраин. К началу освоения Сибири Российское государство не было централизованным и поэтому не стремилось подавить все проявления относительной автономии как русского населения, так и коренных жителей, тем самым это обусловило относительно безболезненное вхождение в поле государства последних. Непонятно, также, почему уважаемый автор делает акцент на «фон», а не на «уровень развития» Российского государства как фактора, влиявшего на фронтир.

Он справедливо считает, что нельзя привязывать территорию фронта к границе государственных владений России в Сибири, ибо границы таковой просто не существовало. Более четко понятие фронта как территории, по мнению ученого, подходит к землям, лежащим вдоль укрепленных линий, созданных в начале XVIII в. На наш взгляд, это локальное проявление фронта, ибо территория фронта возникает там, где появляются более или менее паритетные отношения между пришлым и коренным населением. Д.Я. Резун считает, что главное различие между фронтиром Америки и Сибири в территориальном аспекте заключается в том, что по мере освоения территории белыми американцами эта «ничейная», пограничная земля все более и более отдалялась от колонистов; в Сибири же эти незаселенные, неосвоенные, порубеж-

ные пустоты можно было встретить как на границах русских владений, так и глубоко внутри их. И каждый раз их освоение было новым этапом развития сибирской экономики¹⁰⁰. Но это утверждение несколько сужает базовое понятие «фронтир», отождествляя частное с общим.

Трактовка Д.Я. Резуна «территории» как фактора фронта, на наш взгляд, ослабляет его мысль о ведущей роли социальных условий взаимодействия колонистов и местного населения¹⁰¹. Он справедливо утверждает, что «фронтир невозможен без переселений (массовых миграций), устанавливающих собственную границу или *terra nullius* (ничейная земля), между полноценными подданными – "цивилизованными представителями метрополии" и "туземным населением" – "инородцами", которые постепенно становятся подданными. А их земли подлежат "освоению" ("колонизации")»¹⁰². Правда, необходимо отметить возможность возникновения фронта и при переселении разных народов и этносов одноуровневой цивилизации на одну свободную незаселенную территорию.

Выделяя главные движущие силы сибирского фронта, Д.Я. Резун вновь вернулся к восходящему к XVIII в. тезису о том, что главную роль в освоении Сибири сыграла правительственная колонизация, хотя имело место и вольнонародное освоение территорий¹⁰³. Этот, по сути, спорный тезис, получающий все большее распространение среди современных историков, и, на наш взгляд, требует более глубокого обоснования.

В целом в работах отечественных ученых прослеживаются два основных подхода к трактовке фронта. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте, то есть фрон-

¹⁰⁰ Резун Д.Я. О некоторых моментах ... С. 40.

¹⁰¹ Там же. С. 39.

¹⁰² Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. С. 16.

¹⁰³ Резун Д.Я. Предисловие... С. 9.

тир – это определенная линия укреплений, установленная зафиксированная граница между русскими и коренными жителями Сибири или соседними государствами¹⁰⁴. По нашему мнению, эта интерпретация сужает теоретическое содержание основных идей Ф. Тернера. В английском языке значения слов «a border» и «a frontier» различаются. Слово «a border» означает четко определенную границу (в значении линии) между государствами и географическими объектами (морями, океанами, горами, равнинами, континентами). Слово же «a frontier» – это «подвижная граница» (граница продвижения), которая предполагает динамику, а не статику. Следовательно, цепь пограничных укреплений – острогов – или граница распространения власти государства на какую-либо территорию – это «a border», а не «a frontier».

Сущность второго подхода первоначально была выражена Н.Ю. Замятиной, которая определила фронтир как зону особых социальных условий¹⁰⁵. Конкретизировали же ее взгляды Д.Я. Резун и М.В. Шиловский в окончательном варианте считавшие, что фронтир – это «место и момент встречи двух культур разного уровня развития («подвижная граница»)»¹⁰⁶. Следует особо выделить, что, по их мнению, «фронтир возможен только при встрече и контакте двух культур разного уровня *цивилизационного развития* (курсив наш. – А.Х.)»¹⁰⁷. Этот тезис несколько отличен от мысли Ф. Тернера о том, что фронтир

¹⁰⁴ Агеев А.Д. Американский «фронтир» и «сибирский рубеж»... С. 30–31; Рахимов Р.Н. Башкирия – юго-восточный фронтир России. Доступ свободный. URL: www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=393

¹⁰⁵ Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир)... С. 77.

¹⁰⁶ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века... С. 16.

¹⁰⁷ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века... С. 16.

представляет «точку встречи *дикости* (курсив наш. – А.Х.) и цивилизации»¹⁰⁸.

Следовательно, возникает новый вопрос: а возможен ли сибирский фронт при контактах цивилизации с потестарными образованиями и трайбалистскими обществами? В отечественной исторической науке традиционно под «трайбализмом» (англ. tribalism, от лат. tribus – племя) понимаются сохраняющиеся архаичные институты и организации, присущие родоплеменному строю, предполагающие архаичность социального развития и низкий уровень этнических процессов, выражающийся во враждебном отношении одной этнической группы к другой¹⁰⁹. Потестарное же образование можно определить как объединение этнических общностей с уже существующим неким социальным и имущественным неравенством, известным разделением труда и обменной деятельности, созданным для осуществления военных и административно-экономических функций, отражающих объективные потребности усложнявшегося коллектива, существовавшего до появления государства¹¹⁰. По сути дела, все народы Сибири, с которыми встретились русские в ходе своего движения на Восток, являлись либо потестарными образованиями, либо трайбалистскими обществами.

Один из основателей цивилизационного подхода английский историк А. Тойнби в своих трудах, с одной стороны, проводит четкую грань между цивилизациями (он выделяет 21 цивилизацию) и примитивными обществами (таких обществ, по его мнению, существовало примерно 650), с другой – отмечает, что

¹⁰⁸ Turner F.J. The Frontier in American... P. 25.

¹⁰⁹ Большая советская энциклопедия. Интернет-вариант. Доступ свободный. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00080/08000.htm>

¹¹⁰ Вводя данное определение, автор основывался на работах Ю.В. Бромлея и Л.Е. Куббеля. См. подробнее: Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. 1972. № 5; Его же. Этнос и этнография. М., 1973; Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 153–156.

примитивные общества наравне с цивилизациями представляют собой «интеллигибельные поля исторического исследования». То есть примитивные общества имеют свою материальную и духовную культуру, особый социальный строй, религию и т.д. Во многом, по А. Тойнби, разница между цивилизациями и примитивными обществами заключается в сравнительно короткой жизни, территориальной ограниченности и малочисленности последних¹¹¹. Эту мысль А. Тойнби выразил достаточно образно, но неточно: «сравнивать цивилизацию с примитивным обществом, это все равно, что сравнивать слона с кроликом»¹¹². В действительности же гигантизм слона не отражает сложности устройства организма. Однако, несмотря на это, из всего вышесказанного, на наш взгляд, можно назвать все потестарные образования и трайбалистские общества в какой-то степени малыми локальными цивилизациями.

В условиях же «сибирского фронта» процессы взаимопроникновения и взаимовлияния разноуровневых обществ (локальных цивилизаций) протекали медленно и растягивались на столетия. Например, включение в состав Российского государства самоедских племен и народов северо-востока Азии встретило длительное сопротивление и завершилось в конце XIX в., когда они признали русское господство и стали россиянами.

В целом же, обобщая взгляды сторонников второго подхода, на наш взгляд, более продуктивного, можно определить фронт как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества.

В этом плане очень продуктивной, на наш взгляд, является концепция новосибирского ученого М.В. Шиловского. Ученый считает, что «необходимо говорить о трех видах фронта:

¹¹¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. С. 78–79.

¹¹² Там же. С. 79.

«внешнем, по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в "огораживающие поле" колонизации, внутреннем – по отношению к народам, оказавшимся внутри него, и внутрицивилизационном – между старожилами и переселенцами»¹¹³. На наш же взгляд, целесообразнее говорить не только о видах, но и о стадиях фронта, так как они в различных регионах и сменяли друг друга последовательно.

Все начинается со стадии внешнего фронта. На ней впервые происходит встреча пришельцев-«колонизаторов» с автохтонным населением, в ходе которой появляются спорадические экономические, социальные, политические и культурные контакты. Границы внешнего фронта для процесса освоения Сибири в XVII в. относительно статичны и имеют определенное местоположение и конечные хронологические рамки. Например, в 1639 г. русские вышли на побережье Тихого океана¹¹⁴, что означало окончание их продвижения на восток в XVII в. Границами внешнего фронта в XVII в. на западе выступают Уральские горы, на востоке – побережье Тихого океана, на севере – побережье Северного Ледовитого океана, на юге – Барабинская степь, территории современного горного Алтая, Хакасии и р. Амур.

Неизбежно внешний фронт переходит в стадию внутреннего фронта. Внутренний фронт – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поля государства. Его границы трудно, а иногда и невозможно определить. Государство неизбежно расширяет

¹¹³ Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101.

¹¹⁴ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён до 1917 года. М.: Мысль, 1971. С. 105.

свое присутствие в жизни нового сообщества, но при этом в большинстве случаев на недавно приобретенных территориях сохраняется ситуация неустойчивого равновесия, неоформленности самого этого сообщества, что и порождает стадию внутреннего фронта. Точно и эмоционально особенность внутреннего фронта описывает Д.Я. Резун: «В Америке в XIX в. фронтиры были смяты и отодвинуты далее на Запад гудком паровоза; у нас же даже строительство Транссиба мало что изменило в сибирском фронтире. И даже эпоха Советской власти не смогла их стереть с карты Сибири. Более того, в силу небольшой демографической популяции Сибири еще долго суждено оставаться неким большим фронтиром»¹¹⁵.

Переход от внутреннего к внутрицивилизационному фронтиру начинается с появлением местной специфической культуры и ментальности русских переселенцев на новой территории, а также, по меркам старожилов, с появлением поздно переселившихся соотечественников, которым бросаются в глаза их взаимные различия. Следовательно, внутрицивилизационный фронт — это «контактная зона» совместного проживания старожилов с новыми переселенцами. Именно в условиях внутрицивилизационного фронта формируется новое сообщество, или особый вариант старой общности, на основе различных типов взаимодействия. Например, с XVIII в. появляются карымы-сибиряки и маганые русаки, чалдоны. В XVII в. данная стадия фронта имела лишь эпизодические проявления, так как состав постоянного населения Сибири находился на этапе формирования, а слой старожилов только складывался.

Стоит отметить, что стадияльная концепция сибирского фронта предполагает определенную последовательность смены самих стадий. Но в исторической реальности процессы, происходившие в ходе цивилизационного взаимодействия, в разных районах Западной и Центральной Сибири, в теории

¹¹⁵ Резун Д.Я. О некоторых моментах... С. 40.

асинхронные и дистадиальные, имели место на разных уровнях фронта, но проявлялись синхронно.

В коллективной монографии уральских историков под руководством академика В.В. Алексеева «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв.»¹¹⁶ был сделан новый шаг в развитии концепции «сибирского фронта». Принимая основные положения своих предшественников, они вводят новый термин «области фронта». Согласно их утверждению, «области фронта – это зоны создания и разрушения, противостояния структур ядра и периферии, которые являются источником социальных перемен»¹¹⁷. С одной стороны, в данном термине находит выражение идея о том, что в пространстве фронта формировались основные тенденции, определившие дальнейшее развитие осваиваемых территорий. С другой – здесь напрашивается обращение к классику Ф. Тернеру, который в контексте выдвинутой им теории выделяет понятие «секция», во многом тождественное термину «области фронта».

По Ф. Тернеру, секция – это «физико-географическая область с определенным укладом хозяйства и особым психическим складом населения»¹¹⁸. На наш взгляд, концепция секций справедлива для реалии Сибири XVII–XX вв. Именно понятие «секция» определяет одно из принципиальных отличий теории фронта от теории колонизации. В современном сибиреведении обычно в территориальном плане колонизация земель за Уралом воспринимается либо как явление нерасчлененное, то есть колонизация Сибири в целом, либо как освоение отдельной территории, например колонизация Причулымья. По нашему мнению, на начальном этапе взаимодействия цивилизаций за Уралом целесообразно делать обобщение закономерностей

¹¹⁶ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / под ред. В.В. Алексеева, Е.В. Алексеева, К.И. Зубкова, И.В. Побережникова. М.: Наука, 2004. С. 201–219.

¹¹⁷ Там же. С. 208.

¹¹⁸ Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays. Yale Univ. Press, 1998. P. 88.

на некоторой промежуточной территории между регионом в целом и отдельным районом внутри этого региона. То есть само собой наиболее подходящей территориальной единицей является секция, в динамике приобретающая значение направления.

Еще на стадии внешнего фронта (в конце XVI – первой четверти XVII вв.) формировались направления расширения фронта – северо-восточное, восточное и юго-восточное (об этом подробнее будет написано во второй главе). Они различались по скорости продвижения русских в глубь Сибири, видам контактов с местным населением, степени адаптации русского населения к новым геоклиматическим и этносоциальным условиям, ведущим типам хозяйственной деятельности. Во многом направления фронта определили и формирование различных субэтнических русских групп в разных районах Сибири во время внутренней и внутрицивилизационной стадий фронта.

Остается выяснить вопрос о соотношении понятий «фронт» и «колонизация». Вышеперечисленные авторы¹¹⁹ полагают, что «колонизация» – более широкое понятие, нежели «фронт». Это утверждение не совсем точно. Принятое в отечественной историографии в отношении Сибири определение «колонизация» имеет комплексный характер, который включает в себя социально-экономическое, политическое, этническое и духовное освоение новых территорий, предполагающее обязательное участие государства.

¹¹⁹ Агеев А.Д. Сибирь и американский запад... С. 15; Агеев А.Д. Американский «фронт» и... С. 29–35; Белаш Н.Ю. Образ фронта в США... С. 37–44; Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт)... С. 75–88; Резун Д.Я. О некоторых моментах... С. 29–54; Резун Д.Я. Предисловие... С. 3–11; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века... С. 16; Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII веке // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып. 1. С. 5–57; Шиловский М.В. Фронт и переселения... С. 101.

Фронтир же принципиально отличается от понятия «колонизация» тем, что на территориях встречи различных разновневых цивилизаций в условиях особого климата и ландшафта происходит хозяйственное, этническое, политическое взаимодействие колонистов с местными жителями, которое *обязательно приводит к появлению нового сообщества, основанного на синтезе материальной и духовной культуры автохтонного и пришлого населения*. Важно понимать, что колонизация, в зависимости от движущих сил, форм и методов ее проведения, не обязательно завершается формированием нового общества. Так, процессу продвижения русских за Урал соответствует как термин «колонизация» новых земель, так и термин «сибирский фронтир». Даже в большей степени уместнее будет использовать термин «сибирский фронтир», так как в ходе активного взаимодействия пришлого и коренного населения сформировалась новая субэтническая общность сибиряки. В истории же США имела место только колонизация, так как не сформировалась особая субэтническая общность в ходе контактов между европейцами и американскими индейцами. Последние попросту были загнаны в резервации, а европейцы начали обрабатывать их земли.

На наш взгляд, понятие «фронтир» также позволяет рассмотреть такие новые специфические проблемы, не подпадающие под понятие «колонизация», как например, вопросы этнической и социальной психологии, ментальное восприятие мира и друг друга автохтонными жителями и переселенцами.

Следует добавить, что в отечественной историографии в отношении процессов, происходивших в истории Сибири, вместо «фронтира» иногда употреблялся термин «русское порубежье». В определении взаимоотношения терминов «фронтир» и «русское порубежье» встречаются разные подходы. Например, А.Д. Агеев считает эти понятия равнозначными¹²⁰. Изна-

¹²⁰ Агеев А.Д. Американский «фронтир» и... С. 30–31.

чально Д.Я. Резун ставил знак равенства между фронтиром и «русским порубежьем» и приводил следующую аргументацию: «В период (советское время. – А.Х.), когда историческая наука была крайне идеологизирована, объективное исследование этой проблемы представлялось весьма затруднительным. Идеологическая поляризация диктовала: фронтир – плохо, русское порубежье – хорошо»¹²¹. Позже он и другие сибирские историки стали определять фронтир как зону особых социальных условий, возникающих при встрече разноуровневых цивилизаций, и не отождествлять его только с границей территории. Тем самым определилось различие в смысловой нагрузке между понятиями «фронтир» и «русское порубежье».

Итак, нами выяснено значение термина «фронтир» для истории XVII в. и описаны факторы, повлиявшие на его формирование. Конкретным смыслом термин «фронтир» наполняется в момент совпадения определенной точки на карте (территории) и времени. Следовательно, в рамках данной исторической концепции актуальность приобретают исследования конкретных территорий на относительно коротком промежутке времени (30–50 лет). По мнению автора, теория сибирского фронта позволяет с новых методологических позиций, без идеологического давления представить во всей полноте и многообразии форм процесс взаимодействия цивилизаций от Урала до Енисея последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

¹²¹ Ламин В.А., Резун Д.Я. Предисловие // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып. 1. С. 3.

ГЛАВА 2. РАСШИРЕНИЕ ВНЕШНЕГО СИБИРСКОГО ФРОНТИРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.

Начальный этап проникновения русских на территории за Уралом составлял основное содержание стадии внешнего фронта. Внешний фронт – место и момент первой встречи колонистов с автохтонным населением. Внешний фронт¹²² предполагает спорадические и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Особенностью сибирского внешнего фронта был его локализм, когда за его границей лежала территория, не известная русским. В период с последней трети XVI – первой четверти XVII вв. фронт в Сибири находился в состоянии динамичных изменений и только к середине XVII в. принял более характерную для себя статику.

Для понимания внешнего фронта необходимо определить время и место первых контактов русских первопроходцев с коренными народами Сибири и выявить особенности их взаимодействия, возникавшего в зонах неустойчивого равновесия.

Основным источником для изучения истории Сибири является актовый материал, который составляли для нужд государства, и сведения, содержащиеся в нем, носят официальный характер. Но необходимо учитывать, что в ряде случаев, благодаря частной инициативе и без ведома государства русские совершали систематические походы в Сибирь с 70-х гг. XVI в. Если принять этот факт во внимание, то следует, что коло-

¹²² Под выражением внешний фронт следует иметь в виду стадию внешнего фронта. Данный прием упрощения лексических конструкций используется для лучшего стилистического восприятия текста.

низация Сибири началась по меньшей мере на десятилетие раньше, чем служилые люди начали строить первые остроги, которые были узловыми пунктами правительственного присоединения новых территорий. Самым первым русским землепроходцам было невыгодно рассказывать о своих походах государственным органам, так как основной целью их продвижения «встречь солнца» на начальном этапе колонизации Сибири, на наш взгляд, являлся пушной промысел, приносивший значительный доход, поэтому первые промышленные люди всячески старались скрыть источник своих доходов от официальных властей. Тем не менее сохранились исторические документы и археологические свидетельства, содержащие сведения о пребывании русских в Сибири до похода Ермака, позволяющие считать данный период началом стадии внешнего сибирского фронта.

В период последней трети XVI – первой четверти XVII вв., учитывая специфику русского продвижения за Урал, целесообразно выделить направления распространения фронта – северо-восточное, восточное и юго-восточное.

2.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ФРОНТА

Первые упоминания о походах русских в Сибирь встречаются в летописях XI в. В них записано несколько обстоятельных, хотя и изукрашенных баснословием, сведений о юграх: «...яже сказа ми Гюрата Рогович..."яко послах отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающие Новгороду; и пришедшу отроку моему к ним, а оттуда идее в Югру"»¹²³. Следовательно, можно предположить, что из Новгородских земель в течение XI–XV вв. совершались эпизодические походы за Урал

¹²³ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882. Репринт. Сургут: Северный дом, 1993. С. 16.

силами отрядов «ушкуйников» («гулящих людей», разбойников). Возможно, какое-то время территория Югории была зависима от Новгородской республики. После падения Новгорода в 1478 г. инициативу организации походов в Югорскую землю взяло на себя формирующееся Российское государство. Доподлинно известно, что в конце XV в. русские совершили поход в Югорскую землю. Г.Ф. Миллер, основываясь на данных разрядных книг, пишет следующее: «Под 7007-м г. от сотворения мира, или 1499 г. от Рождества Христова, в русских летописях описан поход, предпринятый в Югорскую землю и против вогулов»¹²⁴. В целом поход завершился удачно. В некоторых степенных книгах кратко говорится об успехе этого похода, а именно: были взяты многие городки, т.е. небольшие укрепления или обнесенные тыном места, где жили инородцы, было убито и взято в плен много людей, а самые знатные, называвшиеся у них князьями, приведены в Москву¹²⁵. Существует множество упоминаний о втором крупном походе в Югорскую землю, который датируется 1502 г. Но большинство исследователей истории Сибири, начиная с Г.Ф. Миллера¹²⁶, отождествляют данный поход с событиями 1499 г. и считают, что в этом году отряд С. Курбского и П. Ушатого появился в Югорской земле, а в 1502 г. вернулся в Российское государство. Основным итогом похода С. Курбского и П. Ушатого явилось признание коренными народами вассальной зависимости от Российского государства. В переписке с иностранными государствами в титулах Василия III и Ивана Грозного среди земель, которыми они управляли, встречается упоминание о Кондинской и Обдорской землях¹²⁷.

¹²⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1. С.197.

¹²⁵ Там же. С.198.

¹²⁶ Там же. С. 200.

¹²⁷ Там же.

Вышеприведенные факты являлись предысторией активного движения русских за Урал. Важно отметить, что, по косвенным свидетельствам документов, спорадические проявления внешнего фронта на северо-восточном направлении следует отнести ко второй половине XV – началу XVI вв., существовали в форме первых русских морских полярных экспедиций за Урал, которые совершались Северным морским путем (Приложение 4). Полную силу процессы внешнего русского фронта в Сибири набрали с конца 60 – начала 70-х гг. XVI в., когда появились первые постоянные поселения поморов за Уралом.

Первые контакты русских с автохтонным населением носили эпизодический характер. Новгородская республика долгое время являлась автономным образованием и не несла в себе общерусского ядра. С момента образования единого государства совершались отдельные военные походы, но не было массового проникновения русских в Сибирь. Несмотря на факт вассальной зависимости Обдорской и Кондинской земель от Российского государства, русских служилых людей там не было. Это видно из грамоты Ивана IV в Югорскую землю князю Певгею, которую он отправил в 1556–1557 гг.: «А собрав бы есте нашу дань, да с тою б есте данью князь Певгей был к нам к Москве, если б есте прислали к Москве с нашею данью брата своего или племянника да земских людей человека 2 или 3 лучших людей»¹²⁸. Следовательно, практиковалась ежегодная доставка дани в Москву автохтонным населением вассальных территорий, что свидетельствует об отсутствии там пунктов сбора ясака. Скорее всего, местные жители Югорской земли платили ясак как гарантию неприкосновенности своих территорий со стороны Российского государства. Но, на наш взгляд, это не предполагало активных контактов русского населения с жителями Зауралья в это время.

¹²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 1. С. 324.

До 1580-х гг. XVI в. первые русские экспедиции проходили по северной части континента. В то время юг Сибири был для них закрыт, так как власть над ним прочно контролировали сибирские татары, которые не хотели пускать представителей соседних народов в эти земли и взимали с них дань.

Четыре основных фактора определили быстрое продвижение внешнего фронта на восток.

Первым фактором стали климатические изменения. С середины XVI в. началось общее потепление климата на Земле. Эпоха низкого стояния Каспия соответствовала эпохе потепления в Арктике. Действительно, уровень Каспия во второй половине XVI – середине XVII вв. стоял очень низко, и именно в это время плавания русских распространились на восток до устья Енисея, а возможно, и далее¹²⁹. В подобных условиях активнее заработал Северный морской путь. К этому времени (1583–1584) относится основание Архангельска. Следовательно, появилась возможность доставлять продовольствие в русские поселения и забирать из них мягкую рухлядь.

Вторым фактором явилась благоприятная геополитическая ситуация в регионе. На границе внешнего фронта в восточном направлении не осталось государства, способного сопротивляться дальнейшему продвижению русских за Урал. После падения Казани (1552) заметно усилилось внутреннее экономическое развитие Российского государства, «охочие люди» получили гораздо более широкие возможности проникновения за Урал по р. Каме¹³⁰.

Третьим фактором было то, что до XVI в. особо ценную пушнину Российскому государству в основном давали пещорские и пермские земли, но к середине этого столетия они

¹²⁹ Берг Л.С. История русских географических открытий. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 66.

¹³⁰ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён и до 1917 года. М.: Мысль, 1971. С. 59.

стали неуклонно «испромышляться». В то же время спрос на «мягкое золото» увеличился, особенно на внешнем рынке, где русская пушнина (главным образом соболь) издавна высоко ценилась. С середины XVI в. возможность выгодной реализации этого ценнейшего «валютного сырья» резко возросла в связи с установлением торговых отношений с Западной Европой через Белое море и включением в состав Российского государства волжского-каспийского пути, дававшего возможность прямого выхода на восточные рынки¹³¹.

Четвертый фактор – это «опричнина» в Российском государстве. Многие подданные были в опале у Ивана Грозного. Они находились на территории «земщины», и их владения в любой момент могли разорить опричники. Выходом из этой ситуации являлся уход населения «земщины» за пределы Российского государства в Литву, Дикое Поле и в земли, расположенные за Уралом.

Благодаря этим четырем факторам, началось движение русских сначала в Югорскую землю, а затем и в Мангазею. Трудно определить дату начала массового проникновения русских в Сибирь. Более или менее достоверные сведения, позволяющие судить о присутствии в Сибири русских, содержатся в документах иностранцев, живших в Российском государстве во второй половине XVI в.

Первые известия о Югорской земле сохранились в сообщении англичанина Стифена (Стивена) Барроу (Бэрроу, Борро, Берро), совершившего путешествие в 1556 г. к Кольскому полуострову, Новой Земле и лежащим южнее ее островам. Около побережья Новой Земли произошла встреча С. Барроу с русской шлюпкой (кочем. – *А.Х.*). Начальник ее по имени Лошак сказал, «что мы (англичане. – *А.Х.*) проехали дорогу, которая ведет на Обь. Земля, у которой мы находимся, называется

¹³¹ Никитин Н.И. Русские землепроходцы в Сибири. М.: Знание, 1988. С. 13–14.

"Нова Зембла". При этом Лошак прибавил, что, по его мнению, на Новой Земле находится самая высокая гора в мире, не сравнимая с "Большим Камнем", и сделал мне также некоторые указания относительно дороги на Обь»¹³². На основании свидетельств С. Барроу можно утверждать, что в 50-е гг. XVI в. существовал морской торговый путь между Югорией и Поморьем, но говорить о русских поселениях или активной колонизации территории представляется преждевременным из-за отсутствия объективной необходимости активно осваивать отдаленные территории, основной ценностью которых была пушнина. В это время основным местом охоты для русских промышленников являлся район р. Печоры.

С 60-х гг. XVI в. активную деятельность по поиску пути на р. Обь осуществляли голландцы. При этом, не довольствуясь морскими предприятиями, они вели сухопутную разведку. В 1564 г. в Холмогорах был арестован как шпион голландец О. Брюннель, который просидел несколько лет в тюрьме. Выбравшись оттуда, он сумел войти в доверие к Строгановым и участвовал в поездках в Сибирь. Второе свое путешествие около 1580 г. он совершил морем и, по мнению В.Ю. Визе¹³³, был первым из иностранцев, который прошел Карским морским путем. Побывав на р. Оби, он уехал за границу и в 1584 г. стал во главе целой экспедиции¹³⁴. В документе есть явное упоминание о регулярных контактах между Югорской землей и русскими промышленными людьми. Регулярность этих контактов предполагает наличие постоянных мест встречи, между русскими и местными жителями, своеобразных контак-

¹³² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л.: ОГИЗ, 1937. С. 107–108.

¹³³ Визе В.Ю. История исследований Советской Арктики. Архангельск: Совкрайгиз, 1935. С. 20.

¹³⁴ Скалон В.Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951. С. 40.

ных зон фронта, из которых впоследствии выросли первые городки. Скорее всего, в данных зонах фронта доминировал мирный тип взаимодействия русских и коренных жителей, основу которого составляла меновая торговля.

Любопытные сведения сообщает вестфалец Генрих Штаден. Он пробыл в Российском государстве с 1564 по 1576 гг., служил шесть лет опричником у Ивана Грозного, а затем в 1574–1575 гг. посетил по торговым делам Вологду, Колу и другие города. Согласно данным Штадена, из «Оби-реки можно проплыть в Америку (и в Татарию), причем два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании»¹³⁵. Сведения о свободном пути от Оби на восток Штаден мог получить только от своего приятеля и компаньона Петра Вислоухого, который служил в Пустозерске сборщиком ясака с самоедов¹³⁶. Это свидетельствует о присутствии русских у устья р. Оби.

Более подробные сведения о Югорской земле содержатся в донесениях Антона Марша от 1584 г. А. Марш являлся фактором английской торговой компании. Он нанимал русских торговых агентов и поручал им исследовать морской путь в р. Обь и условия сибирского пушного рынка. До нас дошло ответное письмо русских агентов Маршу¹³⁷. В нем даны поразительно точные сведения о побережье Северного Ледовитого океана и устья р. Оби. Из письма видно, что русские первопроходцы уже тогда хорошо знали эти места. Самое интересное известие – это описание пяти обских городков, находящихся в низовьях Оби: «Мы должны проехать мимо пяти городков, расположенных на реке Оби. Первый называется Тазовский городок (Tesuoï Gorodok) и находится в устье реки Пады (Padou). Второе селение (small castle) Носовой городок (Nosoro-

¹³⁵ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: в 2 т. Иркутск: Крайгиз, 1932. Т. 1. С. 96–97.

¹³⁶ Берг Л.С. История русских географических... С. 12.

¹³⁷ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 186.

Gorodok) стоит на самом берегу реки Оби. Третий называется Necheiour-goskoу. Четвертый – Charedmada. Пятый – Надежная (Nadeshneaa), т.е. крепость спокойствия и доверия»¹³⁸. Примечательно то, что русские названия городков чередуются с непереводаемыми на русский язык словами. Если учесть, что авторы послания являлись русскими людьми, то вполне логичным представляется обозначение понятными словами городков, где постоянно проживали соотечественники, а непонятными – поселения других народов. В частности, Necheiour-goskoу, скорее всего, являлся городком хантов Нарганкор или Нангакор, а Charedmada – Черикором¹³⁹. Во многом это соответствует ситуации внешнего фронта, когда на территориях, находящихся за пределами официальных границ государства, в форме отдельных точек среди поселений коренных жителей появляются острожки, основанные благодаря частной инициативе колонистов.

О постоянном присутствии русских людей в Югорской и Мангазейской земле, помимо сведений иностранцев, свидетельствует актовый материал.

Первый из них относится к 1574 г., когда в Москве еще не предполагали, что Северным путем русские ходили на промысел в Югру. В «платежнице» с пустозерских дозорных книг, которая была выдана из приказа Большого прихода пустозерскому данщику, записано, что он берет «на государя явки по две деньги с человека» с тех, которые «прихожие казаки... на морской промысел и в Югру с гостями ходят»¹⁴⁰.

Очевидно, в силу особенностей рельефа Западно-Сибирской равнины, отсутствия естественных препятствий на пути про-

¹³⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 187.

¹³⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 89, 116.

¹⁴⁰ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1972. С. 61.

движения русских первопроходцев границы внешнего фронта недолго находились в Югорской земле и практически сразу русские промышленники проникли в Мангазею. К тому же следует упомянуть об относительной бедности Югорских соболиных угодий по сравнению с Мангазейскими. В последующий период соболей там не хватало ясачным людям и, «как общее правило, березовские самоеды ежегодно ходили в Мангазейский уезд (на р. Таз) промыслять государев ясак»¹⁴¹. Следовательно, и первые русские промышленники не могли долго задержаться в Югорской земле.

В 1580 г., по сообщению Вычегодско-Вымской летописи, Иван IV «за службы великие государевы» пожаловал пермичей, промышленных и торговых людей, и разрешил им «торговати в Югре и в Мангазее и в сибирских городах беспошлинно 10 лет»¹⁴². В 1600 г. промышленные люди – пинежане и мезенцы Двинского уезда – получили царскую грамоту, разрешившую им «ездети, промысляти и торговати в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисею, и с самоедами, которые живут на тех реках, торговати повольно», с уплатой десятой пошлины натурой, а также «и лучшим промыслом (охотой) велели есмя им промысляти»¹⁴³. Скорее всего, данная грамота закрепила уже сложившееся положение вещей. В Москве знали, что «они там для своих промыслов живут года по два и по три»¹⁴⁴.

Исходя из приведенных сведений, можно заключить, что постоянного русского населения в этих землях не было, но промышленные люди во время сезона охоты на соболя активно

¹⁴¹ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 5.

¹⁴² Приложения // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Книжное издательство Коми, филиал АН СССР, 1958. Вып. 4, Прил. № 3. С. 266.

¹⁴³ АИ / под ред. И. Григоровича. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613 гг.), № 30. С. 27–28.

¹⁴⁴ Там же. № 30. С. 28.

вступали в контакты с представителями коренного населения Западной Сибири. Здесь в условиях внешнего фронта больше проявлялось сотрудничество пришлого и автохтонного населения, которое сводилось к взаимовыгодной (в понимании каждой из сторон) меновой торговле, через которую происходило знакомство цивилизаций. Справедливость этого тезиса подтверждает то, что местное население не препятствовало промышленным людям основывать опорные пункты – городки, в которых они готовились к экспедиции за собором.

По мнению М.И. Белова, первые русские городки за Уралом, были ли они временными поселениями промышленных людей или торговыми опорными пунктами, как, например, «магазины», остатки которых обнаружены на зырянской дороге между Ляпиным и Обью, сыграли еще не оцененную по своей важности роль в ходе начавшегося в 80-е гг. XVI в. массового движения русских за Урал¹⁴⁵. Эти городки и магазины – фактории – являлись своего рода опорными точками расширения внешнего фронта на восток.

К вышеуказанным городкам следует прибавить три городка, названия которых дошли до настоящего времени. Это Надымский, Зырянский и Пантуев городок в устье р. Пура¹⁴⁶.

Существуют неопровержимые археологические доказательства существования поселений на р. Таз в 70-е гг. XVI в. Во время раскопок города Мангазеи экспедиция под руководством М.И. Белова в одном из раскопов обнаружила комплекс русских построек, среди которых самая ранняя датируется

¹⁴⁵ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч.1. С. 33.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 113; Белов М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Наука, 1972. С. 92; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея... Ч.1. С. 113; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т.1, Прил. № 45. С. 391.

1572 г., а самая поздняя – 1594 г. Эти даты были установлены по остаткам древесины при помощи метода дендрохронологии. Исходя из содержания археологических находок, можно установить занятия обитателей построек. Первые поселенцы на городище Мангазеи охотились на зверя, питались рыбой, которой было вдоволь в окружающих водоемах, торговали на местном рынке, выменивали за одекуй (бисер) драгоценную пушнину¹⁴⁷. Следовательно, они активно осваивали окружающие их территории и тем самым расширяли контактные зоны внешнего фронта. Можно предположить, что жители других подобных поселений на территории Западной Сибири занимались аналогичной деятельностью.

К началу XVII в. русские промышленные люди настолько хорошо освоили территорию Мангазеи, что привлекли внимание московского правительства, которое захотело поставить под свой контроль богатый собором край. С этого момента начинается качественно новый этап эволюции внешнего фронта, характеризующийся участием государства в освоении северных территорий Западной Сибири.

В 1593 г. по инициативе центральных властей в Югорской земле был основан Березовский острог. Актового материала, в котором была бы указана точная дата основания города, не сохранилось. Но есть упоминание в Книге записной: «Березовский городок ставили того ж 101-го году воеводы Никифор Траханиотов, да князь Михайло Волконский, да письменной голова Иван Змеев»¹⁴⁸. У Г.Ф. Миллера есть два документа, косвенно относящиеся к основанию Березова. В частности, это грамота царя Федора Ивановича в Березов воеводе Н. Траханиотову от 17 августа 1594 г.¹⁴⁹, которая содержит сведения о

¹⁴⁷ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М.. Мангазея... Ч.1. С.35.

¹⁴⁸ Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С. 4.

¹⁴⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 16. С. 354.

существовании острога. Второй документ – это наказ от декабря 1592 г. князю Петру Горчакову, посланному в Сибирь для устройства тамошних дел и для строения города Пелым¹⁵⁰. В документе говорится о составе экспедиции: «А воеводе Микифору, и князю Петру, и князю Михаилу Волконскому, и князю Матвею Львову, и голове Богдану Воейкову, да Ивану Змееву до тех мест»¹⁵¹. Согласно этому наказу, после основания Пелыма, «а побыв того неделю или ден до 10-ти, Микифору с товарищи пойти всеми людьми прочь в Тобольский город, а князю Петру остаться тут со всеми своими людьми»¹⁵². Но царский наказ осуществлен не был, и князь П. Горчаков в водовороте ситуации внешнего фронта поступил по «тамошнему делу». На наш взгляд, произошло несколько столкновений между русскими и силами кондинских князей. В этих столкновениях победу одержали русские служилые люди, но главные князья бежали в глубь Кондинской земли. Князь П. Горчаков разбил отряд на две части. Вместе с одной частью своего отряда он начал постройку Пелымского острога, а другая часть во главе с Н. Траханиотовым начала преследование кондинских князей. На краю Кондинской земли около селения Сумгут-ваш предводители местных жителей были захвачены. До Пелыма было достаточно далеко, и Н. Траханиотов решил основать в этом месте укрепленное поселение – Березовский острог. Подтверждает эту версию уже упомянутая грамота от 17 августа 1594 г. о получении в Москве «животов» кондинского князя Агая и о прибытии туда самого кондинского князя с сыном и братьями¹⁵³.

В истории основания Березовского острога наглядно виден конфликтный тип отношений, присущий внешнему фронти-

¹⁵⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 11. С. 339.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. С. 340.

¹⁵³ Там же. № 16. С. 354.

ру, между пришельцами и автохтонным населением. В ситуации неустойчивого равновесия сотрудничество сменялось соперничеством, когда государство пыталось распространить свою власть и наложить повинности на местное население. В данном случае государство фактически сразу стремилось увеличить доходы казны путем организации застав. По мнению П.Н. Бучинского, это представлялось сложным заданием для местных воевод, так как «территория Березовского уезда была обширна, торговых путей из Руси в Сибирь было несколько, а потому следить за проезжими русскими людьми было чрезвычайно трудно. Тем более трудно, что со здешними «сибирскими инородцами» русские люди были давно знакомы, вели взаимную торговлю еще со времен новгородцев. Те же «сибирские инородцы» даже доставляли русским людям средства для перевоза товаров от Уральского хребта далее в Сибирь»¹⁵⁴. В условиях внешнего фронта недалеко от Березова столкнулись интересы государства, частных лиц и местного населения, тем самым сложился своеобразный треугольник, включавший в себя как элементы сотрудничества, так и соперничества. В итоге победила позиция государства, и в бывший поморский Носовской городок были отправлены служилые люди, которые заложили острог. После появления острога в 1595 г. начала функционировать Обдорская застава, собиравшая пошлины с промышленных людей¹⁵⁵. В результате проиграли частные лица, лишившиеся своих сверхприбылей.

Относительно проникновения в Мангазею правительственных сил у Г.Ф. Миллера есть упоминание, которое совпадает со сведениями «Книги записной»¹⁵⁶: «В сибирских летописях

¹⁵⁴ Бучинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889. С. 173.

¹⁵⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 69. С. 234; Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 48.

¹⁵⁶ Книга записная... С. 5.

рассказывается, что уже во времена царя Федора Ивановича, в 7106 г. (1598 г. – А.Х.) был послан из Москвы Федор Дьяков для проведывания мангазейских мест до самой реки Енисея и для обложения ясаком тамошних народов. Вместе со служилыми людьми, данными ему из Тобольска, он побывал в тех местах и собрал там для государя первый ясак, с которым вернулся в Москву в 7108 г.»¹⁵⁷. Вероятно, в результате деятельности экспедиции были собраны подробные сведения о Мангазее.

Наиболее ярко взаимодействие государства, частных лиц и местного населения в условиях внешнего фронта проявилось на примере основания Мангазее, где имело место как социальное сотрудничество, так и соперничество. В 1600 г. на р. Таз были направлены воевода М. Шаховской и Д. Хрипунов с отрядом 150 человек. Однако экспедиция не смогла выполнить возложенную на нее задачу: суда были затерты льдами в Обской губе, а, двинувшись далее «сухим путем», служилые люди подверглись нападению со стороны «самояди». Сильно поредевшему «войску» М. Шаховского, правда, удалось достичь р. Таза и укрепиться в одном из построенных промышленниками городков, но полностью овладел положением в крае лишь новый правительственный отряд¹⁵⁸. Скорее всего, отряд М. Шаховского расположился в Пантуевом городке. Главным поселением поморов в данном районе – Мангазеей – они не овладели¹⁵⁹. Согласно мнению С.В. Бахрушина, нападение самоедов организовали поморские и пермские торговые люди, стремившиеся избежать контроля за их промыслами со стороны центральной власти¹⁶⁰. В контексте вышесказанного это объяснение не лишено своей логики. Документальным

¹⁵⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2. С. 302–303.

¹⁵⁸ Там же. Прил. № 43. С. 386; № 45. С. 387–396.

¹⁵⁹ Там же. Прил. № 45. С. 391.

¹⁶⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.3, ч. 1. С. 143–144.

доказательством этой версии служит наказ В. Масальскому и С. Пушкину от 1601 г. В нем открыто говорится, что «а будут пустозерцы, и вымичи, и зыряне, и пермичи, или иных которых городов торговые люди, учнут воровати по-прежнему, и мангазейской, и енисейской самоеди учнут говорить, чтоб государеву острогу у них в Мангазее впредь не было»¹⁶¹.

Приведенное известие показывает места выхода первых русских промышленных людей. В первую очередь это были жители поморских уездов. Согласно точке зрения С.В. Бахрушина, на мангазейском направлении первенство принадлежало поморским торгово-промышленным людям, двинянам, пинежанам и мезенцам¹⁶². Также следует отметить, что во всех упоминаниях иностранцев о Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII вв. в роли штурманов кораблей выступают жители Поморья. Например, донесение Ричарда Джонсона называется «О некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским Берегам за этой рекой, переведенные слово в слово с русского языка. Страны эти были посещены одним русским, родом из Холмогор...»¹⁶³. Помимо поморов, в Сибирь ходили представители коренного населения Пермского края – вымичи и зыряне, а также русские, проживавшие на его территории. В сообщениях иностранцев они встречаются достаточно часто. В частности, Джосиас Логан беседовал с пермским мореходом¹⁶⁴.

Представляется интересным вопрос о характере контактов между русскими и местным населением в зоне внешнего фронта.

В документах часто упоминается торговля, например, в наказе мангазейским воеводам С. Пушкину и В. Мосальскому от

¹⁶¹ РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т.П, № 188, стлб. 824.

¹⁶² Бахрушин С.В. Научные труды... Т.3, ч.1. С. 300.

¹⁶³ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 125.

¹⁶⁴ Там же. С. 211.

1601 г. говорится следующее: «Да и про то им мангазейские и енисейские самоеди допросити и себе тайно у торговых людей и зырян проводывать: сколько человек и в котором году пустозерцев и вымичей, и всяких торговых людей в Мангазее, торговали, и какими товарами, и у кого имянем сколько каких товаров было»¹⁶⁵. Следовательно, до основания правительственного острога между самоедами и русскими промышленниками не одно десятилетие существовали прочные связи, основанные на меновой торговле. Торговля велась без всяких ограничений и пошлин, в этом же наказе русские торговые люди обвиняются в том, что «торговали в Мангазеи и в Енисее всякими заповедными товарами с самоедью»¹⁶⁶.

Кроме торговли, русские первопроходцы, выходцы из Поморья, от имени московского царя сумели заставить местное население выплачивать ясак. В той же грамоте присутствует упоминание: «И кто именев пустозерцев с мангазейской и с енисейской самоеди сбирали дань, и в котором году, и по чему с кого кто дани взял?»¹⁶⁷. Данный факт говорит о существовании такого типа взаимодействия, как даннические отношения, специфической особенностью которых являлся сбор повинностей в пользу частных лиц от имени государства в условиях внешнего фронта. Следовательно, русские пришельцы пытались утвердить доминирование над автохтонным населением, а заодно увеличить свою прибыль. Таким образом, в условиях неустойчивого равновесия представлялась возможность для существования соперничества между государством и частными лицами.

Отношения русских жителей фронта, не выступавших в роли представителей государства с местным населением, не сводились только к сотрудничеству. Например, в донесении

¹⁶⁵ РИБ... Т. II, № 188, стлб. 823.

¹⁶⁶ Там же. Стлб. 824.

¹⁶⁷ Там же. Стлб. 823.

Ричарда Джонсона от 1558 г. о Сибири в продолжении названия следует, что «...родом из Холмогор, по имени Федор Товтыгин, который, как говорят, был убит в свою вторую поездку в одной из названных стран»¹⁶⁸. Обострение отношений произошло в начале XVII в. Возможно, в начале проникновения русских в Мангазею местное население спокойно относилось к самостоятельному промыслу русских, пока не было массового их наплыва, не замечалось оскудения естественных ресурсов и не было обязательного ясака¹⁶⁹.

Обобщая приведенные факты, можно говорить, что с начала последней четверти XVI в. северная часть Западной Сибири находилась в зоне внешнего фронта. Хотя первые экспедиции поморских полярных мореходов совершались ещё в середине XV – начале XVI вв., началом данного периода следует считать возникновение первых постоянных русских поселений в северо-восточной части Югорской земли, обусловившее появление первых контактных зон между русским и коренным населением (Приложения 1, 18, 19). Здесь главной движущей силой расширения внешнего фронта явилось желание промышленных людей, выходцев из разных слоев русского общества, получить доход посредством добычи и продажи мягкой рухляди.

На протяжении тридцати лет на этих территориях в полной мере проявилась ситуация неустойчивого равновесия. С одной стороны, территории севера Западной Сибири непосредственно не входили в состав Российского государства, на них не распространялась власть царя, на местах не было органов, от его имени осуществлявших публичные функции. С другой – в указанном регионе находилось достаточно много русских людей, которые активно осваивали новые территории, успешно взаимодействовали с представителями местного населения, строили свои поселения, которые фор-

¹⁶⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 125.

¹⁶⁹ Павлов П.Н. Пушной промысел... С. 63.

мально были независимы, но поддерживали связь с Русью. Фактически эти земли испытывали русское влияние той же силы, что и территории, находившиеся в низовьях р. Иртыша и среднего течения р. Оби.

Однако погоня за шкурками соболя влекла русских промышленников за р. Енисей в бескрайние просторы Центральной и Восточной Сибири. Сразу после открытия Мангазеи русские промышленники двинулись дальше на восток.

Основываясь на ряде документальных свидетельств, можно предположить, что сведения о Енисее были известны русским людям с начала 80-х гг. XVI в¹⁷⁰. К началу 80-х гг. XVI в. они были настолько конкретны, что в 1582 г. англичане уже просили русское правительство о разрешении только им одним торговать в устьях Северной Двины, Мезени, Печоры, Оби и Енисея¹⁷¹. В русских документах, относящихся к 1582–1583 гг., также неоднократно упоминается Енисей, именуемый Ындленди, Ызленди, Ысленди, Ислендь, Излендь, Изленди. Под этими названиями скрывается именно р. Енисей, так как Иван Грозный приказал: «сыскати старые грамоты, какова им (англичанам. – *А.Х.*) дана грамота и пристанища морские и выписаны морские пристанища»¹⁷². Далее в документе идет перечисление этих «пристанищ» с пояснением их местонахождения и в том числе: «Ислендь река за Обью». 23 октября 1583 г. Иван Грозный говорил «английскому» послу князю Е. Боусу: «а что к нам писала королевна (Елизавета. – *А.Х.*) о всех пристанищах морских,

¹⁷⁰ Существует точка зрения В.А. Александрова, согласно которой русские вышли на Енисей в середине XVI – 60-х гг. XVI вв. (Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 12–16), но конкретных подтверждений этой гипотезы в виде свидетельств иностранцев или актового материала он не приводит.

¹⁷¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (с 1581 – 1604 г.) / под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. Спб.: Типография В.С. Балашова, 1883. Т. II. С. 48–49, 88, 93–95, 112, 127.

¹⁷² Там же. С. 94.

чтоб ее гостям приходить к Печоре, да к Исленди, да на реку Обь, а те места в нашей земле от Двинского устья до морского пристанища с три тысячи верст»¹⁷³. В другом месте документа при объяснении причин отказа англичанам на монопольную торговлю в ряде отдаленных районов Российского государства снова упоминается Енисей (Изленди).

Е.Е. Замысловский, ссылаясь на иностранные источники, сообщает, что в 1595 г. стоявшие вблизи берега острова Вайгач голландцы «слышали от русских мореходов, что из Холмогор ежегодно несколько лодок ходят в реку Обь и далее до реки Гиллиси, где ведут торговлю... Догадываются, и не без основания, говорит далее Е.Е. Замысловский, что под именем Гиллиси следует разуметь реку Енисей – крестьяне Архангелогородской губернии называют ее Елисеем»¹⁷⁴.

Одним из свидетельств, которое доказывает факт проникновения русских на полуостров Таймыр еще в XVI в., является карта голландского морехода Гюйгена ван Линсхоттена, плававшего в западном секторе Арктики в 1594–1595 гг. На ней изображен «мыс Табин», но он сильно отличается от изображений аналогичного объекта на других картах того времени¹⁷⁵. Его очертания сильно напоминают полуостров Таймыр, но, что особенно важно, на нем показана речка, вытекающая из большого озера, совершенно схожая с рекой Таймыркой, рождаемой, одноименным озером¹⁷⁶. Фактически невозможно выдумать столь достоверные сведения. Получить их голландский мореплаватель мог двумя способами. Первый способ – шпионское донесение от неизвестного информатора, на

¹⁷³ Памятники дипломатических сношений... С. 112.

¹⁷⁴ Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С.48.

¹⁷⁵ Ярким примером картографического отображения Сибири служит карта 1570 г. А. Ортелиуса (Приложение 21).

¹⁷⁶ Скалон В.Н. Русские землепроходцы... С. 33.

основе которого впоследствии была составлена упоминаемая карта. Второй способ – встреча с поморами и обмен с ними информацией, так как только они в то время могли совершать плавание в тот регион. Вне зависимости от способа получения данных ясно одно – русские в это время плавали в Карском море, так как точно знали очертания Таймыра.

В подтверждение вышесказанному можно привести еще одно неопровержимое доказательство. Красноярский историк и биолог В.С. Мыглан недалеко от поселка Хатанга провел дендрохронологические исследования над остатками древних русских зимовий. По результатам анализа одного из спилов остатков древесины от русского зимовья, которое находилось на участке «Вторые Кресты», археологи датировали его основание 1585-м г.¹⁷⁷. Этот факт доказывает присутствие русских на полуострове Таймыр в конце XVI в.

Следующим иностранцем, в трудах которого упоминаются земли за Енисеем, был Исаак Масса. И. Масса к концу своего пребывания в Москве, приблизительно к 1605–1607 гг., по его собственным воспоминаниям, благодаря одному русскому, который ездил в Сибирь при Борисе Годунове, и знакомствам с царедворцами и дьяками приказов, с которыми он старался поддерживать дружеские отношения, располагал довольно обширными и точными сведениями о Сибири. Вероятно, в 1608 г. И. Масса получил предложение от нидерландского торговца Исаака Лемэра принять участие в качестве фактора в экспедиции для поиска северо-восточного морского пути, но отказался от этого предложения¹⁷⁸. Сведения И. Массы нам

¹⁷⁷ Мыглан В.С. Влияние климатических изменений на социальные и природные процессы в Сибири в XVII – первой половине XIX вв. по историческим и дендрохронологическим данным: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2005. С. 138–139.

¹⁷⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 238.

представляются достаточно объективными, так как базируются на достоверных источниках.

И. Масса пишет в своем известии: «Река Енисей гораздо больше, чем Обь, и на восточном берегу имеет высокие горы, среди которых есть такие, которые извергают огонь и серу. На Запад лежит равнина, чрезвычайно плодородная и изобилующая цветами и деревьями различных пород. Там растет также много странных фруктов и встречается множество редких птиц. Весною Енисей заливают поля на семьдесят миль»¹⁷⁹. Поражает точность сведений относительно природно-климатических особенностей бассейна р. Енисей. Такого рода сведения можно было получить только от людей, постоянно проживавших в данной местности, что предполагало присутствие русских в этом районе.

Далее в сообщении И. Массы есть описание похода в глубь Сибири, который организовал один из сибирских воевод. Обстоятельства этого похода выглядят следующим образом: «... в количестве около семисот человек они (русские. – А.Х.) перешли реку Обь и дошли до реки Енисей через страну самоедов и тунгусов. Перейдя эту реку, они пошли дальше на восток, имея проводниками тунгусов... и до наступления осени они вернулись домой в Сибирь»¹⁸⁰. В сочинении И. Массы некоторые факты искажены. Например, численность отряда в семисот человек (такого количества людей в то время не было ни в одном гарнизоне сибирского города), но основу сообщения составляют реальные факты. Интерес представляет то обстоятельство, что представители официальной власти не владели информацией о бассейне р. Енисей, а частные лица, которые, судя по всему, были русскими торговцами или промышленными людьми, хорошо знали этот район¹⁸¹.

¹⁷⁹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 257.

¹⁸⁰ Там же. С. 258–259.

¹⁸¹ Подробнее о путешествии И. Массы в Приложениях 3 и 17.

С постройкой Мангазеи ускорился процесс русского освоения бассейна р. Енисей. Мангазейцы поднялись по притокам р. Таз и через волок перешли на р. Волочанку, а затем по р. Турухан устремились на юг к Енисею. Продвигнувшись на юг по Енисею в 1605 г., неподалеку от р. Сыма они построили зимовье, ныне село Ярцево¹⁸². Точные документальные сведения сохранились только об основании Туруханского зимовья. У Г.Ф. Миллера есть следующее упоминание о появлении русских за Енисеем: «Тунгусы впервые были объясачены в 7115 (1607) г. посланным из Мангазеи на реку Нижнюю Тунгуску березовским казаком Михаилом Кашмыловым, собравшим тогда с 19 человек по два соболя с каждого»¹⁸³. К 1610 г. относится первое документальное упоминание о Туруханском зимовье: «в прошлом де во 118-м году были они в Мангазеи, а из Мангазеи пришли на Енисею, к Николе на Турухан»¹⁸⁴. Скорее всего, до 1607 г. Туруханское зимовье было пунктом сбора ясака. В качестве опорного пункта мангазейских торговцев оно существовало как минимум с конца XVI в. Зимовье располагалось в наиболее удобной точке (на месте сближения р. Волочанки и р. Турухана находился Енисейский волок) на пути проникновения мангазейских торговых людей на р. Енисей, ведущем дальше на просторы Восточной Сибири.

В том же году, что и Туруханск, появляется зимовье Инбацкое (ныне село Верхнеимбатское), а годом позже в устье одноименной речки появилось зимовье на месте современного села Бахта¹⁸⁵.

¹⁸² Туруханск – северная вотчина государства российского / под ред. Я.П. Логинова, Е.Е. Мутовина. Красноярск: Книжное изд-во, 2004. С. 46.

¹⁸³ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2. С. 29.

¹⁸⁴ Там же. Прил. №116. С. 273.

¹⁸⁵ Гапеенко В. Туруханск. Как все начиналось? // Красноярский регион. 2007. № 2. Июнь. С. 3.

В 1608 г., по велению мангазейского воеводы Д. Жеребцова, на восток «встречь солнцу» отправился отряд крещеного пустозерского самоеда Игнатия Хапентика. Он дошел до кочевий тунгусского племени буляши на среднем течении р. Нижней Тунгуски и объясачил его¹⁸⁶. В 1610 г. из Мангазеи была отправлена экспедиция к устью Енисея. Через р. Турухан казаки попали в р. Енисей, а из нее в р. Пясино и наложили ясак на кочевавших здесь самоедов («пясичкая самоедь»), там же были заложены первые русские зимовья¹⁸⁷. В 1610 г. мангазеец К. Курочкин поставил зимовье в устье р. Дудинка, в котором несли службу несколько казаков¹⁸⁸. В 1614 г. мангазейские казаки поставили в устье р. Дубчес одноименное зимовье, располагавшееся между Туруханском и Ярцево. Они начали собирать ясак с местных племен кетов и селькупов (остяков и инбаков)¹⁸⁹. В том же 1614 г. мангазейцы уже переходят на р. Нижнюю Тунгуску, и, поднявшись вверх по течению реки, они подчинили себе 18 родов тунгусов¹⁹⁰. Есть свидетельства о том, что в 1615 г. казаки из Туруханского зимовья побывали на р. Курейке¹⁹¹.

С начала XVII в. на северо-восточном направлении внешнего фронта произошло качественное изменение в доминирующем типе взаимодействия между русским и коренным населением. Если раньше первоосновой данных отношений являлась меновая торговля, то теперь на первый план вышли ясачные отношения, что свидетельствовало о начале перехода инициативы освоения новых территорий от частных лиц к служилым людям Российского государства.

¹⁸⁶ Туруханск – северная вотчина... С. 51.

¹⁸⁷ Там же. С. 46.

¹⁸⁸ Гапеев В. Туруханск... С. 3.

¹⁸⁹ Туруханск – северная вотчина... С. 129.

¹⁹⁰ Там же. С. 46.

¹⁹¹ Гапеев В. Туруханск... С. 3.

Особый интерес представляют археологические находки на острове Фаддея и заливе Симса в 1940 г. Здесь были обнаружены стоянка и зимовье русских мореходов. В ходе раскопок, руководителем которых был академик А.П. Окладников, археологи нашли оружие, предметы быта, украшения и коллекцию монет. Профессор-нумизмат Г. Спасский тщательно исследовал коллекцию и датировал находки временем не позже 1617 г.¹⁹². Удалось однозначно определить и территориальное происхождение русских мореходов. На затейливо украшенной рукоятке ножа тонким орнаментом деревянной славянской вязью была вырезана короткая, но четкая надпись: «Акакий Мураг» (иначе говоря, Мурманец)¹⁹³. Наличие зимовья в заливе Симса говорит о регулярном посещении русскими полуострова Таймыр.

К 1618–1619 гг. относятся сообщения о выходе русских к р. Лене. Экспедиция связана с именем первопроходца Пенды¹⁹⁴. Согласно им, Пенда – это казак из Мангазеи, собравший отряд 40 человек, с которым он двинулся на восток искать новые земли. В течение трех лет он искал проход на р. Лену, пока не попал на Чечуйский волок. В течение этих лет он вел упорные бои с местными тунгусскими племенами, которые противились проникновению русских на территорию бассейна р. Лены. В четвертый год пребывания в Центральной Сибири Пенда совершил путешествие вверх по р. Лене. Он дошел до р. Ангары, по ней спустился на Енисей и по нему вернулся

¹⁹² Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 181–182. Хотя существует иная точка зрения, выдвинутая М.И. Беловым, который считает, что это была экспедиция Ивана Толстоухова, организованная в конце XVII в. Но он приводит менее убедительные доказательства, чем А.П. Окладников (Белов М.И. Мангазея. Л.: Гидрометеоздат, 1969. С. 97–112).

¹⁹³ Окладников А.П. Открытие Сибири... С.180.

¹⁹⁴ Туруханск – северная вотчина... С. 51; Окладников А.П. Открытие Сибири... С. 172–178.

в Мангазею. На основе рассказов предводителя экспедиции сложили устное предание, которое передавалось в течение ста лет. Аналогичные сведения предоставляет якутский исторический фольклор. В некоторых вариантах преданий о знаменитом кангаласском вожде Тыгыне говорится о том, что в последние годы его жизни во владениях Тыгына появились никому не ведомые пришельцы – первые русские, с которыми у якутов сложились мирные взаимоотношения. В устной повести мангазейских казаков о приключениях Пенды очень подробно излагается борьба с тунгусами, но нет ни одного слова о стычках с якутами или бурятами. Такое совпадение вряд ли можно объяснить случайностью.

Документальным подтверждением путешествия Пенды стала запись в одном документе, скопированном для Г.Ф. Миллера: «...в 7132 году в Нижней Тунгуске в Пендинском зимовье с новых людей с Оленьи реки: род Ачаны девять человек платят ясаку по 2–8 соболей, 1–2 недособолей»¹⁹⁵. Как следует из документа, Пендинское зимовье существовало и действовало как опорный пункт ясачного сбора уже в 1624 г., то есть за четыре года до первого русского похода на р. Лену. Скорее всего, оно возникло за пять-шесть лет до обозначенной даты (четыре года продолжался поход Пенды на р. Лену, год-два понадобились официальной власти, чтоб сделать из него место сбора ясака). Возможно, Пенда оставил на землях, которые он посетил впервые, некоторое подобие военного гарнизона острога для последующих экспедиций на эти территории.

Исходя из этих фактов, можно утверждать, что в 1615–1620 гг. на берегах р. Лены побывала русская экспедиция. Таким образом, к этому времени северо-восточное направление внешнего фронта проходило по ее берегам.

¹⁹⁵ Окладников А. П. Открытие Сибири... С. 176.

Из фольклорных источников видно два типа взаимодействия с местным населением в контактной зоне фронта. Первый тип – это конфронтация и военные действия. Второй тип – это взаимовыгодная торговля и обмен хозяйственными навыками. Наличие диаметрально противоположных типов взаимодействия свидетельствует о сложной структуре отношений, возникавших в контактных зонах, а следовательно, подтверждает неоднозначность и противоречивость процесса взаимодействия разноуровневых цивилизаций в Сибири.

Своему быстрому продвижению на восток русские во многом обязаны Северному морскому ходу (Приложение 4). По нему доставляли припасы в отдаленные уголки арктической Сибири и вывозили богатства, которые там добывали русские. Но неожиданно движение по Северному морскому ходу было приостановлено. Впервые идея о запрете русского арктического мореплавания приводится в отписке тобольского воеводы И. Куракина от 16 февраля 1616 г. В ней приведен рассказ К. Курочкина о возможности выхода из Енисея в Карское море¹⁹⁶. В сообщении мы видим обеспокоенность русского промышленника возможностью вторжения иностранцев в русские земли. Вряд ли это было первое плавание поморов в Енисейское устье. Но все-таки, на наш взгляд, этот путь считался для них сложным, и они не часто пользовались им. Более удобным способом проникновения из Мангазеи на Енисей считался путь с р. Таз по р. Волочанке. Далее он шел через Енисейский волок в р. Турухан, а затем на р. Енисей и далее в Восточную Сибирь. Вероятно, когда поморы совершали путешествия на Таймыр, они старались обходить залив устья Енисея. Из данного сообщения, в котором описываются события, произошедшие в 1610 г., мы можем заключить, что р. Енисей активно осваивалась русскими людьми.

¹⁹⁶ РИБ...Т.П, № 254. I, стлб. 1050–1051.

Возникает вопрос: почему поморам потребовалось вмешательство государства в сферу судоходства по Северному морскому пути? Казалось бы, если сохранить монополию на знание о данной магистрали, то оставалась возможность получать полную прибыль от промыслов и торговли без уплаты пошлины в пользу государства.

В действительности опасность иностранного присутствия у северных берегов Российского государства не была плодом вымысла отдельного морехода К. Курочкина. К этому времени активизировались попытки иностранных факторов проникнуть в часть Арктики, расположенную на побережье Сибири. Сохранился чрезвычайно интересный документ, который фактически не использовался для изучения сибирской истории, – это отписка тобольского воеводы И. Куракина от 1616 г. царю Михаилу Федоровичу. Из нее мы узнаем, основываясь на сведениях К. Курочкина, что «немцы наимовали вожей русских людей, чтобы их от Архангельского города провели в Мангазею»¹⁹⁷. Но более интересную информацию сообщает колмогорец Еремка Савинов: «тому де лет с семь, видели они у Карские губы копаны ямы, а сказывали им самоедь, что приходили де того году на Карскую губу из своих земель на кораблях немцы, не зимуя Архангельского городка, имали землю в корабли; а для чего та земля надобна, того они не ведают. А наперед де, государь, того годы за два, были у Карские ж губы немцы, два корабля, а ни с кем никакими товары не торговали, а для чего приезжают, того не ведают, а они чают того, что они для торговли места проведывают, а подлинно не ведают. Да тому де, государь, годы с четыре нашли промышленные люди, идучи из Мангазеи к Архангельскому городу, вправе на половине дороги на Колгуеве острове разбит льдом корабль, а чают, что было им итти на Карскую ж губу, а на нем де были две пушки, и они де те пушки привезли к Архангельскому го-

¹⁹⁷ РГАДА. Ф.199. Оп.1. Портф.130. Д. 11. Л.3.

роду; да чает де, государь, они, что и по сю пору и по вся годы немцы к Карской губе приезжают»¹⁹⁸. В отрывке говорится о регулярных попытках иностранцев попасть в русские земли, минуя Архангельск. Множество из этих экспедиций были секретными, поэтому документов о деятельности разведчиков не сохранилось.

Более или менее точно можно идентифицировать экспедицию, которая состоялась «тому де лет с семь» назад, то есть в 1609 г. Скорее всего, это была экспедиция, подготовленная нидерландским торговцем И. Лемэром, в которую в качестве фактора он приглашал И. Массу¹⁹⁹. Основываясь на приведенных фактах, следует считать, что опасения поморов имели под собой реальные основания. Тем не менее переоценка угрозы иностранного вторжения имела место, а закрытие Северного морского хода было выгодно в первую очередь государству.

С 1616 по 1620 гг. вокруг решения о запрете Северного морского пути развернулась настоящая борьба. Шла оживленная переписка между московскими властями, которые склонялись принять доводы К. Курочкина и приостановить движение по морю, и сибирскими воеводами. Противоположную позицию занимали мангазейские воеводы, которых поддерживала часть промышленных людей, ратовавших за сохранение морской дороги между Архангельском и Мангазеей²⁰⁰. В итоге победила позиция центральных властей, которые в 1620 г. настояли на введении окончательного запрета на движение по Северному морскому пути. Этот фактор сказался на темпах расширения северо-восточного направления внешнего фронта, так как в нем одной из основных движущих сил были частные экспедиции поморских промышленников. Для них водные морские

¹⁹⁸ РГАДА. Ф.199. Оп.1. Портф.130. Д. 11. Л.3.

¹⁹⁹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 239.

²⁰⁰ РИБ... Т.II, № 254. I, стлб. 1049–1095.

пути являлись наиболее удобными для продвижения «встречь солнцу» (Приложение 4).

Относительно истории формирования северного направления внешнего фронта в Восточной Сибири следует отметить существование феномена Русского Устья и свидетельства о пребывании русских на Аляске в XVI в.

Предания, собранные в Русском Устье, поселении в бассейне р. Индигирки, свидетельствуют о наличии здесь русского поселения со времен Ивана Грозного²⁰¹. Согласно преданию, «собрались люди с разных губерний и поплыли на лодках морем: от удушья спасались, болезнь такая. И доехали они до самой Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли»²⁰². Те факты, что по некоторым данным предки русско-устынцев были дворяне, обладавшие соответственными документами, что между ними сохранились фамилии вельмож времен Грозного (Чихачевы, Киселевы, Рожины) что, с ними вместе прибыли женщины, благодаря которым только и мог так чудесно сохраниться чистый тип, язык и обиход старорусской семьи, свидетельствуют в пользу версии о существовании на р. Лене русского поселения уже в XVI в.²⁰³.

Существует и иная точка зрения на время появления Русского Устья. А.Г. Чикачев считает, что первое поселение в районе Русского Устья было основано тобольским казаком Иваном Ребровым в 1638 г., а вышеприведенную теорию о появлении первых русских на Индигирке он считает легендой²⁰⁴.

²⁰¹ Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914. С.11.

²⁰² Фольклор Русского Устья / отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. С. 215.

²⁰³ Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913. С. 18–19.

²⁰⁴ Чикачев А.Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1990. С. 20–21.

Исходя из разных трактовок начальной даты появления Русского Устья, нельзя однозначно распространить зону внешнего фронта на его территорию в 80-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. Сам факт существования Русского Устья свидетельствует о существовании особой формы взаимодействия колонистов со средой в условиях внешнего фронта, когда для сохранения самобытности происходит консервация общности пришельцев в новых для них территориальных, климатических и этнических условиях.

О проникновении русских землепроходцев XVI в. на острова Восточно-Сибирского моря и в Америку упоминается в исследованиях Л.С. Берга. Он ссылается на статью С. Фарелли о бородастых людях на Аляске²⁰⁵. Л.С. Берг относит появление первых русских в этой стране к 1571 г., что вполне согласуется со сведениями об освоении Северного морского пути поморскими землепроходцами, особенно если учитывать высокий уровень их мореходных знаний и навыков. Тем не менее данное мнение следует принимать как гипотезу, потому что оно недостаточно аргументированно.

Основываясь на приведенных данных, можно более или менее точно определить хронологические рамки существования северо-восточного направления внешнего фронта в Центральной и части Восточной Сибири. Начальной датой расширения внешнего фронта следует считать начало 80-х гг. XVI в. Именно к этому времени относится большинство упоминаний об открытии р. Енисей. Завершающей датой является 1620 г. – год выхода указа, запретившего движение вдоль побережья Сибири Северным морским ходом.

Основными движущими силами северо-восточного направления внешнего фронта на территориях Восточной и Центральной Сибири являлись поморские промышленники и служилые люди. Освоение данного региона Сибири проходи-

²⁰⁵ Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 1725–1742. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 358.

ло преимущественно мирным путем, потому что численность местного населения во много раз превосходила количество русских землепроходцев, и в случае вооруженного столкновения последние оказывались в крайне невыгодных условиях. Скорее всего, в тех случаях, когда русские служилые люди вынуждали местное население платить в пользу Российского государства ясак, он был неокладным, налагался на слабые племена и не являлся тяжелым бременем для них.

Несмотря на то что сведения о распространении зоны внешнего фронта на северо-востоке Центральной и части Восточной Сибири достаточно скудны, можно выделить его границы (Приложение 2), проходившие к началу 20-х гг. XVII в. по бассейну р. Енисей до р. Подкаменной Тунгуски, полуострову Таймыр и р. Лена в границах бассейна ее левых притоков. Государственное колонизационное движение пришло в эти земли с опозданием на 10 лет.

Основной специфичной чертой физико-географических условий на этом направлении (секции) являлась непосредственная близость Северного Ледовитого океана. С одной стороны, эта особенность, благодаря развитым навыкам полярного судоходства у поморов, способствовала наиболее раннему освоению этого района. С другой – экстремальные условия севера Западной Сибири затормозили проникновение правительственных отрядов в эти земли, например, достаточно вспомнить судьбу отряда М. Шаховского. Кроме того, следует упомянуть, что на начальном этапе проникновения в данный регион в составе служилых людей не было конных казаков, являвшихся обязательным воинским соединением в более южных районах (Приложение 7).

В плане межцивилизационного взаимодействия на большей части территории русские вступили во взаимодействие с ненецкими и тунгусскими племенами, являвшимися трайбалистскими сообществами. Лишь на относительно неболь-

шой территории от Обской губы до подножия Уральских гор русские в ходе своего продвижения на восток встретились с раннепотестарными образованиями – Кодским, Обдорским и Ляпинским княжествами. Ненцы же и северные племена тунгусов заселяли тундру и лесотундру и получили в русских источниках название «самоедов». Ареной их кочевий служили земли от Канина полуострова до низовьев р. Енисей и далее на восток до рр. Хатанга и Лена. Кочевой быт predetermined сохранение у них родового строя в его самом неразвитом виде. В некоторых самоедских племенах еще в конце XVII в. русские наблюдали наличие небольших самостоятельных и независимых друг от друга родовых групп – патриархальных семей. Этот фактор во многом усложнял установление власти Русского государства над самоедами. Традиционные институты, применявшиеся для подчинения «сибирских инородцев», в среде самоедов были неэффективны. Шерть в силу низкого социокультурного уровня самоедов не имела для них такой важности. Определенные трудности для русских властей представлял сбор ясака с ненцев и тунгусов. Даже в Мангазейском уезде, где учет ясачных самоедов старались поставить правильно, этого не удавалось сделать вследствие их частых перекочевов с места на место.

При данном типе межкультурного взаимодействия представители автохтонного населения на ментальном уровне не понимали содержания русского понятия государственности. Номинально подчиняясь «белому царю», ненецкие и тунгусские племена игнорировали такие составляющие подданства, как регулярная уплата налогов, единое судопроизводство и безоговорочное подчинение центральной власти. В большинстве случаев все эти обязанности исполнялись ненцами эпизодически и не носили регулярного характера.

Основу же хозяйственного уклада в этих землях составляли пушной промысел и меновая торговля, в основном обуслов-

ленная отсутствием у тайбалитских племен самого представления о сути денег.

Во многом именно вышеприведенное сочетание комплекса факторов: физико-географических условий, характера взаимодействия цивилизаций и хозяйственного уклада – предопределили то, что стадия внешнего фронта здесь растянулась не на десятилетия, а на столетия.

2.2. Юго-восточное направление внешнего фронта

Расширение Российского государства за Уралом в восточном и юго-восточном направлениях началось с похода Ермака в Сибирь. Правда, в Книге записной есть упоминание о малоизвестном походе царского воеводы Афанасия Лыченицына против Кучума, который завершился неудачей²⁰⁶.

Основным результатом экспедиции казаков Ермака 1581–1584 гг. явилось падение Сибирского ханства. Вхождение же Сибири в состав Российского государства началось с появления регулярных отрядов служилых людей и строительства первых острогов.

После смерти Ермака Кучум и его дети остались живы и причиняли много беспокойств русским отрядам, поэтому в основе выбора мест для строительства острогов лежали военно-тактические соображения.

Первым русским острогом в Сибири являлся Обский городок. Датой его основания является 1585 г. В 1585 г. на смену воеводе И. Глухову правительство отправило воеводу И. Мансурова. Когда И. Мансуров пришел в Сибирь, он узнал, что И. Глухов оставил Искер, который снова захватили татары. Дальнейшее поведение Мансурова описывается в «Книге записной» следующим образом: «...и убоился поганых множества, и побегаша через Камень к Русе. И дошедшее до Оби

²⁰⁶ Книга записная... С. 1.

реки, на Белогорье городок поставил»²⁰⁷. Первое документальное упоминание об Обском городке относится к 1586 г.²⁰⁸. Он в течение девяти лет играл функции защитной крепости для русских людей от Пегой орды.

После похода Ермака и первых неподготовленных попыток русских закрепиться в Сибири начинается ее присоединение к Российскому государству. Русские двинулись в глубь Сибири на восток и юго-восток. Следовательно, это дает основание говорить о восточном и юго-восточном векторах внешнего фронта в последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

Расширение внешнего фронта в юго-восточном направлении началось с основания Тюмени в 1585 г. Согласно свидетельству Посольского приказа от февраля 1586 г.: «А поделал государь города в Сибирской земле в старой Сибири и Новой Сибири, на Тюменском городище, и на Оби, и на устье Иртыша»²⁰⁹. Если учесть, что вести из Сибири до Москвы могли доходить в течение 2–3-х месяцев, то представляется верной вышеприведенная дата основания города.

Затем, если следовать Есиповской летописи, в 1587 г. русские основали главный город Сибири Тобольск: «В лето 7095-го ... Данило Чулков с товарищи приплыша до реки Иртыша до Тобольского устья, на горе ту...и построиша на вышеописанной горе град... и нарекоша граду сему новосочижде-щему Тобольск град»²¹⁰. Основной целью постройки города,

²⁰⁷ Книга записная... С. 2.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Кн.1. Л.24; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 9. С. 337, 261; Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 2.

²⁰⁹ Преображенский А.А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 388; Сибирские летописи... С. 226; Книга записная...С.2.

²¹⁰ Сибирские летописи... С. 226–227.

по всей видимости, было желание закрепить русское присутствие на новой территории среди коренных жителей.

После строительства Тобольска московское правительство стремилось обезопасить город и оттеснить кочевья хана Кучума подальше на юго-восток. В результате в 1594 г. появился русский город Тара. В наказе 1593–1594 гг. князю Андрею Елецкому с товарищами указывается: «...идти города ставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести, и Кучума царя истеснить... прийти на то место, и судовой и конной рати, чтоб, город, заняв на Таре реке, город сделать и укрепить»²¹¹.

Строительством Тары завершилось расширение внешнего фронта в юго-восточном направлении по р. Иртышу в последней трети XVI в. Основным типом фронтального взаимодействия здесь являлись военные столкновения с аборигенами, предопределившие создание сети опорных пунктов для приведения к покорности коренных жителей Сибири.

На данных территориях, в отличие от северо-восточного направления, произошел быстрый переход внешнего фронта во внутренний. Во многом началом стадии внутреннего фронта явилось строительство Верхотурья и Туринского острога.

Следует отметить, что до Верхотурья был построен Лозьвинский городок. Необходимость постройки этого городка была обусловлена тем, что русские в основном передвигались по Сибири речными путями. Следовательно, ощущалась необходимость в пункте, где можно было бы строить суда, содержать продовольственные запасы и устроить таможню. Первое упоминание в документах об этом городке относится к 1592 г.²¹².

²¹¹ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т.1, Прил. № 13. С. 347.

²¹² РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Кн.1. Л.1–6, 24–31; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 11. С. 339.

В 1597 г. Артемий Бабинов открыл более удобную дорогу в Сибирь из Соликамска, по которой двинулся основной поток русских. На ней правительству необходимо было создать новый таможенный центр. В 1598 г. было заложено Верхотурье. Об этом есть упоминание в грамотах от 1599 г. верхотурскому воеводе В. Головину и И. Воейкову²¹³.

Верхотурье стало центром сбора пошлин и налогов с русских людей, идущих из Сибири. Московское правительство запрещало возить товары старым путем через Лозьвинский городок. За ненадобностью это поселение в 1597 г. было разрушено²¹⁴.

Город Туринск был основан для улучшения сообщения между Верхотурьем и Тюменью посредством создания там ямской слободы. В грамоте от 30 января 1600 г. царь Борис Федорович приказывает Ф. Янову: «...есмя меж Верхотурья и Тюмени в Епанчине юрте строить ям, а ямских охотников велели есмя устроить 50 человек да 100 человек пашенных людей, а для береженья в Епанчине юрте велели есмя поставити острог»²¹⁵. Строительство Верхотурья и Туринска положило начало внутреннему освоению новых территорий.

С началом процессов внутреннего фронта на юго-востоке одновременно продолжалось расширение зоны междоцивилизационного взаимодействия внешнего фронта. В 1604 г. был основан Томский острог. Здесь имел место беспрецедентный случай, когда инициатива строительства русского острога исходила от местного князя Тояна²¹⁶. История основания Томска – уникальный пример сотрудничества русского и коренного населения в условиях внешнего фронта на данном направлении, когда автохтонные жители добровольно попросили покровительства у сильного соседа.

²¹³ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 29. С. 370, № 26. С. 367.

²¹⁴ Там же. Прил. № 27. С. 369.

²¹⁵ Там же. Прил. № 33. С. 374.

²¹⁶ Там же. Прил. № 54. С. 402; № 55. С. 403.

Затем наступил период Смутного времени, когда основной задачей для Российского государства было сохранение целостности и независимости, поэтому быстро меняющиеся правительства не предпринимали попыток расширить сибирские владения силами служилых людей. За период с 1604 по 1618 гг. не было построено ни одного крупного острога.

После долгого перерыва на юго-востоке был построен Кузнецкий острог. Более десяти лет томские казаки пытались привести к покорности кузнецких татар, но не хватало опорной базы, чтобы осуществить данный замысел. Наконец, в 1618 г. после ряда неудачных попыток экспедиция О. Харламова, О. Кокорева и М. Лаврова основала Кузнецкий острог²¹⁷, который на протяжении ста лет оставался самым южным форпостом русской колонизации.

Дальнейшему распространению русского внешнего фронта на юг Сибири помешало, так же как и на первом этапе, противодействие кочевников – енисейских киргизов и ойратов.

Для понимания процессов, происходивших на стадии внешнего фронта, целесообразно рассмотреть русско-киргизские отношения на юге Центральной Сибири, несмотря на то, что они охватывают более широкие хронологические рамки, чем заявленные в исследовании. В течение XVII в. здесь находилась «Кыргызская земля». Под «Кыргызской землей» в русских источниках первоначально подразумевается заселенная тюркоязычными енисейскими киргизами и их самодийскими, кетскими, остяцкими кыштымами территория в бассейне Среднего и Верхнего Енисея, позже – только территория Алтысарского княжества. Потестарное образование енисейских киргизов, с одной стороны, было кочевым, а с другой – полиэтническим. Киргизы делились на четыре княжества: Алтысарское, Алтырское, Езерское, или Исарское, и Тубинское.

²¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 95. С. 443; № 96. С. 444.

Алтысарское княжество располагалось в долине рр. Белый и Черный Июс, Урюп, Сереж, а также рядом с Белым и Божьим озерами. Алтырское княжество находилось в степи по обе стороны Абакана, Уйбату и верховьях Белого Июса. Исарское княжество занимало территорию левобережных степей Енисея от устья р. Абакан на юге до р. Кача на севере. Тубинское княжество охватывало все степное правобережье Верхнего и Среднего Енисея от Саян до р. Сыда. Этим четырем княжествам подчинялись соседние более многочисленные, но менее сильные племена, платившие им ясак, — кыштымы. Позже в административно-территориальном отношении енисейские киргизы вошли в Красноярский, Енисейский и Томский уезды.

Специфику внутренней и внешней политики енисейских киргизов определяло их соседство с более сильными государствами. С севера соседом енисейских киргизов было Российское государство, а с юга — государства северо-западных монголов алтын-хана и Джунгарское ханство. Для всех этих государств территория, на которой находились енисейские киргизы, являлась зоной расширения внешнего фронта. В силу этого обстоятельства большую часть XVII в. енисейские киргизы вынуждены были лавировать между интересами более сильных соседей. Если киргизская аристократия больше ориентировалась на государство алтын-ханов, а затем и на Джунгарское ханство, так как по общественному укладу и типу хозяйственной деятельности они были ближе к енисейским киргизам, то рядовым кочевникам было выгоднее подчиниться Российскому государству, которое с подданных собирало фиксированную дань — ясак.

Условно историю взаимоотношения енисейских киргизов и русских в XVII в., по мнению Г.Ф. Быкони, можно разделить на четыре этапа²¹⁸.

²¹⁸ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. С. 36–46.

Первый – начало XVII в. – 1647 г. Этот этап характеризуется наименьшим вмешательством в русско-киргизские отношения других государств. Впервые енисейские киргизы упоминаются в наказе Г. Писемскому и В. Тыркову о строительстве Томского острога: «...а до киргизского князика до Номчи семь день»²¹⁹. Первый раз русские власти собрали ясак с енисейских киргизов и их кыштымов в 1608 г., когда, помимо десятков соболиных мехов от езерцев, моторцев, мадов и тубинцев, была привезена шертовальная грамота об их верности «белому царю»²²⁰. Правда, здесь русские натолкнулись на противодействие со стороны государства алтын-хана. Оно выделилось в 1588 г. из Дзасакту-хановского владения в процессе феодального дробления монгольских улусов. Основатель и первый алтын-хан Шолой Убаши (1567–1627) был чингизидом и приходился правнуком известному монгольскому правителю Бату-Мункэ. В конце первого десятилетия XVII в. Шолой Убаши включил земли енисейских киргизов в состав своих кыштымных урочищ²²¹. В 1616 г. Шолой Убаши формально признал себя московским вассалом. Его сын Омбо Эрдени тоже приносил «шерть» на верность Москве в 1634 и 1636 гг.²²². Но в реальности алтын-ханы проводили независимую, а зачастую и враждебную политику в отношении Российского государства посредством своих кыштымов – енисейских киргизов. Так, в 1630 г. енисейские киргизы совершили поход на Красноярск и разорили его окрестности²²³. Русские же с большим трудом продвигались в глубь «Кыргызской земли». Основание Канского (1636/37) и Ачинского (1641) острогов потребовало сна-

²¹⁹ РИБ... Т. II, № 73, стлб. 160.

²²⁰ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 198.

²²¹ Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 49–51.

²²² РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 481. Д. 5. Л. 40; Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 205.

²²³ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 202.

ряжения серьезных экспедиций. Так, экспедиционный отряд Я. Тухачевского численностью 870 человек с боем пробился в глубь «Кыргызской земли», но вскоре распался и только с помощью дополнительного отряда красноярцев в 200 человек смог выполнить главную задачу похода – поставить Ачинский острог²²⁴. Если бы монгольское государство алтын-ханов реально подчинялось Российскому государству, то не было бы столь масштабных походов против его кыштымов – енисейских киргизов. В это время юг Приенисейского края находился в зоне внешнего фронта, так как она формально входила в состав Российского государства, а фактически рода-секи енисейских киргизов, кочевавшие там, оставались независимыми.

Второй этап русско-киргизских отношений охватывает период 1647–1660 гг. Он характеризуется больше дипломатическими отношениями, нежели военными. По мнению некоторых исследователей, среди верхушки енисейских киргизов усиливается прорусская ориентация²²⁵. На наш взгляд, во многом снижению военной активности киргизов послужило усиление позиций Джунгарского ханства, которое начало активную борьбу с государством алтын-ханов, чьими кыштымами были рода-секи енисейских киргизов.

Джунгарское ханство как политическое образование появилось в 1635 г. из союзов кочевых племен, которые называли себя «ойратами». Основателем Джунгарского ханства стал Батур-хунтайджи (1635–1653), старший сын князя Хаара-Хула из племени чорос. В 1640 г. состоялся всемонгольский съезд в Тарбагатае, на котором были приняты «Монголо-ойратские законы» (Цааджин-бичинг), укреплявшие положение Джунгарского ханства и направленные на объединение

²²⁴ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 50–52.

²²⁵ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского... С. 37.

монгольских сил против внешнего врага²²⁶. В ходе борьбы алтын-ханов и джунгарских правителей верх начали одерживать последние, поэтому енисейские киргизы попытались сменить прежнюю политическую ориентацию. Так, многие рода-сеоки енисейских киргизов в 1648–1652 гг. готовы были принять русское подданство при условии того, что русские защитят их от набегов алтын-хана Омбо Эрдени. Но, по мнению хакасского историка В.К. Чертыкова, корыстные интересы и недальновидность сибирских воевод, а во многом и их предательство оттолкнули енисейских киргизов от Российского государства²²⁷. Также немаловажную роль сыграло естественное противостояние «мы» и «они», то есть земледельческих и неземледельческих племен, которое негативно сказывалось на распространении русского внешнего фронта.

В ответ на это алтын-хан Лауцзан (Лоджан), пытаясь удержать власть над енисейскими кыштымами, совершает два разорительных набега на их территорию в 1652 и 1657/58 г. После этого события перед верхушкой енисейских киргизов с особой актуальностью встал вопрос о подчинении либо Российскому государству, либо Джунгарскому ханству.

В это время основу противоречий составлял вопрос о кыштымах енисейских киргизов. Так, еще в 1643 г. после дачи киргизами «шерти» они продолжали собирать ясак со своих чулымских кыштымов, официально плативших ясак в пользу «белого царя»²²⁸. Кыштымы енисейских киргизов в течение XVII в. были вынуждены платить дань сначала монголам, затем русским, потом калмыкам, а с середины 50-х гг. получил оформление разорительный для «черных людей» институт двоеданства. Институт двоеданства мог иметь место только

²²⁶ Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 53–54.

²²⁷ Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан, 2007. С. 126–128.

²²⁸ Там же. С.114.

в условиях внешнего фронта, так как если бы была установлена власть со стороны какого-либо одного государства, то оно бы не позволило никакому другому собирать дань с подчиненных ей кыштымов.

Третий этап русско-киргизских отношений – 60–80-е гг. XVII в. Этот этап характеризуется частыми военными столкновениями между енисейскими киргизами и русскими. Активизации внешней политики енисейских киргизов, направленной, против Российского государства, способствовало два фактора. Первый – это изменение внешнеполитической расстановки сил на южных границах «Кыргызской земли». В 1661 г. начинается война между Джунгарией и ханом Лоджаном, в которой алтын-хан терпит поражение. Лоджан пытается получить помощь от Российского государства в борьбе против ойратов. Скорее всего, после посольства З. Литоса (1663), а затем Романа Старкова и Степана Бобарыкина (1665) удалось заключить русско-монгольское соглашение о сферах влияния на Верхнем Енисее. Фактически со всех правобережных кыштымов енисейских киргизов была снята дань, которую они платили алтын-ханам. В результате достигнутых договоренностей планировалось построить русский острог на юге Приенисейского края котловины. Но весной 1667 г. там появился джунгарский Сенге-тайджа, который соединился с киргизами и разгромил Лоджана. По приказу Сенге-тайджи Лоджану отрубили правую руку, которой он подписывал договор с Россией, а в рот, произносивший слова клятвы русскому царю, клали собачье мясо. Таким образом, он был объявлен политическим мертвецом²²⁹. После победы джунгар над алтын-ханом киргизы полностью взяли политическую ориентацию на Джунгарию, при военной поддержке которой они могли организовывать походы против Красноярского острога.

²²⁹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского... С.39.

Второй фактор – это появление среди киргизских князцов Еренака – талантливого правителя, поставившего задачу объединить вокруг себя все другие киргизские рода-сеоки²³⁰. Борьба против расширения экспансии русских на земли енисейских киргизов явилась своеобразным инструментом, с помощью которого Еренак хотел воплотить в реальность свой замысел. Своими агрессивными действиями против русских он прославился еще до разгрома Лоджан-хана. В грамоте томскому воеводе И.Л. Салтыкову от 1667 г. сообщается, что «ныне де тот Еренак, нам великому государю, изменил и ходил войною... под Удинский острожек, и погромил тубинских князцов, и многих в полон поимал, и разоренье починил»²³¹.

Уже в мае 1667 г., сразу же после разгрома Лоджан-Тайши киргизы Еренака и ойраты осадили Красноярск. Служилые люди сообщали, что «приходили под Красноярской калмыцкие и кыргызские воинские люди, и Красноярские де уезды и деревни повоевали, к Красноярскому острогу приступили и многих служилых людей побили»²³².

Россия, ссылаясь на присяги алтын-хана и местного населения, отказывалась признать претензии Джунгарии на территорию Верхнего Енисея. Для укрепления русской власти на юге Приенисейского края в 1668–1675 гг. за счет перевода служилых и присылок годовальщиков из Западной Сибири гарнизон Красноярска вырос до 622 чел. В Енисейском уезде продолжали спешно укреплять южные острожки и села, а для сторожевой службы расселили 149 беломестных казаков²³³.

²³⁰ Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии... С. 85.

²³¹ Там же. Прил. № 15. С. 190.

²³² Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук. доп. изд. / под ред. Н. Калачева. Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. Т.VIII, № 8. С. 34.

²³³ ДАИ. Т. VIII, № 44, ч. 1. С. 149–150.

Следующий крупный набег енисейских киргизов состоялся в сентябре 1673 г. Они под руководством Шанды Сенчикенева вторглись в Красноярский и Енисейский уезды, и 11 октября на обратном пути Шанды осадил Ачинский острог и сжег его²³⁴.

После этого набега, примерно с 1674 г., русские попытались закрепиться в «Кыргызской земле». В 1674 г. томские казаки восстановили Ачинский острог. В 1674/75 г. пятидесятник Осип Мезенин на краю «Кыргызской земли» поставил Караульный острог²³⁵. В 1675 г. русские организовали экспедицию к р. Абакан и построили острог в ее устье на острове Карагас, который простоял 1675–1678 гг. Также в 1675/76 г. сын боярский Тит Соломатов на Кемчике «на переходе киргизских и калмыцких и тубинских воинских людей... в черном лесу в лому» поставил небольшой Ломовский острог²³⁶. Он простоял до 1680 г.

Енисейские киргизы, собрав все свои силы, летом 1678 г. напали на Красноярск, но, не взяв штурмом острога, ушли, отогнав у жителей скот. 15 июля 1679 г. Еренак снова совершает набег на Красноярск, но острог опять не удалось захватить, и он ограничился грабежом окрестностей. Следующий набег, также закончившийся разорением окрестностей города Красноярска, Еренак совершил через два месяца 14 сентября 1679 г. В ответ на набеги киргизов из Красноярска был организован поход казаков на Июс в январе 1680 г. Фактически одновременно с этим походом князь Шанды Сенчикеев вместе с сыном Еренак-Шапом и своим зятем Алтынак Кашка совершили набег на Томский уезд. Набег был отбит боярским сыном Романом Старковым с отрядом из 417 человек. В это время другие роды-сеоки енисейских киргизов сначала разорили окрестности Красно-

²³⁴ Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века... Прил. № 12. С. 298–299.

²³⁵ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского... С. 40.

²³⁶ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы ... С. 212; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 642. Л. 1–2 об.

ярска, а затем сожгли Ачинский острог²³⁷. После этого набега правительство в 1682 г. выслало из Тобольска в «Кыргызскую землю» отряд в 630 человек письменного головы И. Суворова с целью поставить острог, но эта попытка завершилась неудачей. Затем с киргизами в 1683 г. был подписан мирный договор, устанавливавший четкие границы «Кыргызской земли» и закреплявший двоеданство некоторых кыштымов²³⁸. После подписания мира с р. Белый Июс на р. Чулым в месте впадения в нее р. Ачинки был перенесен Ачинский острог. Внутренние распри в Джунгарском ханстве, его затяжные войны с Циньским Китаем и казаками предопределили сокращение военной помощи енисейским киргизам в борьбе с русскими, что привело к снижению их внешнеполитической активности.

Следует отметить, что на третьем этапе до 1683 г. отсутствовала четкая граница между Российским государством и «Кыргызской землей», при этом наблюдалось взаимодействие на чужие территории (частые походы киргизов под Красноярск и русские походы в «Кыргызскую землю»). Вследствие этого появилась огромная контактная зона, заполненная отношениями конфликтного типа, но именно в это время создавался плацдарм для будущего расширения внешнего фронта.

С 90-х гг. XVII в. начинается четвертый этап взаимодействия между русскими и енисейскими киргизами, закончившийся в 1707 г. строительством Абаканского острога.

В силу возросших потребностей государства в пушнине и открытия месторождения серебряных руд на севере «Кыргызской земли» у р. Каштак правительство активизирует усилия, направленные на присоединение территории юга Приенисейского края к России. Киргизы продолжали совершать набеги на русские уезды, но со значительно меньшим размахом, чем при Еренаке. Более успешными были русские экспедиции в

²³⁷ История вхождения Хакасии... С. 78–80.

²³⁸ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского... С. 41.

глубь их земель. Например, поход К. Самсонова, который со своим отрядом разгромил наиболее сильных и послушных Джунгарии киргизских князцов²³⁹.

Но объявленная еще в царском указе от 1697 г. основная задача – строительство острога на р. Абакан – не была выполнена, так как енисейские киргизы оказывали упорное сопротивление.

Событием, завершившим противостояние Российского государства и енисейских киргизов, явился увод в 1703 г. части ведущих родов-сеоков с родных кочевий в глубь Джунгарского ханства. С одной стороны, это событие оказалось своеобразным психологическим шоком для оставшихся киргизов, с другой – означало отказ ойратов от притязаний на распространение своей власти на их земли. После этого события распространение русского влияния на территории енисейских киргизов приняло лавинообразный характер. Ключевым событием в присоединении этого края к Российскому государству стало основание Абаканского острога в 1707 г. После этого часть оставшихся киргизских князей присягнула на подданство «белому царю». С этого момента начинается формирование этноса хакасов, которое проходило в условиях перехода от внешнего фронта к внутреннему.

Хронологические рамки юго-восточного внешнего фронта можно определить 1581 – началом XVIII в. Первая дата – это начало похода Ермака за Урал, инициировавшее целенаправленное проникновение русских на территорию бывшего Сибирского ханства. Конечная дата свидетельствует о завершении стадии внешнего фронта на юге Центральной Сибири.

Отличительной особенностью юго-восточного вектора было то, что инициатива распространения внешнего сибир-

²³⁹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского... С. 43.

ского фронта на юго-восточном направлении принадлежала государству, а основной формой закрепления под русской властью новых земель являлось строительство острогов.

Во многом специфику взаимодействия русской и локальных цивилизаций определила географическая среда. Лесостепь предопределила существование сильных номадических позднепотестарных образований, которые, с одной стороны, оказывали активное сопротивление установлению русской власти, а с другой – достаточно быстро в случае поражения в борьбе с русскими принимали подданство «белого царя» со всеми вытекающими из этого акта правами и обязанностями.

Межцивилизационное взаимодействие в данной секции наиболее ярко прослеживается на примере позднепотестарного образования Сибирский юрт. Оно располагалось на территориях, охватывающих часть бассейна р. Иртыш, от его устья до р. Тары, часть Приобья до Березова, а также низовья р. Тобола с бассейном рр. Тавды и Туры с р. Ницей. Сибирский юрт являлся конгломератом отдельных родоплеменных групп сибирских татар: тобольских («тоболик»), тарских («тарлик»), барабинских («бараба»), тюменских, ишимских, чатских и зуштинских. Именно эти этнические общности образовали отдельные улусы в составе Сибирского юрта. Основным хозяйственным занятием сибирских татар было скотоводство, а в некоторых улусах ограниченное развитие получило земледелие. Родоплеменные представители татарской знати (беки, мурзы и тарханы) являлись вассалами Кучума и обязаны были участвовать в его походах и доставлять ему ясак, собранный со своих соплеменников.

Сибирский юрт в своем развитии приближался к появлению государства. Следовательно, его жители быстрее смогли перенять основные «правила игры», которые им предлагала местная русская администрация, проявившиеся не только в их адаптации к новой системе управления, но и в активном осво-

ении сибирскими татарами хозяйственных занятий русских, в частности земледелия, что способствовало более быстрому вхождению бывших подданных Кучума в формирующуюся структуру нового сообщества. К тому же с землями сибирских татар соседствовали более могущественные и опасные кочевые потестарные образования казахов, калмыков и енисейских киргизов. Следовательно, «белый царь» воспринимался именно тем могущественным повелителем, который мог защитить их от набегов соседей и навести порядок в межплеменной борьбе.

Относительно благоприятные климатические условия сформировали интерес русского крестьянства к землям юга Сибири, поэтому доминирующим занятием русских здесь стало земледелие, предопределившее в этой секции быстрый переход от внешней к внутренней стадии фронта. Однако на этих же землях располагались удобные угодья для выпаса скота, что и обусловило бескомпромиссную борьбу как между земледельческой и номадической локальными цивилизациями, так и между номадическими цивилизациями казахов и калмыков.

2.3. ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ФРОНТИРА

В последнем десятилетии XVI в. основание города Пелыма стало отправной точкой расширения фронта в восточном направлении. В Сибири, помимо хана Кучума, одним из противников Российского государства был кондинский князь Аблегерим. Необходимо было ликвидировать опасность для русского господства в Сибири со стороны его княжества. Князь П. Горчаков и воевода Н. Траханиотов с отрядом служилых людей и воинов из пермских вотчин Строгановых были посланы в Кондинскую землю в конце 1592 г. Перед началом

похода во владения кондинского князя московское правительство ставило перед воеводой П. Горчаковым две цели. Первая цель – «...а пришед в Таборы, присмотрить под город, где пригоже, где бытии новому городу в Таборах... А сперва острог на том месте занять и поставить и на город всеми людьми, всею ратью лесу припасти»²⁴⁰. Таким образом, было дано начало городу Пелым в 1593 г. Вторая цель – «...промышляти при воеводах, при Микифоре Васильевиче с товарищи, чтоб приманить Пелымского князя Аблегерима, да сына его большого Тагая, да племянников его да внучат Пелымского, тех всех приманив, извести, и лучших его людей пяти-шти, которые самые пущие, от которых смута была, про тех сыскав, перемав их извести»²⁴¹. Ее осуществление вызвало немало затруднений у П. Горчакова и Н. Траханиотова. В какой-то мере здесь выявилась еще одна специфическая черта конфликтного типа взаимодействия русского и аборигенного населения в условиях фронта – русские стремились пленить предводителей сопротивлявшихся народов. Такая политика имела сходство с действиями американских колонизаторов против индейского населения.

Дальнейшее расширение восточного направления внешнего фронта связано с попытками русских подчинить себе территории среднего течения р. Обь. Еще одним опорным пунктом русской колонизации в этом направлении стал Сургут, основанный в 1594 г. По соседству с местом постройки Сургута кочевала Пегая Орда, или нарымские остяки, под предводительством князя Вони, которые иногда совершали набеги на русские владения в Сибири. Русское правительство для ликвидации угрозы со стороны воинственного князя направило воевод Ф. Борятинского и В. Аничкова. Сначала они

²⁴⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 11. С. 340.

²⁴¹ Там же.

должны были прибыть в Обский городок, там дожидаться подкрепления от березовского воеводы и остяцкого князя Игичея. После этого им было приказано разрушить Обский городок. А затем по указу 1594 г. «государя Федора Ивановича велено им быть на службе в Сибири вверх по Оби реке ставить город в Сургуте или в Базинской волости, в Лумепуке (Лунпуке) в котором месте удобнее»²⁴². В результате описанных действий был основан город Сургут.

В 1596 г. вверх по течению Оби возник Нарымский острог, а на ее правом притоке Кети – Кетский острог. По свидетельству Книги записной, «во 104-м году поставлены остроги Нарымской и Кетской. Ставил сургутский атаман Тугарин Федоров и был приказным в Нарымском остроге и Кетском»²⁴³. Аналогичную датировку предлагает Г.Ф. Миллер²⁴⁴.

В качестве доказательства, приведенной датировки основания Нарыма можно привести наказ сургутским воеводам от 1595 г., где говорится о строительстве Нарымского острога для укрепления русской власти на территории Пегой Орды²⁴⁵. Исключительно военная специализация явилась отличительной чертой Нарымского и Кетского острогов на этапе внешнего сибирского фронта.

²⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 24.

²⁴³ Книга записная... С. 5.

²⁴⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1. С. 294–295; Прил. № 56. С. 403–404; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 34; Буцинский П.Н. К истории Сибири... С. 24. Существует точка зрения В.А. Александрова, согласно которой Кетск был основан в 1605 г. Предположение В.А. Александрова опровергает тот факт, что самым ранним из дошедших до нас документов из Кетского острога является отписка воеводы Постника Бельского от 27 сентября 1604 г. П.Н. Буцинский датой основания Кетского острога считал 1602 г. По его мнению, острог был построен для подавления бунта нарымских остяков, но он не приводит никаких документальных свидетельств о строительстве поселения на р. Кети в это время.

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 31.

С постройкой этих острогов продвижение русских на восточном направлении в Сибирь временно приостановилось. Кучум перестал нести угрозу их господству за Уралом, его кочевья отодвинулись в Барабинскую степь, местные остяцкие племена были покорены. Закончилась первая стадия расширения восточного вектора внешнего сибирского фронта.

Возобновление распространения восточного направления внешнего фронта связано с попытками выхода русских на средний Енисей. Еще в 1601 г. у московского правительства возникла идея строительства острога на Енисее. Основанием для такого предположения является грамота царя Бориса Годунова сургутскому воеводе князю Я.П. Барятинскому, датированная 18 сентября 1601 г., о посылке пятидесяти человек сургутских служилых людей на Енисей ставить острог²⁴⁶. Но по неизвестным причинам это мероприятие потерпело неудачу. Первое документальное известие о сборе ясака с местного населения относится к 1608 г. и зафиксировано в отписке кетского воеводы Г. Елизарова: «Да в прошлом, господине, году из Кецкого острогу Володимир Молчанов посылал для государева ясаку служивых людей на Енисею к Тюлькину сыну и их людям, и они государева ясаку не дали, а дали поминки соболишка худые»²⁴⁷. После первой разведки русские люди попытались объяснить новых инородцев, но столкнулись с сильным сопротивлением со стороны киргизских племен и тунгусов. Последние попытались объяснить остяцкие племена по левому берегу Енисея, которые давно платили ясак в пользу московского царя. Между русскими и тунгусами началась локальная война. Поэтому дело постройки в этих землях острогов представлялось весьма трудным.

Для укрепления русского влияния на р. Енисей после тщательной разведки решено было построить острог в месте впа-

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Кн.1. Л. 111–112.

²⁴⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 79. С. 244.

дения р. Верхней Тунгуски. В отписке тобольского воеводы князя И. Куракина от марта-апреля 1618 г. говорится, что «по государеву указу посланы из Тобольска на Енисею нового острогу ставить Петр Албычев да Черкас Рукин, а с ними сибирских городов служилые люди».²⁴⁸ П. Албычев и Ч. Рукин со своими людьми прибыли в то место на р. Кети, где обычно оставляют суда, и продолжили далее путь к Енисею волоком. П. Албычеву и Ч. Рукину необходимо было создать опорную базу, чтобы успешно выполнить их задачи на р. Енисей. В этом-то и заключались причина и непосредственный повод постройки Маковского острога в 1618 г., который был основан не по приказу из Москвы, а просто по усмотрению строителей Енисейска²⁴⁹.

По каким-то причинам сведения о постройке Енисейского острога не дошли до Москвы, хотя они были известны в Тобольске. С целью завершить постройку была отправлена экспедиция М. Трубчанинова. Но уже в наказной памяти тобольского воеводы И. Куракина М. Трубчанинову, которая датируется 16-м декабря 1619 г., говорится о существовании острога на р. Енисей: «Да Тунгуской де рекою от нового Тунгусково острога, который де ныне поставили Петр и Черкас, ехать до волоку 2 недели да тем де волоком идти 2 дни до великие реки»²⁵⁰. Таким образом, в 1619 г. русские укрепились в среднем течении Енисея.

Завершило расширение внешнего фронта на восток строительство Мелесского острога в 1621 г. Основная цель постройки – это укрепление влияния среди чулымских татар путем предотвращения набегов на их территории со стороны киргизских племен. Разведка местности под острог начала проводиться еще 1620 г. В том же году по наказу тобольского

²⁴⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 132. С. 284.

²⁴⁹ Там же. С. 50; Прил. № 140. С. 290.

²⁵⁰ Там же. Прил. № 144. С. 292.

воеводы следовало отправить первую экспедицию служилых людей, которые должны были поставить острог²⁵¹. Томские воеводы не исполнили наказ по двум причинам. Первая причина заключалась в том, что «в Томском, господине, городе томских служивых людей немного, и те бедны, наги и босы и голодны, и государева им денежного и хлебного жалованья дати нечево»²⁵². Второй причиной являлось то, что «около Томского города кочуют черные колмаки и иных многих орд люди и хотят быти под Томской город войною»²⁵³. Строительство Мелесского острога обозначило переход от внешнего фронта к внутреннему, когда начинается освоение земель, которые уже вошли в состав Российского государства.

Хронологические рамки восточного внешнего фронта можно определить 1581 – первой четвертью XVII в. Первая дата – это начало похода Ермака за Урал, инициировавшее целенаправленное проникновение русских на территорию бывшего Сибирского ханства. В 1621 г. со строительством Мелесского острога начинается стадия внутреннего фронта (Приложение 2).

Природно-климатические условия во многом определили облик восточного направления (секции) расширения внешнего фронта. Большая часть территории на данном направлении продвижения русских являлась таежной зоной, перемежавшейся с болотистой местностью.

Природно-климатическая специфика предопределила развитие на территории данной секции пушного промысла и возможность организации земледелия. Наличие тайги и болот во многом оградило эти территории от проникновения на них более развитых кочевых племен, поэтому здесь русские не встретили сильных потестарных образований, которые смогли

²⁵¹ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 154. С. 299; № 185. С. 333.

²⁵² Там же. Прил. № 159. С. 304.

²⁵³ Там же.

бы помешать дальнейшему их продвижению по территории Западной и Центральной Сибири.

В среднем и нижнем течении р. Оби русские вступили во взаимодействие с хантскими и мансийскими потестарными образованиями. Основными занятиями хантов и манси были охота, рыболовство и бортничество, местами встречалось земледелие и скотоводство. Следовательно, в отличие от сибирских татар, у которых господствовал производящий тип хозяйства, у хантов и манси преобладал присваивающий. Основу социальной организации хантов и манси составляло деление на юрты. Юрт – большая семья, которая состояла из кровных родичей и их товарищей. При этом у хантов существовало социальное расслоение, основанное на экономической мощи и богатстве родоплеменной верхушки. У родовой верхушки хантов были «прикормленные» и «одолженные» люди. Кроме того, у хантов существовало патриархальное рабство.

Наиболее крупным потестарным образованием у манси было Пельмское объединение. Он состояло из трех во многом самостоятельных частей-уделов: Пельмского, Кондинского и Табарского. Конда имела князцов, принадлежавших, правда, к тому же роду, который правил в Пельмском уделе. В Табарах же были князья, избиравшиеся местной знатью из своей среды.

В процессе включения этих потестарных образований в состав Российского государства проявились следующие черты. Во-первых, это сохранение за местной родоплеменной знатью широких прав внутреннего самоуправления, основанных на признании прежних заслуг перед «белым царем» в деле распространения его власти на территории Западной Сибири. Причем в большинстве случаев, когда объективно исчезала необходимость в помощи местных князей в укреплении господства Москвы на новых территориях, центральное правительство старалось ликвидировать их власть над родовичами. Во-вторых, это существование у представителей правящей

верхушки хантских и мансийских княжеств сепаратистских устремлений, которые они пытались воплотить в жизнь вплоть до середины XVII в. Данные потестарные образования были расположены в труднодоступных и малопривлекательных для первых переселенцев районах Сибири, что изначально предопределило малочисленность русского населения в этих землях. Наличие широкой автономии, предоставленной Москвой, в управлении своими вотчинами трактовалось хантской и мансийской родоплеменной верхушкой как признак слабости центральной власти, и, естественно, в их кругах возникала илюзия, что от русского господства можно достаточно легко избавиться. В-третьих, в отличие от татарских потестарных образований, хантские и мансийские в исторической реальности были значительно отдалены от этапа образования государства, поэтому институты более развитого Русского государства были не совсем понятны местному населению, для которого разложение родоплеменного строя завершилось в условиях полувекового пребывания под властью Москвы.

Несмотря на существенные различия в природно-климатических условиях и типах межцивилизационного взаимодействия восточное и юго-восточное направления внешнего фронта имели ряд сходств.

Первое сходство заключалась в том, что инициатива продвижения в глубь территории принадлежала правительству и осуществлялась преимущественно служилыми людьми. Основной формой такого освоения было создание укрепленных городов-острогов.

Вторым сходством явилось то, что продвижение русских в центральные части Западной Сибири и на юго-восток встретило вооруженное сопротивление автохтонных жителей Сибири. Этому способствовало то, что, во-первых, на данной территории до русского пришествия существовали потестарные образования в виде Сибирского ханства, Кондинского

княжества и Пегой орды; во-вторых, на юге в силу более благоприятных климатических условий проживало больше коренного населения.

Третье сходство – это быстрый переход внешнего фронта во внутренний. Данный процесс начался через семнадцать лет после проникновения русских в южную часть Сибири (1581–1598). Следствием этого явилось наличие более или менее четкой границы внешнего фронта на данных направлениях (Приложение 1, 2).

Четвертая особенность – это стремление местных властей подчинить аборигенное население и наложить на него ясак в пользу русского царя. На северо-востоке основой взаимодействия русского и местного населения являлась меновая торговля, перемежавшаяся с военными столкновениями, хотя и были отдельные попытки наложить ясак на местное население, но они выступали в качестве исключения, нежели правила.

Пятая особенность – это климатический фактор. На юге и в центре Западной Сибири природно-климатические условия в большей мере, нежели на севере, подходили для традиционных хозяйственных занятий русских людей, например для земледелия, которое способствовало формированию постоянного населения на осваиваемых землях. На севере характер колонизации в большей мере определял пушной промысел.

Итак, в силу огромных пространств Западной и Центральной Сибири существовало три направления расширения внешнего фронта, имевших свои специфические особенности – северо-восточное, юго-восточное, восточное. Вышеназванные направления отличались хронологическими рамками освоения новых территорий, характером основных движущих сил, доминирующей формой взаимодействия с местным населением и типом осваиваемой геоклиматической среды. Тем не менее на начальном этапе они не были абсолютно изолированы друг от друга. Первое соприкосновение представленных на-

правлений произошло в 1595 г., когда была построена Обдорская застава и правительство попыталось взять под контроль деятельность поморских торговых и промышленных людей. Второй момент соприкосновения – это военные экспедиции, организованные центральным правительством в 1600–1602 гг. и завершившиеся строительством Мангазеи.

Можно утверждать, что к концу первой четверти XVII в. Западная Сибирь, Центральная Сибирь и часть Восточной Сибири находились под контролем Российского государства. Зоной неустойчивого равновесия внешнего сибирского фронта являлся бассейн р. Енисей, служивший разделительной чертой между Западной и Восточной Сибирью.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.

Внешний фронтир в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. находился в динамичном состоянии. За короткий промежуток времени – 5–10 лет – он мог перемещаться на сотни километров. Когда внешний фронтир сдвинулся на восток, в недавно основанных русских поселениях начиналось развитие процессов, присущих внутреннему фронтиру²⁵⁴.

Огромные территории Сибири определили специфику ее колонизации. Первые остроги, основанные русскими первопроходцами, находились за сотни километров друг от друга. На территориях между ними проживали автохтонные жители, принадлежавшие к разным племенам. Сами территории находились в разных климатических поясах. Поэтому стадия внутреннего фронтира здесь затянулась не на десятки, а на сотни лет. Она характеризовалась началом планомерного хозяйственного освоения русскими новых территорий и форми-

²⁵⁴ Под выражением «внутренний и внутрицивилизационный фронтир» в 3 и 4 главах следует иметь в виду стадию внутреннего и внутрицивилизационного фронтира. Данный прием упрощения лексических конструкций используется для лучшего стилистического восприятия текста.

рованием особой социальной структуры. Следовательно, для понимания явления фронта необходимо рассмотреть:

- хозяйственное освоение русскими новых территорий и участие в нем автохтонного населения;
- особенности формирования основных социальных групп внутреннего сибирского фронта и участие в этом процессе местного населения.

В свою очередь, процессы, происходившие на территориях внутреннего сибирского фронта, характеризовались активным межкультурным взаимодействием в последней трети XVI – первой четверти XVII вв.

3.1. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СИБИРИ НА СТАДИИ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТА

Русское хозяйственное освоение Сибири началось в условиях внешнего фронта еще до появления на ее просторах постоянного оседлого населения из Европейской России. Основным хозяйственным занятием русских в это время был пушной промысел. Комплексное же освоение земель за Уралом началось в первой четверти XVII в. вследствие вхождения этих территорий в состав Российского государства и его активного участия в их хозяйственной колонизации. Именно с этого момента ослабевает фактор внешнего фронта и начинается действие внутреннего.

На наш взгляд, в данный период среди хозяйственных занятий русского населения ведущую роль играли промыслы. Наибольшее развитие получил пушной промысел, основной составляющей которого являлась добыча соболя.

Несмотря на знакомство некоторых промышленников с просторами Восточной Сибири, в первой четверти XVII в.

большую часть «мягкой рухляди» добывали на территории Западной Сибири. Промысел был сосредоточен в трех уездах: Пелымском, Сургутском и Мангазейском.

Только к началу 40-х гг. XVII в. здесь начали истощаться запасы пушнины. В Мангазейском же уезде, например, пик добычи пушнины, согласно сведениям П.Н. Павлова, приходился на 1636 г., когда средняя добыча русских промышленных людей достигала 85–89 соболей на человека²⁵⁵.

В первой четверти XVII в. на территории Западной Сибири начинает формироваться система взаимоотношений между государством и частными промышленниками. Появление государства и его влияние на развитие пушного промысла являлось новой чертой по сравнению с предыдущим периодом и свидетельствовало о переходе внешнего фронта во внутренних.

С одной стороны, государство пыталось контролировать пушной промысел. Так, в отписке тобольского воеводы Ф. Шереметьева от 1601 г. говорится о запрете сибирским служилым людям заниматься промыслом пушнины и торговать мехами: «и сибирским служилым людям мяхкою рухлядью торговати не велено; и о том велено заказ учинити крепкой, чтоб однолично вперед, опричь торговых людей, мяхкою рухлядью не торговал ни каков человек»²⁵⁶. С другой стороны, в условиях фронта, предполагавших формирование отношений, присущих локальному сообществу нового типа, сложилась уникальная ситуация, когда самому государству невыгодно было держать монополию на достаточно прибыльный вид деятельности. У государства не хватало сил для того, чтобы освоить пушные богатства Сибири, и оно полностью отдало на откуп

²⁵⁵ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1974. С. 70.

²⁵⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 24. С. 197.

частным промышленникам добычу соболя. Только тогда, когда запасы пушнины стали истощаться в конце XVII – начале XVIII вв., государство предприняло некоторые попытки организовать пушной промысел. Из Енисейска в 1666–1667 гг. было отправлено 40 покрученников, снаряженных за государственный счет, а в 1667–1668 гг. – 20²⁵⁷.

В то же время государство в фискальных интересах пытается поставить под контроль добычу ценных мехов, обязав торговых и промышленных людей платить десятинную пошлину. В основном пошлина собиралась натурой. Правда, в редких случаях деньгами полагалось брать с неполных десятков шкурок по их оценке десятую же часть²⁵⁸. Пошлину преимущественно платили торговые люди, перекупавшие соболя у промышленников в самой Сибири. Например, в отписке пелымского воеводы П. Шаховского от 1598 г., в которой описывается сбор десятинной пошлины с «мягкой рухляди», сообщается, что с пермских торговых людей взяли «от девяти десятое лутчее; а взяли мы холопи твои у них 68 соболей, да 2 куницы, да 41 бобр, да 32 черевеси, да выдру, да 47 горностаев, да лисицу черну»²⁵⁹. Таким образом, данная система взаимоотношений являлась достаточно прибыльной для государства. Также торговым и промышленным людям до 30-х гг. XVII в. можно было провозить только сорок (т.е. 40 соболей) стоимостью до 140 руб., но если сорок стоил 141 руб., то такой ценный товар нужно было отдавать в казну²⁶⁰. Это правило способствовало множеству злоупотреблений со стороны местной администрации, но благодаря ему государство получало сверхдоходы.

²⁵⁷ Павлов П.Н. Промысловая колонизация... С. 24; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 239.

²⁵⁸ Павлов П.Н. Промысловая колонизация... С.18.

²⁵⁹ РИБ. Т. II. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. № 63, стлб. 143.

²⁶⁰ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 144.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что ситуация неустойчивого равновесия, сложившаяся на территории внутреннего сибирского фронта, способствовала взаимовыгодному балансу интересов частных лиц и государства, что, в свою очередь, являлось одной из форм социального партнерства.

Ситуация неустойчивого равновесия определила взаимоотношения государства и частных промышленников относительно прав охоты на территории ясачных угодий. Несмотря на малочисленность коренного населения Сибири, на ее территории было немного выгодных в промысловом отношении свободных земель. Промышленные люди, как правило, охотились в угодьях, принадлежавших местному населению. Поэтому, с одной стороны, государство могло недополучать ясак и формально выступало за ограничение свободы русского промысла. С другой – оно получало значительные прибыли от промыслового налога и во многом поддерживало представление о наличии ничейных угодий в Сибири²⁶¹. В этой ситуации, по справедливому мнению П.Н. Павлова, государство получало двойную выгоду, так как получало ясак с коренного населения и промысловый налог с русских. Поэтому само правительство не спешило четко разграничить ясачные земли. Таким образом, на многих территориях сочетались явления как внешнего, так и внутреннего, а частично и внутрицивилизационного фронтиров. Нередко четкие границы между этими угодьями не были известны сибирским воеводам, представлявшим центральную власть на местах. В сложившемся фронтальном треугольнике присутствовали отношения мнимого сотрудничества между государством и автохтонными жителями, реального взаимовыгодного партнерства между государством и частными лицами и, наконец, конфронтация между «сибирскими инородцами» и промышленниками.

²⁶¹ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1972. С. 34–36.

Охота в ясачных угодьях являлась главной причиной конфликтов между русскими промысловиками и автохтонными жителями. Недобор ясака в основном возникал из-за истребления соболя русскими промышленниками при помощи самоловных орудий, производительность которых была намного больше, чем ружей, луков и иных средств охоты. В одной грамоте указанного периода говорится следующее: «Да к ним (инородцам. – А.Х.) же приезжают из русских городов зыряне и вымичи и всякие гулящие люди в их вотчинах... бьют соболи, и лисицы, и бобры, и в том де им нужна великая же: в наш ясак соболей и всякого зверя добыть негде»²⁶². Конфликты между ясачными людьми и русскими промышленниками имели место в первой четверти XVII в. Так, в 1616 г. сургутские ясачные на Оби и по Ваху «побили торговых людей дощаник Третьяка Огородникова с братиею и с товарищи девяти человек, да промышленных людей 6 каюков, вместе со служилыми людьми 30 человек»²⁶³. Нередко инициаторами конфликтов с местным населением выступали служилые и промышленные люди: «и те де служилые и торговые люди им чинят насильство: рыбу и лыжи, и нарты, и собаки нартенные, и зверовые отнимают сильно, а нужда де им в том великая»²⁶⁴. Москва же фактически занимала позицию невмешательства во взаимоотношения промышленных людей и местных жителей, так как в Сибири не хватало служилых людей для регулирования такого рода конфликтов. Следовательно, в первой четверти XVII в. большая часть Западной Сибири, хотя и формально, входила в состав Российского государства, но частично сохранялись отношения внешнего фронта, особенно в вопросах о землевладении.

²⁶² Гневушев А.М. Акты правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 – 17 июля 1610). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. № 117. С. 373.

²⁶³ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 117. С. 273.

²⁶⁴ Гневушев А.М. Акты правления царя... Прил. № 117. С. 373.

Промысел пушнины играл большую роль в жизни людей внутреннего фронта²⁶⁵. Пушной промысел способствовал основанию в некотором отдалении от первых острогов укрепленных зимовий. Промышленники первыми разведывали новые пути проникновения в Сибирь. В целом, пушной промысел способствовал хозяйственной интеграции Сибири в российскую экономику.

Следующим важным занятием первых переселенцев в Сибири был соляной промысел. В то время соль являлась как необходимым компонентом питания, так и важнейшим средством, использовавшимся для сохранения продуктов. Соляное довольствие включалось в жалование служилым людям. Следовательно, московское правительство с самого начала колонизации Сибири стремилось создавать источник для получения соли на месте.

Соль русские в Сибири промышленно путем выварки ее из соляного рассола или путем «ломки» самосадочной соли в соляных озерах²⁶⁶.

Попытки наладить добычу соли путем выварки ее из соляного рассола относятся к 1600 г.²⁶⁷. Сам технологический процесс добычи соли был достаточно сложен. Соляные варницы состояли из деталей, которые производились только в центральной части Российского государства, и любая поломка приводила к длительному простоя производства²⁶⁸. В усло-

²⁶⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т.4. С. 11; Павлов П.Н. Пушной промысел... С. 176.

²⁶⁶ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического... С. 289.

²⁶⁷ АИ / под ред. И. Григоровича. Спб.: Типография II Отделения с. е.и.в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613 гг.), № 39. С. 52–54; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. / сост. Е. Н. Ошанина; отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. Вып. I–II. С. 104–106; РИБ... Т. II, № 69, стлб. 154.

²⁶⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 43. С. 217.

виях внутреннего фронта этот способ добычи соли не был эффективным, поэтому он не мог обеспечить солью большую часть русского населения Сибири.

Более простым способом добычи соли была ломка самосадочной соли в соляных озерах. Но большинство соляных озер располагалось на территориях, занимаемых потестарными образованиями, которые не хотели пускать русских на свои земли. Наиболее известным из соляных озер было Ямыш-озеро. Например, в 1601 г. тобольскими воеводами был организован поход «по соль к Ямыш-озеру», закончившийся неудачей. Иначе бы не стояла в 1604 г. в числе служб аялыньских татар обязанность «по соль ходить»²⁶⁹. Поэтому можно говорить об особом типе взаимодействия между русским и коренным населением в условиях внутреннего фронта – даннических отношениях в форме служб, в котором, с одной стороны, проявлялись отношения господства-подчинения, с другой – сотрудничество.

В походах за самосадочной солью проявляется связь между внутренним и внешним фронтом, когда для успешного освоения территорий, находившихся в составе Российского государства, необходимо было добывать продукт за его пределами и, следовательно, расширять зону внешнего фронта. Появление в 1605 г. в районе Ямышевских озер орды черных калмыков (позже Джунгарии) сильно затрудняло солеснабжение Сибири. Так, в отписке от 1611 г. тобольский воевода И. Катырев-Ростовский следующим образом объясняет задержку соляного жалованья: «...а с Тары соль по два года не присылована для того, что калмыки озера отняли, а вперед будет соли из Тобольска в города служилым людям на жалованье послати нечего, и на весну, как лед вскроется, послати б к соляным озерам по соль из сибирских городов служивых

²⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Кн. 2. Л. 80 об.

людей и татар в судех и полем на конех»²⁷⁰. Из документа видно, что такой способ добычи соли был более привычен для русских людей в Сибири. Основываясь на документе, можно предположить, что русские люди в Сибири при определенных условиях могли не зависеть от поставок соли из центра уже в первой четверти XVII в.

В силу специфических условий начала колонизации Сибири наблюдались постоянные перебои с «сошными запасами» и нередко основным продуктом рациона русских людей становилась рыба. Рыбу ловили «про свой обиход» и на продажу. В первом случае всегда, а часто и во втором случае рыболовство для русского человека было дополнительным занятием. Скопление значительного количества промышленных людей, отправляющихся на промыслы, резко повышало спрос на сушеную и соленую рыбу, являвшуюся источником питания самих промышленников и единственным кормом для их собак²⁷¹.

В ходе рыбного промысла зарождались тесные контакты с представителями автохтонного населения, что свидетельствовало о наличии внутреннего фронта. Так, в Сибири широкое распространение получило сушение или вяление рыбы, сравнительно мало применяемое в европейской части России. В условиях внутреннего фронта у местного населения были заимствованы способы заготовки и названия рыбы: юкола – вяленая рыба с костями (цельную рыбу распластывали и вялили на солнце); юрок – рыба, вяленная без костей; порса – сушеная мелкая рыбка (сушили кусками вместе с икрой, употребляли в постные дни). У «сибирских инородцев» русские переняли такое кушанье, как «варка» – брюшки белой рыбы, сильно разваренные в котле с рыбьим жиром до образования коричневой

²⁷⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 100. С. 259.

²⁷¹ История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. / отв. ред. тома А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. С. 79.

хрустящей массы, которую можно было долго хранить в оленьих пузырях. У них же был заимствован и способ заквашивания рыбы – ее закладывали в яму без соли и квасили²⁷².

Появление в первой четверти XVII в. рыбного промысла свидетельствует об окончательном переходе стадии внешнего фронта во внутренний. Если пушной и соляной промыслы играли значительную роль в процессах, происходивших на территориях как внешнего, так и внутреннего фронта, то рыбный в основном развивался только на территориях внутреннего фронта.

Особая роль в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. в хозяйственной колонизации Сибири отводилась земледелию, развитие которого во многом определило особенности внутреннего сибирского фронта.

Для динамичного развития региона и его прочного включения в состав Российского государства было необходимо организовать сибирскую пашню в условиях внутреннего фронта. Правительство с самого начала колонизации нового края было заинтересовано в существовании хлебопроизводящих районов Сибири. Например, в наказе князю А. Елецкому о строительстве города Тары непереносимое условие выбора места: «где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести»²⁷³. Тем не менее в указанный период первые поселенцы в Сибири находились на грани голода.

Такое положение дел определяло несколько специфических особенностей колонизации Сибири, обусловленных расположением этих территорий в условиях внутреннего фронта. Первая особенность – состав первых русских в Сибири.

²⁷² Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.): учеб. пособие. М.: Логос, 2001. Вып.1. С. 26–27.

²⁷³ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1, Прил. № 13. С. 347.

В основном это были служилые и промышленные люди, которые изначально не являлись производителями хлеба, а только его потребляли. К тому же у коренного населения, за исключением некоторых районов Западной Сибири, земледелие было развито в тех размерах, в каких оно было доступно кочевникам²⁷⁴. В свою очередь, на начальном этапе внутреннего фронта промышленные и служилые люди были ведущими социальными группами в Сибири, так как в землях, недавно вошедших в состав Российского государства, отсутствовала социально-политическая стабильность в отношениях с коренными жителями, привлекавшая крестьян и способствовавшая безопасному занятию земледелием. Слабое развитие коммуникаций являлось второй особенностью хозяйственного освоения Сибири. Хотя Западная Сибирь в указанный период большей частью вошла в состав Российского государства, но многие ее районы находились на территории внутреннего фронта и оставались *terra incognita*, даже для местных воевод. В первой четверти XVII в. основными транспортными артериями были речные пути. Они не могли эффективно решить проблему перевозки грузов на дальние расстояния – от районов сельскохозяйственного производства центральной части Российского государства до Сибири. Третья особенность заключалась в том, что в основе пищевого рациона русских людей лежала хлебно-мучная основа, от которой они не хотели отказываться в новых сибирских условиях. Переход на другие виды продуктов сопровождался частыми болезнями среди русского населения Сибири. Правда, в ходе взаимодействия с коренными сибирскими жителями русские начали употреблять в пищу лук-бодун, сарану, кипрей, колбу – черемшу²⁷⁵. Здесь проявился тип межэтнического сотрудничества в усло-

²⁷⁴ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982. С.78.

²⁷⁵ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения... Вып. 1. С. 25.

виях внутреннего фронта, когда пришельцы на ментальном уровне не отрицали быт и хозяйственные навыки «сибирских инородцев», а перенимали их. Четвертая особенность – это дороговизна доставки хлеба в Сибирь, приводившая к тому, что московское правительство хотело минимизировать расходы путем создания хлебопроизводящих районов за Уралом.

Вопрос о создании местной пашни представлялся настолько важным, что нарушалась общегосударственная практика прикрепления крестьянина к месту жительства и правительство уже в XVI в. предлагало местной администрации призывать в Сибирь «охочих людей от отца сына, и от брата брата, и от сусед суседов»²⁷⁶. Тем самым внутри государственной территории формировался новый тип отношений, отличный от существовавшего в Европейской России, присущий обществу внутреннего фронта.

Помимо этого, центральное правительство и местные администраторы «сажали» «ясачных инородцев», в основном татар, на десятинную пашню. В грамоте от 1596 г. в Пелым пишется следующее: «Били нам челом Пелымского города Тоборинские волости пашенные татарове Баюраско князь Лариков и во всех тоборинских мурз, и татар, и вогулич место, а сказали: пашут де они на нас пашню в Тоборех, и положена де на них наша пашня не в силу»²⁷⁷. Данный способ возделывания государевой пашни оказался на практике крайне неэффективным, так как коренные жители Сибири плохо представляли себе основы русского земледелия и не справлялись с теми объемами, которые определялись царскими наказами. Нередко в их ранних челобитных звучали просьбы отменить пашенную повинность.

В 1598 г. табаринские пашенные татары просили: «Милосердый царь государь, пощади сирот своих, вели свою госуда-

²⁷⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 96–97.

²⁷⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. I. Д. 3. Л. 1.

реву пашню оставить, и не вели сиротам своим впредь своей государевы пашни пахати, и вели, государь, с нас свой государев ясак собольми имати, чем ты, государь, пожалуешь, велишь обложить, чтобы мы сироты твои, государь, голодную смертью не померли и в конец не погибли»²⁷⁸. Судьба челобитной татар неизвестна, но если брать во внимание общую тенденцию политики правительства в условиях внутреннего фронта, направленную на подчинение автохтонного населения «не жесточью, а ласкою», то, скорее всего, она была удовлетворена.

В 1618 г. с аналогичной просьбой обратились вогулы той же волости. В их просьбе проявляются интересные особенности организации государственной десятинной пашни среди автохтонного населения. Например, к работе по возделыванию десятинной пашни уже привлекали вогулов, имевших опыт подобных занятий: «и поимали у нас сирот твоих наши особенные пашнишки в твою государеву пашню, которые пашнишки пахали мы сироты твои на себя до Пелымского города лет за 40 и за 50, и нас сироты твоих тех пашен заставил пахать на тебя на государя»²⁷⁹. Вторым интересным замечанием является упоминание о приходе русских людей для работы на десятинной пашне: «по твоему государеву указу на твою государеву пашню в Таборех поселились русские люди пашенные крестьяне; и которые, государь, в Таборех были наши пашенные угодишки и сенные покосы, и всякие угодишка отошли от нас сирот твоих русским людям»²⁸⁰. Исходя из данного сообщения можно заключить, что постепенно наблюдается замена на государственной пашне инородцев русскими крестьянами, которые владели более передовыми приемами и навыками ведения сельского хозяйства.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. I. Д. 15. Л. 1.

²⁷⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 136. С. 287.

²⁸⁰ Там же.

Среди челобитных, описывающих тяжесть ведения десятинной пашни, большинство исходит от инородцев Пелымского уезда. Скорее всего, именно по его территории проходила северная граница сибирского земледелия. Ведение сельского хозяйства в экстремальных условиях определило появление значительного числа просьб местного населения о сложении с себя обязанностей, связанных с работами на государственной десятинной пашне. Фактически отсутствуют жалобы от местного населения, занимающегося сельскохозяйственными работами, из сибирских уездов, которые находились южнее Пелымского уезда. Еще до появления русских в этих местах местные татары занимались земледелием, у некоторых их групп были распространены сохи и серпы, они пахали преимущественно «наездом» и выращивали скороспелые культуры – ячмень, полбу, овес. В отписке тарского воеводы А. Воейкова в Москву от 4 сентября 1598 г. говорится: «...пошел Кучюм царь с Черных вод на Обь реку... где у него хлеб сеян»²⁸¹. Поэтому татары смогли более быстро перенять земледельческие навыки русских и приспособиться к условиям внутреннего фронта, и работы на государственной пашне не являлись для них настолько тяжелыми, как для коренных жителей Пелымского уезда.

В дальнейшем на протяжении всего XVII в. в силу принудительных мер правительства, повседневных контактов с русскими крестьянами, развития торговли и постепенного разорения скотоводческого хозяйства набирала силу тенденция к распространению земледелия среди «сибирских инородцев». Уже в 20-х гг. XVII в. в Пелымском уезде насчитывалось 70–75 «пашенных вогуличей», а к концу XVII в. в Пелымском уезде запашка татар и вогулов составляла 1354 десятины, или 5% от общей площади обрабатываемых земель в уезде²⁸². К кон-

²⁸¹ АИ...Т. II, № 1. С. 2.

²⁸² Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 54.

цу XVII в. в Западной Сибири среди коренных народов земледелие получило наибольшее распространение у тюменских, тобольских и тарских татар, туринских «вогулов»²⁸³. Тем не менее основными занятиями коренного населения были скотоводство, охота и собирательство.

Основываясь на вышеприведенных свидетельствах, можно заключить, что земледелие во внутреннем сибирском фронтире формировалось в условиях тесных контактов русских людей с представителями автохтонного населения. Следовательно, расширились контактные зоны между русским и местным населением. Добровольно или насильственно коренные жители перенимали у русских навыки хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, способствовало более тесной межэтнической интеграции и формированию своеобразного сибирского сообщества.

Следует отметить, что в становлении сибирского земледелия особую роль сыграли служилые люди. Им полагалось хлебное жалованье, которое доставлялось из центра. Но в силу разного рода обстоятельств имели место перебои поступления хлеба в Сибирь. Например, в 1610–1611 гг. хлеб совсем не поступал в Верхотурье²⁸⁴. Следовательно, многие служилые люди заводили в Сибири собственную пашню. К концу первой четверти XVII в. служилая земледельческая колонизация достигла значительных размеров. Например, согласно документам Сибирского приказа, в 1624 г. в Тарском уезде служилые люди имели 30 деревень и починков, 6 займищ и 77 наезжих пашен²⁸⁵. Активно занимались обработкой земли «новокрещены». Так, в конце первой четверти XVII в. из 31 «новокрещена», состоявших на службе в Тобольске, 7 (22,5 %)

²⁸³ Крестьянство Сибири... С. 79.

²⁸⁴ АИ... Т. II, № 94. С. 122; № 337. С. 402.

²⁸⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 299–344.

имели свою пашню²⁸⁶. Это свидетельствует об активном вхождении служилых инородцев в состав формирующегося сибирского сообщества, выражавшемся в заимствовании основных хозяйственных навыков у русских.

Кроме служилых людей, земледельческой колонизацией занимались и сибирские монастыри. С основанием новых монастырей появлялись земли, отводившиеся для хозяйственных нужд²⁸⁷. На этих землях селились приписанные к монастырю крестьяне, которые занимались их обработкой. С конца XVI в., несмотря на противодействие со стороны государства, монастырское землевладение только расширялось, и к концу XVII в. монастыри Сибири имели под пашней около 9 тыс. десятин, или 9 % всей пашни края²⁸⁸.

Таким образом, можно говорить о наличии на территории Сибири государственного, частного, в том числе служилого и корпоративно-монастырского земледелия, в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. Многообразие форм земледелия было обусловлено его формированием в условиях внутреннего фронта. Процесс зарождения сибирского общества происходил в условиях высокой территориальной и горизонтальной социальной мобильности, что предполагало возможность для многих русских в Сибири заниматься несколькими хозяйственными занятиями одновременно, а это, в свою очередь, способствовало появлению разных форм земледелия.

В последние годы первой четверти XVII в., по справедливому мнению В.И. Шункова, сложились первые два района

²⁸⁶ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1988. С. 253.

²⁸⁷ ГАТот. Ф. 70. Оп. 1. Д. 86. Л. 14; ДАИ / под ред. М. Коркунова. Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. Т. IV, № 221. С. 264.

²⁸⁸ Шорохов Л.П. Возникновение монастырских вотчин в Восточной Сибири // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. М.: Наука, 1973. С. 151–154.

сибирского земледелия – Верхотурско-Тобольский и Томско-Кузнецкий²⁸⁹.

Наиболее благоприятные условия для земледелия были в Верхотурско-Тобольском районе. По количеству частных крестьянских хозяйств Верхотурско-Тобольский район занимал первое место в Сибири в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв.²⁹⁰. Правда, не столь быстро, как рядом с Верхотурьем, развивалось земледелие в Пелымском и Тобольском уездах, где оно существовало преимущественно в форме десятинной пашни. Например, в Тобольском уезде в 90-е гг. XVI – первой половине XVII вв. не было крупных земледельческих поселений²⁹¹.

Помимо Верхотурско-Тобольского, на территории Западной Сибири находился Томско-Кузнецкий земледельческий район. В истории колонизации Сибири этот район являлся уникальным, потому что он располагался на территории, где в первой четверти XVII в. активно происходил переход от внешнего фронта к внутреннему. Данный переход затянулся, поэтому здесь, с одной стороны, новая социальная общность формировалась в условиях внешнего фронта, а с другой – внутреннего. Пашня в основном заводилась силами «новоприборных служилых людей», а по возможности «которые будет татарова и остяки пашню пашут и с тех бы татар и остяков ясаку имати не велеть, а велети с них имать хлебом»²⁹². Первое документальное упоминание о существовании пашни в Томске относится к 1606 г. В наказе воеводам М. Ржевскому и С. Бар-

²⁸⁹ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации... С. 3–10;

²⁹⁰ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889. С. 92; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 174. С. 318; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 55–56.

²⁹¹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия... С. 39.

²⁹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 488–489.

теневу говорится: «...пашни прибавляти и пахати в больше прежнево»²⁹³.

Три фактора определили специфику развития земледелия в Томско-Кузнецком районе. Первый – удаленность его территории от центра Российского государства. Второй – Томско-Кузнецкий район располагался в стороне от основных путей русских в Сибирь. Третий – пограничное положение района, определявшее постоянную опасность нападения со стороны кочевых племен. Например, в 1626 г. томские воеводы О. Хлопов и И. Нарматский, сообщая в Москву о набеге енисейских киргизов в 1625 г., указывали, что набег этот не первый и не единичный²⁹⁴. Это свидетельствует о ситуации соперничества в зонах неустойчивого равновесия между силами Российского государства и потестарными образованиями за новые земли, межцивилизационном столкновении земледельческого и скотоводческого типа хозяйств. Поэтому в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. здесь наблюдался острый дефицит рабочих рук на государевой десятинной пашне, несмотря на благоприятные для земледелия климатические условия. С одной стороны, государство решало эту проблему путем перевода крестьян из других районов Российского государства. С другой – источником пополнения томских земледельцев была ссылка. Самая крупная партия ссыльных в 35 человек была отправлена в 1608 г.²⁹⁵. Исходя из этого, можно говорить о преобладании в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. на территории Томско-Кузнецкого района крестьян, сосланных и переведенных из центральной части Российского государства, над вольными переселенцами. Это явилось одной из причин сильного отставания данного региона в темпах земледельческой колонизации от Верхотурско-Тобольского района.

²⁹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 496–497; АИ... Т. II, № 52. С. 62.

²⁹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стлб. 886. Л. 134–151.

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 474–476.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что основная цель сибирского земледелия – обеспечить хлебом русское население Сибири в первой четверти XVII в. – не была достигнута. Но в условиях внутреннего фронта, предполагавшего такие диаметрально противоположные типы взаимодействия, как сотрудничество с автохтонными жителями и соперничество с потестарными образованиями, закладывались предпосылки, позволившие в результате значительных трудовых усилий русских крестьян и коренных жителей к концу XVII в. создать особую земледельческую систему, функционировавшую в экстремальных климатических условиях и способную обеспечить хлебом все население Сибири.

К концу первой четверти XVII в. происходит зарождение ремесла на территории Сибири. Первоначально сибирские города заселялись приезжими ремесленниками. Затем они передавали свои навыки как жителям русских острогов, так и представителям местного населения. В результате этих контактов коренные жители в условиях внутреннего фронта перенимали ремесленные навыки русского населения, тем самым не отвергая более передовых достижений колонистов. Об этом свидетельствует то, что уже в грамотах 90-х гг. XVI – начала XVII вв. есть упоминание об активном использовании некоторыми «сибирскими инородцами» ножей, топоров и железной посуды, что предполагает заимствование у русских примитивных ремесленных навыков²⁹⁶. Это формировало положительный образ русских поселенцев в глазах автохтонного населения, подчеркивало наличие у них более передовой материальной культуры, из которой многое можно было заимствовать.

Специфическим занятием русских людей в Сибири была ямская гоньба. До начала XVII в. ее осуществляли как службу ясачные люди. В этом проявилась особенность внутреннего

²⁹⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 4. С. 176.

сибирского фронта, выразившаяся в типе даннических отношений в форме служб, в результате чего изначально складывались тесные хозяйственные связи между русским и коренным населением Сибири. В 1601 г. тюменские татары жаловались: «...служат де они на Тюмени всякие наши сибирские службы зимние и летние, пешие и конные, и отъезжие караулы, и на Тару их посылают, и подводы де у них под нашу казну, и под гонцов емлют»²⁹⁷. Затем ямскую гоньбу вместо других повинностей начали нести русские²⁹⁸. Хотя промысел ямщиков и был сложен, но уже к 20-м гг. XVII в. в Западной Сибири сложилась ямская служба.

Важную роль в хозяйственном освоении Сибири сыграла торговля. Во многом она являлась основным звеном, которое связывало русское население внутреннего фронта с коренными сибирскими жителями, иностранными государствами и Российским государством в целом. Исходя из этого, в сибирской торговле 90-х гг. XVI – первой четверти XVII вв. можно выделить три основных направления.

Первое – торговля между метрополией и первыми русскими в Сибири. По свидетельству О.Н. Вилкова, в конце XVI – начале XVII вв. снабжение Сибири ремесленными изделиями полностью зависело от метрополии. В Тобольск ввозились ткани всех видов, разнообразная готовая одежда (шубы, кафтаны, зипуны, однорядки, рубахи, штаны, шапки, чулки, рукавицы и т.д.), обувь (сапоги, коты, башмаки и т.д.), предметы домашнего обихода (сковородки, блюда, тарелки, ложки, солонки и т.д.), галантерея, парфюмерия, предметы культа, канцелярские принадлежности, пряности, фрукты и т. д.²⁹⁹. Основными товарами, которые вывозились на продажу из Сибири за Урал,

²⁹⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 21. С. 192.

²⁹⁸ АИ...Т. II, № 341. С. 407.

²⁹⁹ Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. С. 86–112.

являлись пушнина и рыба. Недостаток ремесленных изделий обуславливался особенностями возникновения сибирского города. Сибирские города либо появлялись как опорные военные пункты для приведения «под высокую государеву руку сибирских инородцев», либо они вырастали из зимовий промышленных людей. На начальном этапе колонизации земель за Уралом город являлся своеобразным центром русской власти и контроля за деятельностью сибирского населения в среде неустойчивого равновесия внутреннего фронта. К моменту появления предпосылок к переходу от внутреннего к внутрицивилизационному фронтиру, когда начинал просматриваться каркас нового сообщества, в ряде сибирских городов появляется посад и начинается выпуск ремесленных изделий.

Вторым направлением была торговля населения Сибири с иностранными купцами. В основном это были купцы из Средней Азии, которые получили наименование бухарцев в русских документах XVII в. В силу дефицита ремесленных изделий в Сибири московское правительство в конце XVI в. было заинтересовано в организации торговли с ними. В царском наказе воеводе Ф. Елецкому и письменному голове В. Хлопову о строительстве города Тары от 10 февраля 1595 г. сообщается, что «которые торговые люди учнут приезжать в новой город на Тару из Бухар и из Ногай со всякими товары и с лошедьми, и з животиною, и у тех торговых людей велети служивым людям всякие товары и лошади, и животину покупати, и береженье к торговым людям, к бухарцом и к ногаям, держати, чтоб их впредь приучити»³⁰⁰. Из грамоты тюменскому воеводе князю Г. Долгорукому от 1596 г. мы узнаем, что бухарцам и ногайцам был разрешен не только свободный, но и беспошлинный торг «за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже», с одним лишь ограничением в отношении заповедных товаров,

³⁰⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 7–8.

в состав которых, однако, еще не входили дорогие сибирские меха³⁰¹.

В указанный период торговля с бухарцами развивалась динамично. Правда, в том же 1596 г. московское правительство попыталось ограничить торговлю бухарцев с ханом Кучумом и его сыновьями, но в итоге без восточных товаров остались сибирские города³⁰². Уже в следующем 1597 г. жители Тюмени жаловались: «Ныне к нам в Сибирь гости и торговые люди ниоткуда не ходят, и мы всем скудны; а только б торговые люди приходили, и мы б всем пополнились и сыти б были»³⁰³. Беспокойство тюменских жителей объясняется тем, что основными товарами, которые привозили бухарцы, были ткани, зеркала, посуда, продукты, лошади. Скорее всего, в первые годы освоения Сибири караваны из Средней Азии доходили к сибирякам быстрее, чем торговые люди из-за Урала.

Учитывая сложившуюся ситуацию, правительство Бориса Годунова постаралось исправить положение и отменило запрет на торговлю бухарцев с детьми хана Кучума³⁰⁴. В дальнейшем, несмотря на включение пушнины в число заповедных товаров и взимания пошлины с бухарских купцов, они поддерживали стабильные торговые отношения с русскими. Бухарцы покупали у русских сибирскую пушнину, пока она не стала заповедным товаром, рыбу, предметы, изготавливаемые первыми сибирскими ремесленниками. Можно считать, что бухарцы являлись активными участниками социальных процессов формирования сибирского сообщества в условиях внутреннего фронта, так как в силу своих торговых занятий в

³⁰¹ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 4. С. 176.

³⁰² Вилков О.Н. Очерки социально-экономического... С. 175.

³⁰³ СГГД / под ред. А. Ф. Малиновского. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II, № 63. С. 129.

³⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 184 об.; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 23. С. 197.

течение долгого времени находились в пределах Сибири, а некоторые из них в районе Тары обрабатывали пашни. Так, Тарская дозорная книга 20-х гг. XVII в. отметила бухарские пашни вверх и вниз по Иртышу. Всего было описано три юрты, «а в них бухарцев 21 человек, пашни у них паханные добрые земли в разных местах 18 четей с третином, перелогу 49 четей»³⁰⁵. К 1689 г. подсобные земельные владения бухарцев серьезно возросли и составили 34 хозяйства с общей подсобной запашкой 60 десятин в поле³⁰⁶. Это, безусловно, свидетельствует об их тесном взаимодействии с русским и коренным населением.

Третье направление было представлено торговлей между автохтонными жителями Сибири и русскими. В 90-е гг. XVI – начале XVII вв. торговля между русскими и аборигенами носила исключительно меновой характер. Это свидетельствовало о переходе внешнего фронта во внутренний, так как отсутствовала устойчивая система торговли с присущими ей правилами. Во многом на это влияла специфика товарооборота между русским населением и «сибирскими инородцами». Русские получали от местных жителей соболиные меха и другую мягкую рухлядь, а взамен отдавали предметы быта – ножи, топоры, одекуй и прочее. Иногда среди коренного населения Сибири встречались случаи торговли людьми. Так, в судной грамоте в Березов от 1601 г. сообщается, что «бил нам челом новокрещен Степан Пуртиев на березовского остяка на Шатрова Лугуева, а сказал, деялось деи в прошлом 103-м году, збежали от него к тому Шатрову 3 жонки полонянки купленные»³⁰⁷. Русскому же населению Сибири еще в 1598 г. запрещалось иметь у себя пленных из числа коренных жителей, торговать ими или вывозить их на Русь³⁰⁸.

³⁰⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 398.

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 925. Л. 58–78.

³⁰⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 44. С. 386–387.

³⁰⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стлб. 189. Л. 144.

К первому десятилетию XVII в. торговля между русскими и «сибирскими инородцами» приобрела более организованные формы. Регулирование торговых отношений полностью перешло в ведение местных властей, которые определяли места для торгов и следили за выполнением государевых указов. Например, в грамоте на Верхотурье С. Годунову от 1606 г. дано четкое указание, что следует разрешить «им (остякам. – А.Х.) с пермичи и с всякими русскими людьми торговать на Верхотурье на нашем гостинном дворе, и нашу десятинную пошлину велели с них имати по прежнему нашему указу»³⁰⁹.

В контексте торговли с местным населением появляется понятие «заповедных товаров», то есть русских предметов торговли, которые запрещалось продавать местному населению. К заповедным товарам относились доспехи, панцири, сабли, ножи, топоры, огнестрельное оружие, порох³¹⁰. Центральное правительство не чувствовало уверенности в прочности русской власти в Сибири, так как в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. русских было в несколько раз меньше, чем коренных жителей, а одним из факторов их военного превосходства над сибирскими инородцами являлось наличие огнестрельного оружия. На наш взгляд, представители русской администрации в Сибири сильно перестраховывались, когда включали в заповедные товары ножи и топоры, которые в основном использовались для хозяйственных нужд. Автохтонные жители Сибири в челобитных просили разрешения на торговлю с русскими этими товарами. Например, в челобитной от 1598 г. табаринские пашенные татары и вогулы просили: «Милосердный царь государь, вели нам сиротам своим по прежнему торговати с русскими людьми топоры и ножи, и котлы, чтоб мы сироты твои государевы в конец не погинули и с студи, и с босоты не померли; впредь бы твоего государева ясаку не

³⁰⁹ АИ...Т. II, № 62. С. 78.

³¹⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири...Т. 2, Прил. № 4. С. 176.

остали»³¹¹. В изучаемый период посредством торговли было налажено взаимодействие, в некоторых случаях переходящее во взаимозависимость между русскими людьми и местным населением, и тем самым в последние годы первой четверти XVII в. вследствие тесной интеграции русских и коренных жителей все более сильные позиции занимал внутренний фронт, вытесняя рудименты внешнего фронта.

В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. в сибирской торговле начинается формирование таможенной системы. Беспошлинная торговля в Сибири продолжалась только до первых успехов здесь градостроительства, сельскохозяйственного и промыслового производства. Как только Сибирь оказалась в какой-то мере вовлеченной в орбиту торговли российскими и иностранными товарами, правительство в целях увеличения своих доходов стало вводить в ней таможенную систему³¹². Правомерно говорить, что первые сибирские торговые пошлины появились в промежуток времени между 10 февраля 1595 г. и 31 августа 1596 г.³¹³.

Государевыми указами определялись места, в которых была разрешена торговля. Так с 1600–1603 гг. в Верхотурье, Туринске, Тюмени, Тобольске, Таре, Березове, Сургуте, Мангазее появились гостиные дворы, а вместе с ними таможенные избы. Окончательное оформление сибирская таможенная система получила после реформы, проведенной тобольским воеводой Ю.Я. Сулешовым в 1623–1625 гг., в результате которой были введены единые торговые пошлины. В свою очередь, отсутствие в первые годы в Сибири таможенных пошлин свидетельствовало о том, что ее территория находилась в условиях внутреннего фронта, что показывало слабость

³¹¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. I. Д. 15. Л. 2.

³¹² Вилков О.Н. Очерки социально-экономического... С. 118.

³¹³ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 1. Прил. №17. С. 355–358; Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 4. С. 176.

влияния правительства Российского государства на процессы, происходившие в Сибири. С оформлением же таможенной системы можно говорить о начале завершения стадии внутреннего фронта в Западной Сибири, так как исчезает еще один фактор, приводивший к сохранению нестабильности на ее территории.

В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. зарождается хозяйственная специализация отдельных районов Российского государства, начинает формироваться единое торговое пространство. Основным итогом развития сибирской торговли в изучаемый период было включение Западной Сибири в хозяйственный комплекс Российского государства. В свою очередь, во многом благодаря торговле в Западной Сибири укреплялись мирные контакты русского и коренного населения, что положило начало переходу от военно-политического типа взаимодействия с новыми территориями к хозяйственно-торговому освоению в условиях внутреннего фронта.

Следует отметить, что свидетельством тесного хозяйственного сотрудничества в условиях внутреннего фронта явилось заимствование русскими многих элементов одежды у коренного сибирского населения. По справедливому мнению О.Н. Шелегиной, в первую очередь новации в одежде наблюдались в тех местностях, где русские занимались промыслами и торговлей³¹⁴. Например, у хантов, манси и ненцев были заимствованы гусь, малица, парка, треух, а у других сибирских народов – чамбара, яга (доха), ягушка, малахай, ошейник, ожерелок, ичиги, унты, кисы, пимы³¹⁵. Сибиряками XVII в. у аборигенов были заимствованы 22,4 % элементов верхней одежды, 15,8 % элементов головных уборов, 27,5 % элементов обуви (Приложение 10). Стиралась черта открытого этнического противопоставления между русским и местным насе-

³¹⁴ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения... Вып. 1. С. 61.

³¹⁵ Там же. С. 58, 66.

лением, служившая источником внутренней нестабильности, характерной для внутреннего фронта. Впоследствии появились одежда и обувь чисто западносибирского «изобретения», использовавшиеся как русским, так и местным населением, что свидетельствовало о начале взаимопроникновения разных этнических культур и наступления стадии внутрицивилизационного фронта. К таким «изобретениям» можно отнести шубу с «краганом», фуфайку, стеганец, ишимы, чарки, пимы (меховые)³¹⁶. А это свидетельствует о формировании особой материальной культуры у сибиряков как структурообразующей составляющей особого сообщества.

Хозяйственное освоение Сибири в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. способствовало преодолению ситуации внутреннего фронта на большей ее территории. Оно обусловило переход от внутреннего к внутрицивилизационному фронту. Начали хозяйственное освоение Сибири промышленники, так как основным сибирским богатством являлась пушнина. Вслед за ними на территории Сибири появились служилые люди, посланные правительством для присоединения новых земель. Затем появились земледельцы, чтобы обеспечить продовольствием промышленников и служилых людей. В Сибири местное ремесло находилось на стадии зарождения в первой четверти XVII в., поэтому преобладал привоз ремесленных изделий из центральной части Российского государства и других стран, что способствовало развитию торговли. Особенностью сибирского внутреннего фронта являлось активное взаимодействие русского и автохтонного населения. Коренные жители Сибири участвовали в организации сибирской пашни, торговали с русскими, перенимали у них ремесленные навыки, поэтому в организации хозяйственной деятельности больше проявлялся в условиях внутреннего фронта такой тип цивилизационного взаимодействия, как сотрудничество, нежели соперничество. Русские же, для того чтобы приспособиться к

³¹⁶ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения... Вып. 1. С. 58.

специфическим условиям Сибири, переняли у коренных жителей много новшеств, связанных с одеждой, употреблением ряда продуктов питания и способов их приготовления.

В данный период основной задачей хозяйственного освоения было создание условий для развития инфраструктуры, которая смогла бы обеспечить расширение внешнего фронта на восток, так как Урал уже не мог служить опорной базой русских землепроходцев из-за удаленности от Восточной Сибири. Западная Сибирь явилась своего рода экспериментальным полем, где в условиях внутреннего фронта русские люди приспособляли свои навыки к специфичным условиям новой среды. В это время был заложен тот фундамент, благодаря которому русские первопроходцы смогли менее чем через 5 лет добраться до Тихого океана.

В свою очередь, в условиях внутреннего фронта формировалось многообразие видов хозяйственной деятельности русского населения, что оказало существенное влияние на специфику социальной организации сибирского общества 90-х гг. XVI – первой четверти XVII вв.

3.2. СКЛАДЫВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА

В контексте изучения процессов внутреннего фронта интересно выявить особенности формирования сибирского субэтноса в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. Для освещения данного вопроса, на наш взгляд, необходимо выяснить места выхода жителей Сибири, их половозрастную структуру, сословное положение и национальный состав, а также рассмотреть формы социальной организации и основные виды поселений первых сибиряков.

Основу русского потока в Сибирь составляли представители Поморья. Например, уже в грамоте от января 1600 г. упоминаются пинежане и мезенцы³¹⁷. Согласно подсчетам П.Н. Павлова, из учтенных за 20–80-е гг. XVII в. в промысловых уездах Сибири промышленных людей с обозначенным территориальным происхождением (13113 явок в таможи) 57,4% приходилось на центральное (и южное) Поморье, 33,3 % – на Северное Поморье и лишь 9,3 % промышленных людей были выходцами из всех остальных районов³¹⁸. Жители Поморья преобладали в сибирском земледелии в 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. В первые годы организации сибирской государственной пашни Борис Годунов обязал сибирскую администрацию «пашенных и посадских людей призывать и с Вятки, и с Солей на льготу охочих людей»³¹⁹.

Преобладанию поморов в Сибири способствовал ряд факторов. Во-первых, это была географическая близость Поморья к Сибири. Поморы перенесли в Сибирь общинную организацию, приемы ловли пушного зверя, стиль постройки деревенских домов и основные приемы ведения земледелия. Им было проще адаптироваться к тяжелым сибирским климатическим условиям. Во-вторых, поморские земли были населены преимущественно государственными черносошными крестьянами. Сибирь также являлась государственной вотчиной. Подобные сходные условия облегчали переход поморских крестьян в Сибирь. В-третьих, поморские крестьяне были достаточно зажиточными, поэтому могли себе позволить оплатить расходы по переезду в Сибирь или организацию экспедиции за мягкой рухлядью.

Правда, следует заметить, что в указанный период упоминаемые поморские представители торговых и промышленных людей, скорее всего, постоянно не проживали на территории

³¹⁷ АИ... Т. II, № 30. С. 27.

³¹⁸ Павлов П. Н. Промысловая колонизация... С. 206–207.

³¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 96–97.

Сибири. На ее бескрайние просторы они отправлялись на определенное время, при этом их семьи и хозяйство находились на территории Европейской России. Следовательно, совершались сезонные миграции населения как из Поморья в Сибирь, так и в обратном направлении. В этом проявилось неустойчивое равновесие социальной структуры, которое являлось неотъемлемой чертой общества фронта.

Помимо поморов, со времени похода Ермака в освоении Сибири видную роль играли представители Поволжья. Согласно сибирским летописям, именно оттуда пришел Ермак со своими людьми. В состав основавшего Тюмень отряда входили и соратники Ермака, возвратившиеся в Сибирь в качестве «государевых служилых людей»³²⁰. По справедливому утверждению Н.И. Никитина, среди выходцев из районов России, за исключением поморов, больше всего в Сибири было представителей Поволжья, жители же прочих областей в XVII в. за Урал попадали редко и почти исключительно в качестве ссыльных³²¹.

В первых острогах среди служилых людей можно встретить представителей терского и донского казачества. Так, в наказе сургутским воеводам от 1598 г. упомянуты атаман Т. Иванов и «его прибору» казаки «терские», «вольские» и «донские», которым было обещано в скором времени «перемену» и жалование «за их службу и терпение»³²². Донские казаки также встречаются в окладной книге Тары 1625/26 г., в которой указывается: «Казаки пешие ж, которые переведены з Березова, донские, четыре человека...»³²³.

³²⁰ Сибирские летописи, изданные Императорской Археографической комиссией / под ред. В.В. Майкова, Л.Н. Майкова. СПб.: Типография Императорской Археографической комиссии, 1907. С. 292.

³²¹ Никитин Н. И. Русские землепроходцы в Сибири. М.: Знание, 1988. С. 16.

³²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 4 об.

³²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 458. Л. 117.

В пополнении первых гарнизонов Сибири заметную роль сыграли ссыльные выходцы из-за рубежа: «литва», «черкасы» и «немцы». Их число значительно увеличилось после Смутного времени. В начале XVII в. они входили в состав служилого населения каждого сибирского города, ибо упоминаются в актовом материале конца XVI – начала XVII вв.³²⁴.

Таким образом, структурообразующими элементами нового субэтноса оказались выходцы из разных районов Российского государства, Речи Посполитой и, безусловно, автохтонное население. Территория Сибири с самого начала ее освоения представляла собой огромную контактную зону – своеобразный плавильный котел, где происходило взаимодействие разных субэтносов Российского государства, что, в свою очередь, создавало идеальные условия для действия внутрицивилизационного фронта.

В условиях формирования нового субэтноса особенностью половозрастной структуры сибирского общества являлось преобладание мужского населения средних лет. Хотя статистических данных по изучаемому периоду не сохранилось, но такой вывод можно сделать, основываясь на факте активной роли в процессе освоения Сибири служилых и промышленных людей. Их занятия требовали физической крепости и сил, а также отсутствия привязанности к одному месту жительства. Примером может служить судьба Пиная Степанова. Вместе с отрядом С. Болховского он прибыл в столицу Сибирского ханства Кашлык. Вскоре большая часть отряда умерла от голода, но П. Степанов выжил и возвратился на Русь. Затем в должности казачьего атамана он был снова послан в Сибирь, строил первые сибирские города – Тюмень, Тобольск и Верхотурье. Прослужил он в Сибири до 1607 г., после чего по-

³²⁴ СГГД... Т. II, № 83. С. 188; Верхотурские грамоты... С. 15–16, 19, 30, 229.

просился в Москву, чтобы сделать вклад в Кремлевский Чудов монастырь³²⁵.

В Сибири 90-х гг. XVI – первой четверти XVII вв. не хватало женщин. Острота женского вопроса и наличие большого количество холостых и одиноких мужчин значительно тормозили хозяйственное освоение края. Специфика многих сельскохозяйственных и бытовых работ предполагала наличие женского труда. Создание семей способствовало оседанию выходцев из центра Российского государства на сибирской земле. Малочисленность русского населения в первые десятилетия освоения Сибири объясняется небольшим количеством семей, в которых осуществлялась репродуктивная функция. Нередко семьи служилых и промышленных людей оставались в Европейской России, пока мужа и отцы находились в Сибири.

Следует учитывать тот факт, что русских женщин не могли привлечь нестабильность, быстроменяющаяся ситуация и военная опасность, присущие обществу сибирского внутреннего фронта. Только к концу XVII в., когда фактор внутреннего фронта стал ослабевать на большей части территорий Сибири, а сам фронт переходить во внутрицивилизационную стадию, количество женского населения стало медленно, но неуклонно расти.

Недостаток женского населения в Сибири восполнялся главным образом присылкой из России жен и семей людей, поверстанных в крестьянское тягло, а также путем женитьбы русских мужчин на «ссыльных гулящих женках и на местных туземных женщинах»³²⁶. В условиях внутреннего фронта данными мерами закладывался фундамент для ассимиляции

³²⁵ АИ... Т. II, №1. С. 5; Верхотурские грамоты... С. 80, 203–204; Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 21.

³²⁶ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке: земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965. С. 84.

коренного и пришлого населения Сибири, на основе которого на стадии внутрицивилизационного фронта складывалась новая специфическая субэтническая общность.

Для понимания специфики внутреннего фронта необходимо рассмотреть сословный состав сибирского общества. В Сибири 90-х гг. XVI – первой четверти XVII вв. не было столь жестко очерченных сословных границ, как в центре страны. За свою жизнь в Сибири человек мог побывать и промышленным человеком, и торговцем, и крестьянином.

Сословная структура сибирского общества определила многообразие хозяйственных занятий русского и автохтонного населения. В зависимости от характера занятий жители Сибири несли различные повинности в пользу государства. Ясачные люди платили ясак, а крестьяне, ремесленники, промышленные и торговые люди – разного рода налоги и пошлины. Служилые люди обеспечивали защиту и порядок на сибирских территориях.

Верховным собственником всех земель в Сибири являлось государство. В силу удаленности от Москвы, малочисленности русских, невозможности учета и контроля над их хозяйственной деятельностью на начальном этапе освоения Сибири государство формально относилось к отводу земельных угодий и сквозь пальцы смотрело на их вольный захват колонистами, узаконивало «росчисти от леса». В сибиреведческой литературе неоднократно отмечался сложный порядок землепользования в сибирской деревне в XVII в., когда земледельцы владели угодьями на основе захвата или отводных памятей, выдававшихся воеводам или целым сельским мирам, отдельным группам или персонально, причем людям разного социального положения (крестьянам, служилым или посадским людям). Сплошь и рядом такие памяти воеводские канцелярии выдавали *post factum*, оформляя совершенный захват или так называемый «прииск» свободных земель. Эти угодья

могли находиться в общем «чертеже» селений или составлять отдельные заимки. В результате даже по официальным, вероятно, неполным данным, во владении жителей многих деревень находились огромные земельные площади, превышавшие указанные нормы³²⁷. Более того, первым земледельцам, которые в своих интересах захватывали и осваивали новые земли, очень часто предоставлялись льготы. Во многом это определило особенности формирования сибирской общины, у которой изначально не было функции передела земель и угодий между ее членами.

В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. служилые люди, наряду с промышленными людьми и крестьянами, являлись ведущим сословием сибирского внутреннего фронта.

Представители служилой верхушки – воеводы и письменные головы – занимали наиболее привилегированное положение в сибирском обществе. Нередко на сибирское воеводство отправляли представителей княжеской знати. Например, князь Ф.М. Лобанов-Ростовский был назначен в Тобольск с 1590 г.³²⁸, князь Яков Борятинский – в Сургут с 1601 г.³²⁹, князь И.В. Мосальский-Кольцов – в Тару с 1601 г.³³⁰. Из 187 сибирских воевод и основателей первых острогов в конце XVI – первой четверти XVII вв. княжеский титул носило 44, что примерно составляло 1/4 часть от общего числа (Приложение 14).

Другим источником пополнения состава сибирских воевод были политические ссыльные, которые в силу быстрой смены политической конъюнктуры оказывались неугодными московским правителям. Например, ряд представителей рода Пушкиных оказались в начале XVII в. на сибирских воеводствах

³²⁷ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 182–184.

³²⁸ Книга записная / под ред. З.Я. Бояриновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С. 4.

³²⁹ Там же. С. 8.

³³⁰ Там же.

вследствие гонений Бориса Годунова на Романовых и их сторонников³³¹. В свою очередь, в 1605 г., после падения династии Годуновых четыре представителя этой фамилии заняли воеводские места в Верхотурье, Тюмени, Туринске и Пелыме³³².

Все же представители высшей сословной аристократии не составляли основу контингента сибирских воевод. Бояре и окольничие назначались обычно в разрядные центры, большая же часть воевод состояла из стольников и дворян более низких сословных разрядов (Приложение 13), для которых служба в качестве городского воеводы была и обычной, и желанной³³³ (Приложение 14).

Наравне с воеводой, согласно тексту первых грамот, отправляемых в Сибирь, важную роль играл письменный голова. Например, в наказе от 1595 г. о назначении князя Ф. Елецкого в Тару говорится: «велели воеводе князю Федору Борисовичу Елецкому да голове Василью Михайловичу Хлопову быти на своей государеве службе в Сибире в новом городе на Таре»³³⁴. Письменные головы, наряду с воеводами, имели право на принятие решений по всем текущим делам³³⁵. Сами письменные

³³¹ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998. С. 21.

³³² Книга записная... С. 1–12.

³³³ Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 22.

³³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 3.

³³⁵ Книга записная... С. 5; Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 19. Правда, существует точка зрения Н.Н. Оглоблина, считавшего их секретарями у воевод (Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1900. Ч.3. С. 212). Я. Г. Солодкин считал их заместителями воевод самыми старшими из сотенных, стрелецких, казачьих и др. (Солодкин Я.Г. О становлении воеводской системы управления Сибири // Тезисы докладов и сообщений IV Региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города Нижневартовска. Нижневартовск: Книжное изд-во, 2001. С.67–71).

головы назначались из среды служилых московских дворян, поэтому часто в сибирских городах можно было наблюдать местнические споры между воеводой и письменным головой³³⁶. Подобная ситуация была характерна для сибирского внутреннего фронта, так как в нем происходило формирование нового сообщества, предполагавшее размытие социальных связей и социальной иерархии, сложившихся в центральной части Российского государства, и создание новой. В большинстве случаев пребывание воевод и письменных голов в Сибири ограничивалось годами службы, которые определялись московским правительством. Практика повторного назначения на данные должности в указанный период встречается достаточно редко.

Помимо воевод и письменных голов, в сибирскую администрацию входили дьяки, подьячие, дворяне и дети боярские.

Дьяки и подьячие занимались ведением текущего делопроизводства. В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. структура сибирской администрации только начинала формироваться, поэтому специально обученные дьяки и подьячие редко встречались в составе воеводского двора. В основном дьяков и подьячих выбирали из служилых людей, знавших грамоту. Например, тюменскому воеводе Г. Долгорукому предписывалось выбрать из «конных казаков казака Безсонка Иванова» в подьячие и велеть «ему быть у наших дел писать»³³⁷. В условиях внутреннего фронта среди служилых людей отсутствовало четкое разделение по профессиональным специфическим занятиям. Выполнение широкого спектра административно-хозяйственных функций, способность приспосабливаться к быстроменяющейся ситуации являлись неотъемлемыми чертами человека фронта.

³³⁶ Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нижневарт. гос. пед. ин-т. Нижневартовск, 2002. С. 43.

³³⁷ РИБ... Т. II, № 42, стлб. 51.

Дети боярские, так же как и дьяки, и подьячие, были в местной администрации мелкими служилыми людьми, помогавшими воеводе выполнять текущие дела. По социальному происхождению дети боярские обычно являлись служилыми людьми московского списка. О занятиях детей боярских говорится в государевой грамоте пелымскому воеводе Б. Полеву от 1595 г.: «...служат ини на Пелыме всякие наши службы, конные и пешие, и на караулах в городе и в остроге, и на всякие их посылки посылают, и около города остроги и башни ставили, и ров около острогу выкопали, и наших служилых людей провозжают, и за пашенными за всякими, людми в приставстве ходят, и жнут, и за нашими запасы посылают»³³⁸. Дети боярские имели более широкий набор функциональных обязанностей по сравнению с дьяками и подьячими, поэтому по характеру своей деятельности они еще в большей мере выражали сущность человека фронта. Следует отметить, что в Сибирь они попадали по назначению преимущественно из северных русских городов и, в отличие от воевод и письменных голов, несли там службу в течение всей жизни.

В истории колонизации Сибири представители местной администрации играли важную роль, так как они являлись последним звеном в принятии решений по широкому кругу текущих вопросов. Они выступали координаторами политики Российского государства в Сибири, приспособляли московские решения к конкретным сибирским условиям. Во многом они способствовали созданию основ формирующегося сообщества и переходу внутреннего фронта во внутрицивилизационный.

Воеводы, дьяки, подьячие, дети боярские составляли элиту служилого сословия, основная же тяжесть освоения земель за Уралом ложилась на плечи рядовых стрельцов и казаков, несущих «государеву службу» в первых сибирских острогах.

³³⁸ РИБ... Т. II. № 57, стлб. 121.

Сословие служилых сибирских людей складывается в основном за счет переведенных в Сибирь «на вечное житье» отрядов правительственных войск из ближайших (прежде всего северных) городов Российского государства, в том числе специально сформированных в этих городах на добровольных началах для службы за Уралом³³⁹.

Сложным является вопрос о количестве служилых людей в Сибири в 90-е гг. XVI – начале XVII вв. Представляется возможным подсчитать приблизительное количество служилых людей, так как их гарнизоны располагались только в городах³⁴⁰ (Приложение 6). Более или менее единую и достоверную цифру, определяющую их количество в Западной Сибири, можно получить на основании разрядных книг. Согласно их сведениям, в 1625–1626 гг. служилых людей в Западной Сибири было 3053 человека (Приложение 7), что составляло примерно 42,7 % от всего жившего за Уралом русского населения и 6 % от общей численности населения³⁴¹ (Приложение 8).

В изучаемый период прослеживается тенденция к медленному увеличению служилого населения в городах, недавно находившихся в восточной и юго-восточной зоне расширения внешнего фронта, и сохранению неизменной численности людей в северных городах. Это можно объяснить тремя причинами. Первая причина заключалась в существовании постоянной военной угрозы сибирским острогам со стороны коче-

³³⁹ Никитин Н. И. Служилые люди... С. 26.

³⁴⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. II. Д. 11. Л. 1 об. ; АИ / под ред. М. Коркунова. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. III (1613–1645), № 5. С. 5; Верхотурские грамоты... С. 202; История Сибири... Т. 2. С. 35; Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. №1. С. 173; № 42. С. 215; № 48. С. 222; № 72. С. 240; № 107. С. 265; № 113. С. 269; Сибирские летописи... С. 349.

³⁴¹ Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII века. Казань: Типография императорского университета, 1892. С. 63–72.

вых племен, а следовательно, в них необходимо было оставлять боеспособный гарнизон. Вторая причина – зарождение и развитие сибирского земледелия. Приходившие в Сибирь крестьяне селились ближе к острогам, располагавшимся на юго-востоке, где были более благоприятные климатические условия, а служилые люди должны были их защищать. Третья причина – уменьшение количества соболя в северных уездах Западной Сибири, приведшее к остановке роста численности населения в ее северных городах.

В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. сложились основные группы военно-служилого населения Сибири. В документах этого времени постоянно называются казахи атаманы и казаки, стрельцы и пушкар, часто говорится о литве и черкесах, новокрещенах и служилых татарах³⁴² (Приложение № 7).

Об иерархии военно-служилого населения можно составить представление, основываясь на данных окладных книг. Первыми в них всегда записаны дети боярские. Вслед за ними, а часто попеременно с ними, идут всякого рода «приказные» или «начальные» люди: головы, ротмистры, сотники и атаманы. После детей боярских всегда следуют служилые люди «литовского списка». За «литвой» помещались списки новокрещенов и конных казаков, занимавших относительно друг друга менее устойчивое положение (в ранних окладных книгах Тобольска впереди записаны новокрещены). Аналогично располагались в списках пешие казаки и стрельцы, следующие за конными казаками: в ранних книгах того же Тобольска сначала размещались пешие казаки. За всеми этими категориями обычно следуют пушкар. Заключают окладные книги жалованья списки юртовских служилых татар³⁴³.

Важную роль на территории внутреннего сибирского фронта играли представители коренного населения, которых

³⁴² Никитин Н.И. Служилые люди... С. 31.

³⁴³ Там же. С. 50–51.

включали в состав сибирских служилых людей. Начало этому процессу было положено в 90-е гг. XVI в., а с начала XVII в. новокрещены (представители местного населения на службе русского государства, принявшие христианство) начинают все чаще упоминаться среди различных категорий служилых людей³⁴⁴. «Новокрещены» получали денежное и хлебное жалованье и освобождались от выплаты ясака. Так, согласно сведениям окладных книг 1625–1628 гг., в городах Западной Сибири в числе служилых людей было 59 «новокрещенов», которые составляли 1,9 % от их общего числа. Также в состав служилых людей включались юртовские служилые татары в числе 601 человека, составлявшие 19,6 % от общего числа. Таким образом, представители местного населения составляли 1/5 часть от общих военных сил Российского государства в Сибири (Приложение 7).

Основным занятием сибирских служилых людей было несение военной службы в первых острогах. Во время ее на служилого человека налагались определенные обязанности³⁴⁵. Сама военная служба в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. была пожизненной. Очень часто служилый человек умирал в какой-нибудь «длительной посылке», не добравшись до своего дома³⁴⁶, или его отпускали в Европейскую Россию для постригу в монастырь³⁴⁷.

Кроме военных обязанностей, в начале освоения Сибири служилые люди занимались сбором ясака, ведением таможен-

³⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 295. Л. 402–402 об.; АИ...Т. III, № 46. С. 41; СГГД... Т. II, № 83. С. 188.

³⁴⁵ РИБ...Т. II. № 53, стлб. 99.

³⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 131. Л. 139 об., 143 об., 152 об., 153 об.; Оп. 1. Кн. 141. Л. 173 об.

³⁴⁷ Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 3.

ного дела, посольской службой, ходили за солью, занимались полицейскими функциями, строили первые сибирские остроги, отправлялись в дальние экспедиции, выступали в роли гонцов. Это многообразие должностных обязанностей служилых людей в первой трети XVI – первой четверти XVII вв. являлось следствием нехватки русских людей на начальном этапе колонизации Сибири в условиях внутреннего фронта. При этом пришлого населения было значительно меньше, чем местных жителей. И именно пришлое население в контактных зонах выполняло основное созидательное действие по созданию особого типа отношений, служивших каркасом для сибирского сообщества.

Главным источником доходов служилых людей являлся оклад, который им выплачивало государство. Оклад включал в себя денежное, хлебное и соляное жалованье³⁴⁸. Размеры жалованья зависели от статусного положения служилых людей и от характера выполняемых служб³⁴⁹.

Следует учитывать, что, с одной стороны, территории Западной Сибири находились в зоне внутреннего фронта, на которой в силу отдаленности от центра еще не сложилась инфраструктура и не до конца оформилась система взаимодействия между центром и периферией, а с другой – в самом Российском государстве отсутствовала стабильность, поэтому очень часто жалованье сибирским служилым людям доставлялось с большим опозданием. Служилые люди, чтобы в тяжелые годы прокормить себя, помимо выполнения предписанных функций, занимались хозяйственной деятельностью.

Главным хозяйственным занятием для большинства служилых людей было земледелие, что совпадало с интересами московского правительства. Оно уже с конца XVI в. стремилось «служилых людей в пашню вваживать, чтоб себе паш-

³⁴⁸ РИБ... Т. II, № 42, стлб. 51.

³⁴⁹ Там же. № 78, стлб. 171.

ню пахали и вперед бы с Руси хлебных запасов посылати меньше»³⁵⁰.

Об активных занятиях сельским хозяйством служилых людей может говорить тот факт, что в наиболее развитом Верхотурско-Тобольском земледельческом районе в конце первой трети XVII в. 26,1 % представителей служилого населения имели пашню³⁵¹ (Приложение 5). Но не во всех острогах климатические условия позволяли заниматься сельским хозяйством, и большая часть служилых людей зависела от государственных поставок хлеба.

Помимо земледелия, среди сибирских служилых людей широкое распространение получили ремесло, торговля и промыслы.

В целом, в условиях внутреннего фронта служилые люди играли активную роль в освоении Западной Сибири. В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. они являлись самой большой по численности сословной группой русского населения в Западной Сибири. Множество занятий служилых людей предопределило сложность их социальной сущности, когда сословная принадлежность не совпадала с хозяйственной деятельностью. Это свидетельствовало о размытости социальной структуры и о наличии внутреннего фронта в первой четверти XVII в. в Западной Сибири.

Следующей крупной сословной группой были сибирские промышленные люди. Охотники за собором составляли основную массу промышленных людей. По определению П.Н. Павлова, промышленным человеком был всякий русский, не находившийся на государственной службе и не приписанный в Сибири в качестве тяглового человека к определенному месту, непосредственно участвовавший в промысле в качестве его

³⁵⁰ Крестьянство Сибири... С. 46.

³⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 28. Л. 5–48.

организатора, рядового охотника или совмещавший личный промысел с эксплуатацией покрученников³⁵².

В первой четверти XVII в. в термин «промышленный человек» начинают вкладывать юридический смысл, который сводился к фиксации состояния свободы от тягла на территории Сибири и обязанностям данного лица платить промысловый налог и разного рода таможенные пошлины, установленные государством³⁵³.

При выделении групп среди промышленников целесообразно пользоваться экономическими критериями дифференциации. В Западной Сибири в соболином промысле в изучаемый период преобладали «своеуженники». Своеуженники – это рядовые охотники-промышленники, которые ходили на промысел за свой счет³⁵⁴. Помимо своеуженников, в пушном промысле в это время начала появляться такая социальная группа, как «мелкие хозяйчики». Этим термином обозначались своеуженники, имевшие по 2–3 покрученника и добывавшие личной охотой только треть или менее половины пушнины. Покрученниками назывались промышленники, снаряженные за чужой счет, обязанные в конце промысла рассчитаться за ужины и отдать долю прибыли организатору промысла³⁵⁵. Большие партии покрученников в Западной Сибири не получили распространения. Это свидетельствует о наличии перехода от внешнего фронта к внутреннему, так как прослеживается преобладание отдельных промышленников, занимающихся индивидуальным стихийным промыслом. С начала же 30-х гг. XVII в. большую часть соболя добывали покрученники, находившиеся в зависимости от организатора промысла, что говорит об оформлении устойчивой системы социальных отно-

³⁵² Павлов П.Н. Промысловая колонизация... С. 60.

³⁵³ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 66.

³⁵⁴ Павлов П.Н. Промысловая колонизация... С. 108.

³⁵⁵ Там же. С. 108, 173.

шений, а следовательно, о действии внутрицивилизационного фронта³⁵⁶.

Сибирь представляла основной интерес для России благодаря пушным богатствам, поэтому роль промышленных людей не соответствовала их численности. Их было меньше, чем служилых людей (по подсчетам П.Н. Павлова), в 1629 г. их было примерно 1800 человек в Западной Сибири, Мангазейском и Енисейском уездах³⁵⁷, а вместе с ямщиками – 2090, они составляли 29,3 % от общей численности русского населения и 4,1 % от общей численности сибирского населения (Приложение 8). Однако они оказали заметное влияние на формирование внутреннего фронта, а стоимость их продукции, по подсчетам П.Н. Павлова, более чем в 2 раза превышала результаты труда сибирских крестьян и ремесленников³⁵⁸. Особенностью данной категории сибирских людей являлась высокая территориальная, горизонтальная и вертикальная социальная мобильность. Поэтому, в отличие от служилых людей, в это время промышленные люди не оформились в сословную

³⁵⁶ В советской историографии существовала дискуссия о социальной сущности промышленных людей. С.В. Бахрушин и П.Н. Павлов считали их своеобразными наемными рабочими и рассматривали этот факт как проявление капиталистических отношений. М.М. Громыко, Г.Ф. Быконя и Ю.В. Журов считали, что промышленные люди объединялись на основе простой кооперации, присущей мелкотоварному укладу в рамках феодальных отношений (Павлов П.Н. Промысловая колонизация... С. 181; Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 1. С. 198–199, 201, 205, 207; Быконя Г.Ф., Журов Ю.В. Творческий путь сибирского историка (П.Н. Павлов 1921–1974) // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX – XX вв.): сб. ст. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1976, вып. 1. С. 153–161; Громыко М.М. П.Н. Павлов. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. 410 С. // Известия сибирского отделения АН СССР: сб. ст. Сер. общественных наук. Новосибирск: Наука, 1974. № 1. Вып. 1. С. 125–127).

³⁵⁷ Павлов П. Н. Пушной промысел... С.305.

³⁵⁸ Там же. С.101.

группу, которой были бы присущи определенные права и обязанности.

Особую категорию сибирского населения составляло крестьянство, которое складывалось как отдельное сословие в условиях сибирского внутреннего фронта. В Сибири в первой четверти XVII в. крестьян проживало меньше, нежели служилых и промышленных людей (приблизительно 1234 человека, или 17,3 % от общего числа русского населения и 2,4 % от общего числа жителей Сибири (Приложение 8)). Это определялось тем, что в силу хозяйственной привлекательности пушного промысла, суровых природных условий и нестабильной военно-политической ситуации в Западной Сибири мало кто из крестьян европейских уездов Российского государства хотел заниматься рискованным земледелием на территории за Уралом. Поэтому ведущую роль в создании сибирского земледелия вынуждено было взять на себя государство, объявившее себя верховным собственником новых земель, при этом старавшееся различными способами заселить их крестьянами. Существовало три основных способа заселения новых территорий, которые сводились к переселению «на вечное житье» в «новую государеву вотчину» крестьян из Европейской России (прежде всего Поморья, затем среднего Поволжья) «по указу» и «по прибору», использованию на сибирской государственной пашне ссыльных людей, а также устройству на пашне лиц, прибывших в Сибирь по собственной инициативе³⁵⁹.

К тому же следует добавить, что государство обязало часть коренных жителей Сибири отрабатывать ясак в виде «устрой-

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. II. Д. 18. Л. 1; Оп. 2. Портф. 541. Д. 1. Л. 2; Бутчинский П.Н. Заселение Сибири... С. 219; Крестьянство Сибири... С. 100–101; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 211. С. 359; № 223. С. 370; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия... С. 12–13.

ства государевой пашни», поэтому они тоже входили в число первых крестьян за Уралом³⁶⁰.

Разные способы заселения земледельческим населением сибирских просторов предопределили то, что в условиях внутреннего фронта в процессе организации земледелия происходило тесное взаимодействие между крестьянами, пришедшими за Урал из разных частей Российского государства, и представителями местного населения. Тем самым расширялась контактная зона и ослабевала ситуация внутреннего фронта, переходившего во внутрицивилизационную стадию.

В советской историографии в 1950–1980-е гг. развернулась дискуссия о характере зависимости сибирских крестьян от государства между сторонниками государственного феодализма и учеными, настаивавшими на господстве крепостнических отношений в Сибири. В конце 70–80-х гг. XX в. появилась концепция многоукладности социальных отношений в Сибири, которую в настоящее время приняла большая часть историков³⁶¹. Концепция многоукладности подтверждает основные положения теории сибирского фронта. Так, наличие среди крестьян практики сдачи тягла и территориальных перемещений, утаенные пашни, отсутствие у общины функции переделов земельных угодий доказывают, что в Западной Сибири в указанный период существовал переход от внешнего к внутреннему фронту. Проявление тенденций к ограничению крестьянского землепользования и ужесточение контроля за несением ими разного рода повинностей в середине – конце XVII в. иллюстрируют наступление стадии внутрицивилизационного фронта. Таким образом, к середине XVII в. во многих местах Сибири действовал фактор внешнего, внутреннего

³⁶⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. I. Д. 15. Л. 1.

³⁶¹ Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. (Материалы к спецкурсу и спецматериалы). Красноярск: Изд-во КГПИ, 1979. С. 54–68.

и внутрицивилизационного фронта одновременно. Данная разнотипность и аморфность, присущие хозяйственной деятельности и социальной структуре, способствовали формированию многоукладности на территории Сибири в XVII в.

В начале же XVII в. большинство крестьян в Сибири были черносошными. За пользование земель, которую предоставляло государство, они отработывали в его пользу ренту, выражавшуюся в форме обработки государевой десятинной пашни. До 1620-х гг. объем работ крестьян на десятинной пашне не был точно определен, а единицей обложения являлся крестьянский двор. Воеводы за Уралом получали разрешение от царской администрации действовать «смотря по тамошнему делу», что свидетельствует о пребывании сибирского общества в условиях внутреннего фронта. Точка начала перехода от внутреннего к внутрицивилизационному фронтиру – реформа Ю.Я. Сулешова (1624–1625), когда были четко установлены формы и объем повинностей, которые зависели либо от количества используемой земли и угодий (рыбные ямы и плесы), либо от занятий торгово-ремесленной деятельностью или промыслами³⁶². Тем не менее государственные повинности, которые налагались на крестьян Западной Сибири, были гораздо легче, чем в Европейской России³⁶³.

В Сибири у всех категорий крестьян с самого начала ее освоения существовало ограничение на свободу передвижения. Правительство поощряло въезд в Сибирь, но препятствовало выезду из нее. В грамоте от 1609 г. царь повелел пермскому воеводе Ф.П. Окинфову в Перми на посадке и во всем Пермском уезде: «...заказ учинити крепкой: кто поедет или пешь пойдет из Сибирских городов, служивой или пашенной, какой человек нибуди, мимо Перми или в уезде, на торжках, в селех и в деревнях объявится, а от сибирских воевод проезжих

³⁶² Крестьянство Сибири... С. 113–114.

³⁶³ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 215–216.

грамот и подорожных, или памятей за нашими или воеводскими печатями у них не будет; и вы б тех людей велели, имая, приводити к себе ж, и расспрашивали их накрепко, а распрося велели сажати в тюрьму до нашего указу»³⁶⁴.

С самого начала земледельческой колонизации Сибири особую роль в ней играли монастыри, поэтому, помимо черносошных крестьян, на территориях за Уралом были и монастырские крестьяне. Так, общее число зависимого населения Тобольского архиерейского дома в 1624–1635 гг. составляло 138 человек³⁶⁵.

В Сибири поздно сформировалось монастырское землевладение в условиях сдерживающей правительственной политики. Крестьяне черносошной деревни, переселявшиеся в Сибирь, гулящие люди, местное население после Уложения 1649 г., оформившего систему крепостного права на частновладельческих и церковных землях, стали менее охотно оседать в вотчинах сибирских монастырей, отдавая предпочтение государственным слободам и селам. Это обстоятельство вынуждало монастыри смягчать феодально-крепостнический режим в целях привлечения населения³⁶⁶. Это свидетельствует о ситуации внутреннего фронта в последней трети XVI – первой четверти XVII в., существовавшей на территории Западной Сибири.

В Сибири формировалась достаточно сложная структура зависимого монастырского населения. К концу первой четверти XVII в. в неё входили крестьяне-старожила, бобыли, половники, детеныши, работники, трудники, срочные наемные работники, вкладчики. Такая ситуация возникла вследствие

³⁶⁴ АИ...Т. III, № 179. С. 267.

³⁶⁵ Крестьянство Сибири... С. 119.

³⁶⁶ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1983. С. 137.

того, что монастыри устраивали пришельцев на свои земли на основе договора, содержавшего особые условия для каждого отдельного случая. Прикрепление крестьянина к земле осуществлялось крестьянской «жилой записью» или внесении его в переписную книгу монастыря³⁶⁷. В первой четверти XVII в. владельческие повинности монастырских крестьян Сибири выражались в основном в двух формах феодальной ренты: барщине и натуральном оброке.

В среде пестрого зависимого населения монастырских вотчин, наряду с русскими крестьянами, работали и представители коренного населения. К сожалению, по изучаемому периоду сохранилось очень мало актов материального, и документального подтверждения работы аборигенов в монастырском хозяйстве автор не встречал. Но такой вывод позволяют сделать акты более позднего времени. Так, в работе Л.П. Шорохова встречаются сведения, что в 1684 г., несмотря на все запреты правительства среди работников Тобольского архиерейского дома числился «вогулич Климка Захаров», который после крещения в 1662 г. стал жить в Софийском доме. В 1679 г. в Кузнецком Рождественском монастыре жило три работника-новокрещена: «Петрушка, Яшка Артемьев, Ивашка Иванов»³⁶⁸. Следовательно, «сибирские инородцы» в вотчинах монастырей занимались теми же видами хозяйственной деятельности, что и русские крестьяне в условиях внутреннего фронта.

В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. сибирские крестьяне составляли самую стабильную и динамично развивающуюся сословную группу жителей сибирского внутреннего фронта. Несмотря на подчинение разным собственникам, они в основной массе имели приблизительно равные права и обязанности. Их большая часть несла оди-

³⁶⁷ ГАТот. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 86; Оп. 1. Д. 9. Л. 72–73; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 89.

³⁶⁸ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 88.

наковые повинности в пользу главного собственника всей земли – государства, чьи усилия во многом способствовали развитию сибирского земледелия. В изучаемый период крестьянство, создавая отдельные очаги земледелия и являясь в силу своих занятий оседлой группой населения, вносило элемент стабильности в формирующееся сибирское общество и способствовало ускорению прохождения стадии внутреннего фронта.

Следующими сословными группами, участвовавшими в колонизации Сибири, были ремесленники и торговые люди. Они селились в первых сибирских острогах, которые впоследствии переросли в города.

Интересен сам процесс зарождения ремесла в Сибири в первой четверти XVII в. Сибирское ремесло начиналось не со второго общественного разделения труда, а с деятельности пришлых из-за Урала ремесленников. В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. государство прилагало определенные усилия, чтобы заселить сибирские города ремесленниками. Основным путем, как и в земледельческой колонизации, являлся перевод по государеву указу. Согласно сведениям П.Н. Буцинского, в 1600 г. в Верхотурье из разных поморских городов было переведено 80 плотников³⁶⁹. Впоследствии в большинстве случаев посадское ремесленное население заселяло Сибирь исключительно по своей инициативе. Они-то и передавали служилым людям, крестьянам и представителям коренного населения Сибири навыки изготовления ремесленных изделий. Следует отметить, что в первой четверти XVII в. население сибирского посада сконцентрировалось в трех городах – Тобольске, Верхотурье и Тюмени. Так, согласно дозорной книге 1624 г., в Тюмени мы находим «дворов посадских 66, людей в них 80, да 77 посадских людей, которые дворов

³⁶⁹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 22.

своих ни в городе, ни в остроге не имели и жили по подворьям в Ямской слободе»³⁷⁰.

В отличие от земледельцев, государство не предоставляло ремесленникам каких-либо значимых льгот при переселении в Сибирь. В сохранившихся документах упоминаются налагаемые на ремесленников обязанности. Так, верхотурские посадские люди закупали хлеб в царские житницы, оценивали ясачную казну вместе с торговыми людьми, служили в таможенных и заставных головах и т.д.³⁷¹. Помимо данных обязанностей, они платили разного рода платежи в пользу государства³⁷².

Отличительной чертой первых сибирских посадских была их тесная связь с земледелием, помимо основного промысла, многие из них содержали пашню. Это свидетельствует об отсутствии четкого разделения труда между первыми русскими людьми в Сибири, а как следствие, размытость социальной структуры, когда хозяйственные занятия не совпадали с социальной сущностью посадских людей. Следовательно, это показывает процессы внутреннего фронта, который характеризовался отсутствием сложившейся сословной структуры. В первой четверти XVII в. посадское население еще не оформилось в обособленное и многочисленное сословие. Об этом говорит тот факт, что посадских людей в последние годы первой четверти XVII в. было только 622 человека, или 8,7 % от русского населения и 1,2 % от общей численности сибирских жителей (Приложение 8).

В изучаемый период еще одной социальной группой в Сибири являлись торговые люди. В XVII в. термин «торговый человек» не имел сословного значения, но приближался к нему. В документах изучаемого периода он упоминается в двух

³⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 34–46.

³⁷¹ Там же. Л. 185.

³⁷² Буцинский П. Н. Заселение Сибири... С. 67.

значениях. В первом значении – это человек, занимающийся исключительно торговлей. Во втором – это промышленник, продававший свой товар после промысла. Далее целесообразно данный термин употреблять исключительно в первом значении. Этот факт еще раз подтверждает тезис о трудности определения четкой социальной сущности первых поселенцев Сибири, являвшейся неотъемлемой характеристикой внутреннего фронта.

Одно из первых упоминаний относительно появления на постоянном жительстве русских торговых людей в Сибири относится к 1598–1599 гг. В это время в городе Верхотурье оказались «вятчане Илейка Терентьев да Васка Лошкин», которым по государеву указу предписывалось «быти на Верхотурье в жилецких и торговых людях». Но переселенцам не предоставили жилья, и они написали царю о том, что «у них деи на Верхотурье дворов и сена для животины нет». Вятчане в своей челобитной просили «их пожаловати, велети им ехати на Верхотурье без жен и без детей, покамест они на Верхотурье дворы себе поставят»³⁷³. Просьба вятчан была удовлетворена³⁷⁴. Исходя из этого, можно заключить, что торговых людей в первое время на постоянное поселение в Сибирь «прибирали по указу». Правда, сведения о подобных случаях фактически не встречаются в документах первой четверти XVII в.

В указанный период наблюдается множество сходных черт в положении торгового и ремесленного населения. Они являлись жителями посада, имели определенную специализацию в продаже товаров, фактически не имели каких-либо льгот при переселении в Сибирь, основными их конкурентами являлись служилые люди. Данное утверждение подтверждает тот факт,

³⁷³ АИ... Т. II, № 28. С. 26.

³⁷⁴ Там же. № 29. С. 27.

что в дозорной книге Туринска в одной категории без разделения упоминаются 7 посадских и торговых людей³⁷⁵.

В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. местных торговых людей, осевших в Сибири, было немного. В более поздних документах указывается, что в 1645 г. на Верхотурье проживало только 2 купца³⁷⁶. Исходя из вышеприведенных фактов, можно сделать вывод, что в Сибири в это время незначительная часть оседлого русского населения занималась исключительно торговлей. Большую часть торговцев составляли приезжие люди из Европейской России или служилые люди, которые, помимо своего основного занятия, осуществляли торговые операции.

Специфической группой сибирского населения были «гулящие люди». По терминологии XVII в. под гулящим человеком подразумевался юридически свободный, дееспособный, незакрепощенный, обычно холостой, бездворный и лишенный собственных средств производства человек, оставшийся вне крестьянских, посадских, служилых общин и государева тягла³⁷⁷.

Средства для существования гулящие люди зарабатывали, в основном нанимаясь на какие-либо работы в Сибири. В частности, есть случаи, когда гулящие люди работали в угодьях представителей местной родоплеменной знати. Они облагались со стороны государства налогами и податями. Размеры сборов с гулящих людей были невелики. Основным сбором был годовой оброк, его взимали с гулящих независимо от занятости их на какой-либо работе. Годовой оброк составлял четверть рубля, помимо него, в начале XVII в. гулящие люди вносили «рублевую» пошлину в размере 5 % от уговорной платы за работу³⁷⁸.

³⁷⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 575–586.

³⁷⁶ Бущинский П. Н. Заселение Сибири... С. 24.

³⁷⁷ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 100–124.

³⁷⁸ Там же. С. 104–105.

Численность гулящих людей в изучаемый период определить фактически невозможно в силу высокой социальной и территориальной мобильности. К началу XVII в. в Верхотурье их было настолько много, что верхотурскому воеводе велели набрать из них 50 человек на службу в Сургут, а в следующем году такое же количество в Томск³⁷⁹. По нашим очень приблизительным подсчетам, в конце первой четверти XVII в. в городах Западной Сибири учтенных гулящих людей было 175 человек, или 2,8 % от русского населения и 0,3 % от всего сибирского населения. Хотя, по предположению автора, неучтенных гулящих людей было значительно больше (Приложение 8).

Несколько причин обусловили массовый приток гулящих людей в Сибирь. Первая причина – это несколько неурожайных лет, в результате которых разорились многие крестьяне из европейской части России. Вторая причина заключалась в политической нестабильности в Российском государстве в Смутное время. Третьей причиной являлось усиление процесса закрепощения крестьян, которые в ответ на это в поисках воли бежали в Сибирь. Ко всему этому стоит прибавить открытие А. Бабиновым новой удобной дороги в Сибирь, которое способствовало миграции в нее переселенцев из центра Российского государства.

В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. гулящие люди, несмотря на изначально маргинальное происхождение, внесли огромный вклад в развитие сибирского земледелия и пушного промысла. Их существование наиболее ярко свидетельствует о складывании социальной структуры сибирского общества в условиях внутреннего фронта. Многие из них в процессе формирования нового общества на стадии внутреннего фронта утратили маргинальность и влились в складывающиеся на территории за Уралом сословия.

³⁷⁹ АИ... Т. II, № 40. С. 54; № 46. С. 58–59; № 51. С. 61; № 52. С. 62.

Наибольшую социальную группу составляли представители местного населения Сибири. По приблизительным подсчетам, их численность к концу первой четверти XVII в. составляла 43318 человек, или 85,4 % от сибирского населения (Приложение 8). В большей своей массе они занимались традиционными видами хозяйственной деятельности с условием уплаты в казну ясака – своеобразной формы дани, превратившейся в XVII в. в феодальный налог-ренту, уплачиваемую местным населением в пользу государства³⁸⁰. Ясак платило все взрослое мужское трудоспособное население в возрасте от 18 до 50 лет, а численность ясачных была в конце первой четверти XVII в. 10803 (21,3 % от общего числа населения Сибири, или 24,9 % от аборигенного (Приложения 8, 9)). Государство проецировало в роли покровителя «ясачного» населения. Это выражалось в запрещении сибирским «ясашным иноземцам» играть в зернь, заключать земельные сделки, в бережение их от кабального холопства, в создании «заповедных зон», в запрете купцам, промышленникам и в ряде случаев сборщикам ясака въезжать в иноземные «волости», «землицы», селиться на «породных землях»³⁸¹. Воеводам наказывалось «иноземцев всяких родов», которые «к пьянству озадорятся, унимать и не допускать к питейным заведениям»³⁸², а также беречь их «ото всяких торговых людей... чтоб их не продавали и старых своих долгов без наших грамот и произволом не правили и насильства и убытков не чинили»³⁸³.

³⁸⁰ Павлов П.Н. Промысловая колонизация... С. 7.

³⁸¹ Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 91.

³⁸² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. III. Спб., 1830. № 1655. С. 519.

³⁸³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. Доп. изд. Спб.: Типография II Отделения с. е. и. в. канцелярии, 1836. Т. IV, № 77. С. 169.

Восприятие местных жителей русским населением не сопровождалось состоянием «культурного шока», отсутствовали следы рефлексии этнической, хозяйственной «инаковости» «сибирских инородцев». Из этого вытекали особенности правового статуса коренных народов Сибири, которые отразились в официальном их названии, применявшемся до первой четверти XVIII в., – «ясашные иноземцы». Семантическая нейтральность термина «иноземец» (по смыслу – «иноплеменник», то есть не чуждый, а «другой», «иной») свидетельствует об отсутствии этноцентризма русских в отношении к коренным жителям Сибири не как к собственной культурной антитезе. О наличии особого этнокультурного подхода к сибирским аборигенам со стороны русских свидетельствует то, что эпитеты к термину «иноземец» не имели аксиологического содержания, подобно понятиям «варвар», «дикарь»³⁸⁴.

О тесных контактах местного сибирского населения с русскими и вхождении их в состав формирующегося в результате действия фронта сибирского сообщества говорят их участие в организации сибирской пашни, включение в число служилых людей, активная меновая торговля, выплата ясака. Следует подчеркнуть, что, в отличие от американского фронта, где местное население фактически уничтожалось, в Сибири оно органично входило в состав граждан Российского государства.

Ситуация внутреннего фронта определила специфичные черты поселений первых пришлых сибирских жителей.

В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. ведущую роль в процессе колонизации Сибири играли города. Сибирские города имели ряд особенностей, отличавших их от аналогичного типа поселений Европейской России. Изначально сибирский город делился на две части: «город», или, иначе говоря, «кремль» и «острог» – будущий посад, где селилась основная

³⁸⁴ Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С. 49–50.

масса служилых и «жилецких людей»³⁸⁵ (Приложения 17, 18). Сибирские города не были как европейские города центрами торговли и ремесла. По сути дела, на начальном этапе освоения земель за Уралом города являлись большими деревнями без искусственно измененной среды (не было мостовых, канализации и т.д.). В первой четверти XVII в. в сибирских городах мы видим ничтожный удельный вес ремесленников и фактическое отсутствие местных торговцев, их функции преимущественно выполняли служилые люди. Кроме того, наблюдается тесная связь сибирского города с сельскохозяйственной округой. У большинства горожан недалеко от городских стен была своя пашня, которую они из года в год обрабатывали. Во многом эти особенности сибирских городов обуславливал тот факт, что изначально они закладывались государевыми служилыми людьми не для того, чтобы стать центрами торговли и ремесла, а для закрепления русской власти на новой территории, то есть выполняли военные и административные функции. Таким образом, за Уралом можно выделить особый тип русских городов – город фронта – опорный пункт государственной власти, обладающий специфическими чертами, способствующими его выживанию, становлению и развитию в условиях особой этнической и геоклиматической среды.

Единственным исключением в Сибири являлась Мангазея. Ее основали русские промышленные и торговые люди как центр пушной торговли еще до прихода в эти места представителей государственной власти. Следовательно, за всю историю существования она являлась атипичным сибирским городом, так как была создана по частной инициативе, в силу климатических условий не имела тесных связей с аграрной округой, являлась центром пушной торговли. Как показала дальнейшая история Мангазеи, город, основанный по европейскому пути

³⁸⁵ Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского... С. 22.

образования городов, в условиях сибирского фронта пришел в упадок и запустение. В городах же фронта в изучаемый период наблюдалась тенденция к постепенному отходу от их восприятия как исключительно оборонительных сооружений и придания этим городам все большего числа социально-экономических функций.

Особым типом русских поселений являлись остроги. При некоторой схожести функций острогов и сибирских городов в изучаемый период это были не тождественные населенные пункты. Изначальное различие между ними лежало на этапе строительства крепостных укреплений, из которых выбирали либо «городни», либо «острожья»³⁸⁶. В дальнейшем же город стал центром сельскохозяйственной округи, а острог во многом так и остался военным оплотом государственной власти в Сибири. Например, в приказной документации начала XVII в. четко прослеживается закрепление наименования города за Тобольском, Тюменью, Верхотурьем, а острога – за Кетском, Нарымом и Туринском. Различались они и по составу населения – если в городе жило преимущественно постоянное население, то в острогах несли службу годовальщики. При этом со временем острог мог или превратиться в город, или еще долгое время оставаться в своем первоначальном статусе. Все это свидетельствует о том, что такое поселение, как острог, является проявлением внешнего фронта, а город – внутреннего.

Другим типом поселений была слобода. В XVII в. имело место два пути создания «слобод». Изначально в Сибири слобода – селение, образованное при активном участии государства, привлекавшего крестьян для обработки сибирской пашни. В слободе находились подобие острога, церковь, двор приказчика, государевы амбары, а также часть крестьянских дворов. Возле слободы были расположены государевы десятины. Следует отметить, что в первой чет-

³⁸⁶ Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского... С. 20.

верти XVII в. в Западной Сибири существовали только государственные слободы. Ярким примером государственной слободы в этот период является Ницынская слобода. Во второй четверти XVII в. по образу казенных слобод начинают создаваться частные. Они представляли собой населенные пункты, образованные путем привлечения частными лицами (торговыми людьми, детьми боярскими, казаками, состоятельными предприимчивыми крестьянами) крестьян на свободные земли с целью создания земледельческого поселения. Слободчики подыскивали свободный и удобный для земледелия участок земли, подбирали место для будущего селения, описывали его «жилые приметы» для получения, затем обращались в воеводскую приказную избу с челобитной о разрешении им основать слободу, а также выдать документ («память») о проведении вербовки ее будущих жителей. Данная челобитная из воеводской приказной избы поступала в Сибирский приказ. В этом документе определялись условия прибора – устанавливались льготные годы, размеры безвозвратной и возвратной ссуд, выделяемых из казны, определялись районы, где разрешалась вербовка «охочих» людей. Со своей стороны слободчик обязывался устроить завербованных крестьян в слободе, добиться того, чтобы они построили жилье, надворные постройки, приобрели рабочий и молочный скот, сельскохозяйственный инвентарь и после истечения льготных лет начали выполнять в установленной форме и определенном объеме повинности в пользу собственника земли – государства³⁸⁷. Общие размеры территории слободы обычно устанавливались (хотя и очень приблизительно) при ее первоначальном устройстве. Выселение за пределы этой территории затруднялось, так как наталкивалось на земли соседних слобод или соседних

³⁸⁷ Крестьянство Сибири... С. 104.

ясачных волостей³⁸⁸. Правда, следует отметить, что государство особо не поощряло строительство частных слобод даже во второй четверти XVII в., так как опасалось конкуренции на недавно приобретенных землях со стороны организаторов слобод, которые зачастую требовали наделить их полномочиями, равными воеводским. Из немногих слобод, основанных в данный период, наибольший интерес представляла Дубчесская слобода (Приложение 11). Однако, несмотря на все издержки в организации слобод, проявлялось некое социальное партнерство между инициативой частных лиц и государственной властью, переходящее в ряде ситуаций во взаимозависимость в условиях аморфной ситуации внутреннего фронта.

В непосредственной близости от городов и слобод находились деревни. В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. они отличались малочисленностью населения. Название «деревня» не должно нас вводить в заблуждение относительно количества населения в них. «Деревни» представляли собой участки земли, состоящие от одного до трех дворов, в редких случаях до 10 дворов, которые принадлежали большей частью одному семейству. Расширение деревень происходило вследствие естественного прироста населения или поселения в них новоприбранных крестьян³⁸⁹.

В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. в относительной близости от городов и слобод находились «починки», «заимки» и «отъезжие пашни». Все эти термины в большей мере применимы к землепользованию служилых людей и крестьян. Ими именовались пашни, находящиеся на значительном расстоянии от города. Особое распространение подобный тип запашки получил в первой четверти XVII в.

³⁸⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 349–354; Шунков В. И. Очерки по истории колонизации... С. 89–90.

³⁸⁹ Бучинский П. Н. Заселение Сибири... С. 30.

Например, в Туринске все 7 стрельцов, имевших пашни, пахали их «в розных местах из города наездом»³⁹⁰. Очень часто на месте многие из этих пашен превращались в деревни.

Наиболее специфическими поселениями являлись зимовья. Можно выделить следующие их типы: ясачные, коренные промысловые, отъезжие зимовья, летние зимовья, рыболовные.

Ясачные зимовья первоначально основывались как опорные пункты продвижения русских промышленников в Сибирь для сбора ясака. Ясачное зимовье состояло из ясачной избы, амбара (или нескольких амбаров), «амантской», где держались заложники, погреба и разного рода укреплений. Обычно ясачные зимовья ставились рядом с удаленными от острога или города поселениями коренных жителей. В них в назначенное время прибывали русские сборщики ясака и плательщики из сибирских инородцев. Следовательно, в зимовьях служилые люди жили в течение нескольких недель, реже месяцев весной и осенью. Некоторые из наиболее важных ясачных зимовий вскоре увеличились в размерах за счет прирезка оборонительного земляного пояса или специальной укрепленной площадки и стали называться острогами или имели двойное название остроги-зимовья.

Коренное промысловое зимовье представляло собой комплекс жилых и хозяйственных построек, как правило, объединенных одной крышей. Обычно такое зимовье имело покрытый двор, амбар, баню, собачьи гнезда. Их размеры колебались в зависимости от объемов, профиля промысла и состава семей промышленника³⁹¹.

Лица, занимавшиеся добычей пушного зверя, в своем промысловом районе нередко устраивали еще отъезжие зимовья. Их располагали на «ухожеях», т.е. вдоль линий ловушек на

³⁹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 552.

³⁹¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. С. 195.

расстоянии дня пути на собачьей упряжке. «Ухожей» обычно начинались от коренного зимовья и шли в разных направлениях. Проверяющий ловушки промышленник останавливался в этих небольших срубных избушках размерами 2×3 или 2×4 м, чтобы обогреться и дать отдохнуть собакам. Там же он оставлял шкуры добытых зверей, которые забирал на обратном пути в коренное зимовье. В одном направлении иногда ставили шесть-восемь отъезжих зимовий. Обычно же обходились двумя-тремя³⁹².

Некоторые отличия были в устройстве тех зимовий, владельцы которых больше занимались рыбной ловлей, нежели пушным промыслом. В первую очередь различались они составом «промышленного завода», т.е. специализированными помещениями и снаряжением³⁹³.

Для сезонного отлова рыбы устраивались летние зимовья, которые по своему функциональному назначению напоминали крестьянские заимки³⁹⁴.

В целом же можно говорить об относительной неустойчивости за Уралом как статуса, так и расположения отдельных населенных пунктов. В исторических реалиях XVII в. очень часто под влиянием таких факторов, как близость к путям сообщения, наличие промысловых угодий, защита со стороны опорных укрепленных пунктов, военного противодействия со стороны коренных народов, местоположение русских поселений менялось. Так, например, Кетский острог был перенесен на новое место уже в первое десятилетие своего существования. Во многом это обусловлено влиянием внешнего фронта, когда только устанавливались контактные зоны. Сложно точно определить и статус отдельных поселений, так, например, после истечения льготы слобода превращалась в

³⁹² Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского... С. 196.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же.

обыкновенное село, или та же заимка с появлением постоянного населения незаметно становилась деревней. Все это свидетельствует о наличии внутреннего фронта в Сибири, так как для государства на этих землях еще окончательно не был определен административно-территориальный статус многих поселений.

Интересен и сам принцип расположения поселений в различных секциях сибирского фронта. На северо-восточном направлении (секции) поселения располагались вдоль побережья рек, но на значительном расстоянии друг от друга. Такое расположение обуславливали в первую очередь особенности пушного промысла, требовавшие наличия значительных по размерам территорий для успешной охоты. Однако обязательным условием на северо-востоке являлась связь между поселениями по естественным дорогам – сибирским рекам. На юго-востоке русские населенные пункты сосредоточивались кучкой на сравнительно небольшом пространстве недалеко от сибирского города или острога. Данную закономерность определило то, что ведущим типом хозяйственной деятельности здесь являлось земледелие, не требовавшее значительной по сравнению с пушным промыслом территории. Непосредственную же близость к укрепленному пункту предопределило наличие опасности набегов номадических потестарных образований юга Сибири. В восточной секции сибирского фронта одна часть поселений располагалась на значительном расстоянии друг от друга, другая же часть кучковалась рядом с острогами и городами. Это явилось следствием развития здесь как пушного промысла, так и земледелия.

В последней XVI – первой четверти XVII вв. социальная структура русского и коренного сибирского населения имела ряд специфических черт, характеризующих его как общество внутреннего фронта. Доминирующими в Сибири социальными группами являлись служилое население, крестьянство

и промышленное население, незначительную роль играло местное ремесленное и торговое население. Определенное влияние на формирование сибирской социальной структуры оказали поморские традиции, потому что основной поток переселенцев двигался за Урал из данного региона Российского государства. Например, они перенесли принципы общинной организации в сибирскую деревню и посад, на основе которых строились отношения, присущие сибирскому сообществу. Для жителей внутреннего фронта была характерна как высокая горизонтальная, так и в некоторых случаях территориальная мобильность, впрочем, присущая всем обществам, находящимся на стадии формирования. Это, в свою очередь, определило аморфность между сословной принадлежностью и социальной сущностью. В Западной Сибири сословное происхождение часто не совпадало с сословной принадлежностью, что было для Европейской России нонсенсом. К тому же в одной семье зачастую были представители разных сословий. Отличительной особенностью Сибири выступило многообразие типов поселений первых сибирских жителей. Скорее всего, выбор того или иного типа поселения определялся наибольшей целесообразностью приспособления к ситуации внутреннего фронта в конкретной местности и спецификой сложившихся отношений в контактной зоне. Главным же результатом процесса формирования нового общества в условиях внутреннего фронта стало не уничтожение местного сибирского населения, а органичное вхождение его в сословную структуру Российского государства. Следовательно, в Сибири складывались идеальные условия для формирования иного в региональном плане сообщества, позже самоидентифицировавшегося как сибиряки с некоторыми особыми чертами российского характера и ментальности.

ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.

Внутренний сибирский фронт, как отмечалось выше, представлял сложную систему хозяйственного и социального взаимодействия между русскими и автохтонными жителями, а также и внутри социума переселенцев. Государство играло важную роль с самого начала освоения Сибири, выступая одним из системообразующих факторов сибирского фронта. Свои особенности в условиях фронта имело и становление Русской православной церкви, которая, с одной стороны, участвовала в хозяйственном освоении края, а с другой – являлась основным институтом, отвечающим за формирование духовного мира первых русских поселенцев за Уралом.

Исходя из вышеизложенного, в данной главе необходимо рассмотреть следующие аспекты внутреннего фронта:

- управление сибирскими территориями, взаимодействие центральной и местной власти с автохтонным населением;
- деятельность Русской православной церкви и особенности процесса христианизации коренных народов Сибири.

Выявление специфики роли государства и церкви в освоении Сибири вкупе с особенностями хозяйственной деятельности и социальной структуры позволят составить полное представление о внутреннем фронте и понять общие закономерности его перехода во внутрицивилизационную стадию в последние годы первой четверти XVII в.

4.1. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОМУ И АВТОХТОННОМУ НАСЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА

В контексте изучения внутреннего фронта в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. необходимо рассмотреть формирование системы государственного управления Сибирью и ее взаимоотношения с русским и коренным населением. Для понимания сложного процесса формирования нового сообщества в условиях фронта следует выявить особенности политики центра по отношению к Сибири и ее жителям; структуру сибирской власти на местах, механизмы ее взаимодействия с автохтонным населением, а также проследить историю взаимоотношений первых сибиряков и местной администрации.

С началом присоединения Сибири к Российскому государству ее делами занимался Посольский приказ. С одной стороны, особенности взаимодействия Российского государства с русским и коренным населением Сибири определялись изначальным восприятием этого региона не как неведомой заморской земли, а как продолжения собственных владений. В законодательстве России XVI–XVII вв. не случайно отсутствует продуманное идеологическое обоснование колонизации Сибири. Свою роль здесь сыграл и сформировавшийся в процессе многовековой колонизации «инстинкт» расширения государственной территории путем включения в нее новых земель и их обитателей, воспринимавшихся «своими»³⁹⁵, своеобразный русский фронтальный опыт. С другой стороны, исходя из реального положения дел, московское правительство понимало, что земли за Уралом *de facto* не были неотъемлемой

³⁹⁵ Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 46.

частью Российского государства, а сами территории Западной Сибири находились в области внешнего фронта. В это время хан Кучум был жив, его дети имели свои улусы и питали амбиции относительно возвращения сибирских пространств. Значительное расстояние отделяло Сибирь от Российского государства, а на ее территории находилось малочисленное русское население.

Все коренным образом изменилось после битвы в верховьях Оби в 1598 г. Войско Кучума было разбито тарским воеводой А. Воейковым. Хотя Кучуму и удалось скрыться с поля сражения, но было захвачено все его семейство: «и детей его царевич и цариц его поимали»³⁹⁶. После этой победы территория Западной Сибири окончательно вошла в состав Российского государства, и именно в этот временной отрезок происходит переход от внешнего фронта к внутреннему. Посольский приказ, помимо управления Сибири, ведал всей внешней политикой Российского государства и уже не справлялся с делами огромных, недавно присоединенных и активно заселяемых пространств за Уралом. В 1599 г. управление Сибири было передано в ведение приказа Казанского дворца, который занимался исключительно делами внутренних территорий Российского государства.

Государство изначально воспринимало Сибирь как свою большую вотчину и распространяло на нее принципы управления вотчинным хозяйством. Намередаясь единовластно хозяйничать в зауральской окраине как корпоративный феодальный крепостник, центральная власть настойчиво ограничивала, а позднее прямо пресекала попытки российских дворян, сибирских монастырей и местной имущей верхушки обзавестись там своими вотчинами и поместьями. Присылаемые в Сибирь

³⁹⁶ АИ / под ред. И. Григоровича. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613), № 1. С. 3.

воеводы должны были брать на себя некоторые функции приказчиков крупного многоотраслевого вотчинного хозяйства³⁹⁷.

Для более эффективного управления сибирской окраиной в конце XVI в. выделяются уезды. Их подчинили новому Тобольскому разряду. Уездная территория выделялась по системе русских военно-административных центров и крестьянских селений с учетом родоплеменной организации коренного населения и состояла из присудов, слобод, ясачных земель и волостей. В ходе колонизации Сибири шло выделение новых и разукрупнение старых уездов. Уездные воеводы должны были согласовывать свои действия с тобольским воеводой, который одновременно являлся главой одноименного разряда, а сам непосредственно отчитывался перед Москвой³⁹⁸. Таким образом, тобольские воеводы обладали широкой координирующей и контролирующей компетенцией. Они имели право издавать распоряжения и указы уездным воеводам, но согласно «государеву указу», то есть являлись проводниками политики центра в сибирских городах.

После основания Тобольского разряда Казанский приказ получил возможность для осуществления более четкого контроля над деятельностью сибирских администраторов. Однако сохранялось право местных воевод напрямую писать в Казанский приказ, а также право служилых и иных людей подавать челобитные прямо царю в Москву.

К началу XVII в. сложились основные институты, отвечавшие за взаимоотношения между центром Российского государства и территорией внутреннего сибирского фронта. В последующий период с усложнением социально-экономических

³⁹⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982. С. 133.

³⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 100–103 об.; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998. С. 16.

отношений, предопределивших начало перехода от внутреннего сибирского фронта к внутрицивилизационному, требовались вывод Сибири из юрисдикции Казанского приказа и ее подчинение специально созданному для этого Сибирскому приказу.

В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. выстраивалась система взаимоотношений власти с русским и коренным населением в условиях фронта.

Взаимодействие государства с русским населением Сибири развивалось в условиях сословно-представительной монархии, состоявшей в нижнем звене из земских сословных объединений – общин, которые относительно самостоятельно решали свои внутренние дела. Следовательно, с первых годов освоения Сибири начала формироваться сложная система взаимодействия между приказными, воеводскими и земскими учреждениями, выражавшими различные интересы русского населения.

Среди крупных социальных групп в Сибири выделялись крестьянские, посадские миры и служилые уездные корпорации, а также не имевшие общинной организации промышленные люди. Государство вынуждено было выстраивать гибкую и специфическую систему отношений с каждой из указанных социальных групп в условиях фронта.

Известно, что уже в 1620-х гг. земельные угодья крестьянам-новопоселенцам отводились на целую общину, которая потом выделяла своим членам новые участки, когда старые пашни у них оказывались выпаханными³⁹⁹. Следует отметить, что, в отличие от центра, эти сельские населенные пункты не были односословными. Земельные отводы определялись в целом на населенный пункт, исходя из земельной нормы, а не по сословиям. Особенностью сибирской крестьянской общины в

³⁹⁹ Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1984. С. 106–107.

указанный период являлось сохранение за крестьянами права перемещения по собственному усмотрению и даже смены их сословной принадлежности, но с обязательным условием – замещением тягла. Последнее сохраняло у первых крестьянских общин в Сибири традиционную, как и по всей стране, круговую поруку и несение натуральных повинностей в пользу государства⁴⁰⁰.

Основной функцией сибирской общины являлась защита сословных и хозяйственных интересов крестьян, иногда приводившая к борьбе общины с приказчиком или воеводой. Основным инструментом для этого было право коллективного отказа от «воеводства», что предполагало наличие легального третейского суда в конфликтах между местной властью и общиной в лице Посольского, а затем и Казанского приказа⁴⁰¹.

Политика государственной власти в отношении сибирской сельской общины была противоречивой. С одной стороны, первые сибирские крестьяне под жестким контролем местной администрации несли в пользу государства барщинного типа повинности на «государевой пашне», чтобы обеспечить хлебом государевых служилых людей. С другой – государство оказывало различные «подмоги» деньгами, семенами, тягловым скотом, сошниками первым сибирским крестьянам, а также вводило льготы в уплате налогов и несении повинностей в течение ряда лет. Государство гарантировало защиту крестьянам от возможных нападений со стороны «сибирских инородцев»⁴⁰².

Сибирские же крестьяне относились к государственной власти, исходя из политико-мировоззренческих взглядов черносошных крестьян Русского Севера. Во многом они характеризо-

⁴⁰⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стлб. 10. Л. 22–36.

⁴⁰¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1991. С. 18.

⁴⁰² Там же. С. 27–30.

вали мировосприятие человека фронта. Основу данных представлений составляло признание крестьянами принадлежности земель русскому государю, а подчинение его власти служило гарантией того, что обрабатываемой землей никто, кроме них, распоряжаться не может. В случае спорных моментов появлялась возможность коллективного, общинного отстаивания своих прав на землю. Разгром Сибирского ханства Ермаком воспринимался переселенцами в свете вековых представлений о борьбе с «татарами», а переселение в Сибирь рассматривалось как давно известное освоение новых угодий, правда, сложное и многотрудное. Для поморских крестьян просторы Сибири были привлекательны благодаря наличию большей свободы действий, нежели к западу от Урала, несмотря на существование десятинной пашни и произвола приказчиков. Поземельные купчие, закладные, поступные, меновые и вкладные грамоты крестьяне считали вполне возможным совершать, не тревожа великого государя – верховного собственника земли⁴⁰³. Государственной власти не удалось воплотить в жизнь крепостнические устремления – прикрепить нового сибирского жителя к определенному участку земли и заставить его нести точно фиксированную государственную повинность. Во многом это проявление внутреннего фронта, так как, с одной стороны, для государства намного важнее было заселить и закрепить за собой новые территории за Уралом, а с другой стороны, здесь складывался особый тип отношений, присущий формирующемуся обществу казенно-феодального типа.

Сотрудничество государства с посадским миром проявлялось в несколько иной плоскости. Для государства большее значение имела организация пашни, но торгово-ремесленное население обеспечивало казне сбор таможенных пошлин, помимо несения денежного оброка. Кроме того, поскольку

⁴⁰³ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 41–42.

многие из посадских были связаны с сельскохозяйственной округой и имели рядом с городом пашни, они платили натуральный оброк. В среднем «выдельной хлеб» равнялся 20 % урожая, хотя наблюдались небольшие колебания в размере этого оброка⁴⁰⁴.

Посадские служили в целовальниках, головами в таможенных, в кабаках, хлебных и соляных амбарах, при пушной казне. Повседневная служба посадских, подкреплённая круговой порукой всей посадской общины в случае любой недостачи, делала возможным функционирование этих важнейших сфер государственной экономики и всего городского хозяйства. При такой ответственности общин государство не оказывало им такой помощи, как крестьянам⁴⁰⁵.

Однако при всей зависимости службы сибирской посадской общины от потребностей феодального государства важно подчеркнуть и обратное: само государство не могло ещё функционировать без квалифицированной каждодневной работы городских миров. Поэтому оно вынуждено было считаться и с самими этими мирами, с их правом отправлять челобитные напрямую к царю, и с демократической процедурой выбора «всем миром» как общинных властей, так и лиц для несения подобных «государевых служб». Во многом условия внутреннего фронта вынуждали государство для эффективного освоения новых территорий делиться властью с представителями посада⁴⁰⁶.

Отношения войсковых общин-корпораций (казачьи круги) и государственной власти вскрывали слабость формирующегося административного аппарата из-за отдалённости сибирских земель и отсутствия частнофеодального землевладения. Все это

⁴⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 470–473; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 61.

⁴⁰⁵ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 61.

⁴⁰⁶ Там же. С. 62.

вынуждало русское правительство сохранить казачью организацию и считаться с ее традиционными формами. Необходимость в служилых людях заставляла правительство снисходительно отнестись к прошлому многих участников «смутных лет», а сложность ратной службы и бесконечные «посылки» позволяли ему надеяться, что подобный элемент не вернется к своему «воровству». В качестве одного из множества примеров можно привести историю П. Хмелевского, который в результате водворота событий Смутного времени оказался в Сибири и сделал многое для освоения зауральских просторов⁴⁰⁷.

Подчиняясь воеводской власти, сибирское войско не считало ее обязательным и необходимым атрибутом управления и сплошь и рядом вступало в конфликты, перерастающие в открытую борьбу с самой системой воеводского управления, а иногда же просто предпочитало обойтись без нее. Казачье войско широко пользовалось правом обращения в Посольский, а затем в Казанский приказ, что было нужно центральной власти для изобличения местных воевод во всякого рода злоупотреблениях. Войско считало себя вправе иметь и отстаивать свое чисто профессиональное мнение о воинских делах – постройке и состоянии оборонительных сооружений, обеспеченности вооружением, тактике боя. Так, в челобитных от 1611 и 1618 гг. служилые люди Сургута⁴⁰⁸ и Нарыма⁴⁰⁹ настаивали на переносе в более удобное место Кетского и Нарымского острогов. В Москве прислушались к их доводам и велели воеводам вместе с челобитчиками «обыскивать» места для новых острогов. Следует отметить, что организация служилых людей была достаточно самостоятельной. К мнению

⁴⁰⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.3, ч.1. С. 163–174.

⁴⁰⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1, Прил. № 79. С. 427–428; № 80. С. 429–430.

⁴⁰⁹ Там же. Прил. № 84. С. 432.

служилых о пополнении своей общины новыми членами, о служебной карьере военных, назначениях на новые должности прислушивались воеводы и приказное начальство⁴¹⁰.

С усилением воеводской системы управления взгляды служилых на свое положение вступали в противоречие со взглядами непосредственных представителей власти. Это противоречие все сильнее проявлялось в повседневной жизни и вело к обострению социальных конфликтов. Внутрисословные же противоречия между войском и верхушкой служилых людей (дети боярские) усложняли обстановку в моменты столкновения воинских обществ с воеводской властью. Во многом это является проявлением перехода внутреннего фронта во внутрицивилизационный. На предыдущем этапе (внутреннем фронте), когда существовала возможность реальной угрозы со стороны коренного населения и потестарных образований, государство было готово поступиться многими своими принципами для удержания в подчинении новых земель. Когда же на этих территориях оформились основные черты социально-политической инфраструктуры, а границы внешнего фронта начали стремительно отодвигаться на Восток, московское правительство попыталось пресечь своеволие служилых людей, тем самым усилив государственное начало.

В сословно-представительной русской монархии мирская организация и воеводское управление являлись двумя взаимодополняющими частями механизма власти. На территории Сибири в условиях внутреннего фронта для миров сотрудничество с воеводой и приказами было одной из многочисленных функций, хотя и весьма важной. В свою очередь, в этом сотрудничестве государственная власть больше была заинтересована в фискальной, хозяйственно-организационной и распорядительной деятельности общин.

⁴¹⁰ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 78, 83–84, 97, 103.

При всем народном «легализме», постоянном и упорном подчеркивании своей преданности государю и государевым властям сословные миры считали вполне законным реальный отказ от подчинения «плохому» администратору с той самой минуты, как ему будут предъявлены обоснованные претензии «всей земли» и он откажется удовлетворить их⁴¹¹. Другой формой протеста являлись внутрисибирские миграции, способствовавшие утверждению правового самосознания русских сибиряков и во многом носившие социальную направленность как своеобразную форму протеста против воеводского управления, претворявшуюся в стремлении ухода из-под его эгиды⁴¹².

Но во многом в основе народного сознания лежали идеи официального монархизма XVII в. о государевой воле как единственном источнике власти в государстве, о воеводах и боярах как верных исполнителей этой воли⁴¹³. При этом верховная власть гиперболизировала традиционную многовековую идеализацию ее простым народом, так как в народном сознании также бытовали представления о плохих царях, появившихся из-за попущений божественной воли и промысла.

⁴¹¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 172.

⁴¹² Там же. С. 332.

⁴¹³ Существует теория народной монархии Б.Н. Миронова, согласно которой вся российская государственность до Петра I функционировала с участием всех слоев населения и отражала их интересы (Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. С. 116.). Однако с ней трудно согласиться, так как общеизвестно, что в традиционных и индустриальных обществах, помимо публичной, ведущую роль играет эксплуататорская функция, несмотря на широко развернутые формы социального сотрудничества. См. подробнее: Быконя Г.Ф. К вопросу о народной монархии в России в XVI – XVII вв. // Проблемы демократии: история и современность: материалы научной конференции с международным участием: сб. ст. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. С. 115.

Отдаленность Сибири и специфический, в основе своей стихийный процесс создания там постоянного русского населения способствовали стабильности такой системы местного управления, при которой верховная власть во имя прежде всего «государева интереса» вынуждена была соблюдать интересы мирских организаций и учитывать их. Во многом этому способствовали условия внутреннего фронта, когда государству было выгоднее не копировать крепостнические порядки центра и не выстраивать систему жесткой зависимости и тотального подчинения населения в Сибири в интересах успешного хозяйственного освоения региона.

В целом, отношения центральной власти с местным населением сводились к трем аспектам: распространение русской власти на новые территории, предполагавшее безоговорочное подчинение коренных жителей; ясачные отношения; осуществление российской властью публичных функций в отношении «сибирских инородцев».

Российское государство во многом наследовало ордынские социокультурные традиции. Стремясь восстановить систему прежних даннических отношений поволжских и сибирских народов к Орде, на месте которой теперь оказалось Российское государство, Москва соответствующим образом выстраивает взаимоотношения с этими народами, не видя нужды в обосновании их правомерности. «Иноземцы» Чатской волости, например, обязались давать ясак в следующей форме: «Прежде, мол, блюлись Кучума царя, а когда его побили государевы люди, то будем служить ему (Великому Государю. – А.Х.) и ясак давать ему»⁴¹⁴.

Коренные же народы, находившиеся в северо-восточной секции сибирского фронта, не признавались объектами международного законодательства, не считались имеющими права на независимое суверенное существование. Так, наказ

⁴¹⁴ АИ...Т.П, № 5. С. 8.

мангазейским воеводам 1627 г. повелевал «промышляти всякими мерами... чтоб однолично... привести под Государеву царскую высокую Руку» иноземцев верховьев Тунгуски, которые промышленных людей к себе не пускают, «... а называют землю и реки своими...»⁴¹⁵. Таким образом, для центральной власти на данном направлении фронта наиболее приемлемым представлялся даннический тип взаимоотношений с «сибирскими инородцами».

Уже в первые годы присутствия в Сибири русские воеводы, выполняя указы Москвы, с помощью военной силы приводили под «высокую руку белого царя» коренное сибирское население, которое не хотело добровольно подчиниться русским властям⁴¹⁶.

В ответ на подобные действия автохтонные жители оказывали военное сопротивление русскому господству. В документах того времени часто встречается четкое деление инородцев по отношению к государственной власти: «мирные», «немирные», «ясашные» и «неясашные»⁴¹⁷.

С момента основания первых русских городов в Сибири им постоянно угрожала военная опасность. Это можно заключить из особенностей первых русских поселений в Сибири, которые представляли собой остроги (Приложения 18, 19). Только спустя некоторое время рядом с ними начал появляться посад. Сибирским воеводам предписывалось «занятии город и на чертеж начертити, и всякие крепости выписать, а сперва на том месте острог занять и поставить»⁴¹⁸. После походов Ермака и разгрома хана Кучума воеводой А. Воейковым в начале XVII в. «кучумовы дети», а затем познавшее «прелести»

⁴¹⁵ РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 188, стлб. 856.

⁴¹⁶ Там же. Стлб. 822.

⁴¹⁷ Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С. 50.

⁴¹⁸ РИБ... Т. II, № 56, стлб. 106; Кочемамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977. С. 37.

воеводского управления местное ясачное население оказывали военное сопротивление русскому господству в Сибири. Например, из отписки пелымского воеводы П. Исленьева мы можем узнать, что «де Коротай и все воринские вогуличи, что нынеча де у нас совет прошел, что быть на Пелым всем волостям вместе, которых звали с ясаком и которых не звали, и собрався де итти в город, и пришед де в город, и промышлять, как де позовут в город с ясаком; и на де в те поры убить меня Петра и всяких русских людей, а достальным де людям зажигать в остроге и достальных русских людей побить»⁴¹⁹.

В этом плане особенно следует отметить период Смутного времени. Так, в 1608 г. подняли бунт все ясачные люди Березовского уезда, во главе восстания стали кодские остяцкие князья Алачевы-Игичеевы, несмотря на то, что они уже приняли христианство и в их земле Коде была построена церковь⁴²⁰. Дальнейший ход событий можно проследить, основываясь на грамоте от 1608 г. березовскому воеводе князю П. Черкасскому, в которой написано, что «как де изменили Березовского уезда все яшашные люди, и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали, и во рву острог ставили и город крепили; и божиею милостью, и многих, изменников переимали»⁴²¹. Однако на этом волнения не закончились, они продолжились в 1609 г., на который намечалось общее восстание против русского господства в Западной Сибири. Из отписок сибирских воевод видно, что в нем должны были принять участие вогулы и остяки Березовского, Пелымского, Сургутского уездов, иртышские татары, а по некоторым данным, верхотурские, туринские и тюменские инородцы⁴²².

⁴¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 104. С. 263.

⁴²⁰ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889. С. 297.

⁴²¹ РИБ... Т. II, № 78, стлб. 171.

⁴²² Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 76. С. 243; № 77.

В это же время тунгусы напали на ясачных людей Кетского уезда и требовали, чтобы последние перестали платить ясак русскому царю⁴²³. В конце 1608 г. подняли одновременно бунт татары Томского и Кузнецкого острогов.

Но восстания сибирских аборигенов не произошло, так как заговор был раскрыт. Доподлинно известна история разоблачения плана остяков. Перед каким-либо крупным военным мероприятием по поселениям сибирских инородцев путешествовала «воинственная стрела» с изображением шайтанов как символов войны, и все те инородцы, которые соглашались принять участие в войне, должны были поклясться во взаимной верности над этой стрелой. Березовскому воеводе С. Волинскому удалось перехватить данную стрелу, в своей отписке в Москву он сообщает следующее: «25 июня посылал казаков на Сосву для сбора государева ясака и те казаки принесли в съезжую избу стрелу, а на стреле нарезаны одиннадцать шайтанов, а попереть шайтанов резано же, а железо терто. Остяк, у которого взяли стрелу, на допросе показал: ту стрелу он возил на Сосву для измены государю; кодская княгиня Анна и ее новокрещенный брат ездили к сургутским остякам и на устье Иртыша к татарам и договорились всем идти войной под Тобольск, а эту стрелу послали с ним на Сосву к остякам»⁴²⁴.

Повторная попытка автохтонных жителей поднять восстание против русской власти в Сибири планировалась на 1612 г. Но также по неосторожности некоторых вогулов была раскрыта, и восстание не состоялось. В отписке тобольского воеводы И. Катывева-Ростовского тюменскому воеводе М. Годунову сообщается о планах вогулов: «И пелымский де сотник Сынка и лутчие пелымские есашные вагуличи в роспросе и с пытки сказали: что было у них умышление подлинное с березовски-

С. 243; № 80. С. 244; № 81. С. 245; № 82. С. 246; № 84. С. 248.

⁴²³ РИБ...Т. II, № 89. стлб. 204.

⁴²⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 477. Ч. I. Д. 1. Л. 10.

ми, с вишерскими и с лозвинскими, и с верхотурскими вагуличами, что приходится было им наперед воевать Пелымский город ныне о Ильине дни, или после Ильина дни на первой недели, как зачнут сено косить и хлеб жать, а пришед было им город зажигать; а будет немочно им город зажечь, и им одноконечно промышлять над Пелымским городом, да идти в Пермь, в Пермские волости воевать»⁴²⁵. Следует добавить, что сибирские воеводы во многом сгущали краски и преувеличивали воинственное настроение местного населения для того, чтобы получить для себя и служилых людей дополнительные вознаграждения из московской казны.

Безусловно, ряд этих выступлений был связан с событиями Смутного времени в центральной части Российского государства. «Сибирские инородцы» узнавали об этом после частого принесения шерти быстроменяющимся на российском престоле монархам⁴²⁶. Логику местного населения показывают слова вогула Темхорки: «государя де на Москве нет, ныне де одни в Сибири воеводы, а людей русских мало во всех сибирских городах»⁴²⁷. Исходя из этих фактов, можно говорить о желании местного населения вернуться в прежнее состояние или даже получить себе независимость.

Фактически центральная власть в Смутное время не уделяла должного внимания происходившим в Сибири процессам. Сибирские воеводы занимали свой пост до Смутного времени в среднем два-три года, а с 1606 г. срок пребывания на воеводстве увеличился до четырех-пяти лет (Приложение 14).

В первые годы освоения Сибири положение автохтонного населения, по всей видимости, было более тяжелым, нежели

⁴²⁵ РИБ... Т. II, № 100, стлб. 286.

⁴²⁶ СГГД / под ред. А.Ф. Малиновского. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II, № 83. С. 187–188; № 90. С. 201; № 197. С. 388–389; № 202. С. 546–548.

⁴²⁷ РИБ... Т. II, № 100, стлб. 285.

во времена хана Кучума. В качестве доказательства данного утверждения можно привести отрывок из челобитной верхо-турского казака, где говорится, что в 1612 г. «как в вогуличах была шатость и измена, хотели на наши сибирские города приходить войною, города сжечь, служилых людей перебить, а умыслили, чтоб им быть себе царством, как было при Кучуме царе»⁴²⁸.

В контексте вышеприведенных фактов следует признать, что в контактных зонах фронта возникали взаимодействия конфликтного типа, но при этом действия русских не были направлены на тотальное уничтожение местного населения.

Попытки местного населения свергнуть русскую власть наиболее ярко свидетельствуют, что сибирское общество находилось в условиях перехода от внешнего к внутреннему фронтиру, а «сибирские инородцы», хотя и формально входили в состав Российского государства, не считали себя его подданными. Тем не менее они ощущали на себе более сильную зависимость от Российского государства, чем та, что была в свое время от Сибирского ханства.

Особую ценность для Российского государства представляли сибирские пушные богатства, поэтому взимание ясака выступало основной формой взаимодействия между сибирской администрацией и местным населением. Российская власть, имевшая многовековой опыт усвоения на административно-политическом уровне иноэтнического влияния, законодательно санкционировала и использовала в своих целях традиционные обычаи народов Сибири. Шерть, аманатство и ясак, подтверждавшие принятие русского подданства, были институтами, привычными для сибирских «инородцев»⁴²⁹. Позиция московского правительства относительно взимания

⁴²⁸ АИ / под ред. М. Коркунова. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. III (1613–1645), № 1. С. 1.

⁴²⁹ Ковалешкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С. 50–51.

ясака была сформулирована следующим образом: «во всех сибирских городах воеводам и головам велено беречи того накрепко, чтоб сибирские земли ясашным людям насильства и убытков и продаж ни от кого не было, и ясаков бы лишних с них не имати, и вновь за посмех не прибавливать, и всем им велено льготить»⁴³⁰. Понимая, что Сибирь еще прочно не вошла в состав Российского государства, московское правительство в вопросе о сборе ясака с местного населения допускало множество послаблений⁴³¹.

Заинтересованность в регулярном бездоимочном поступлении в казну натурального ясака в XVI–XVII вв. присутствует не только в документах, непосредственно касающихся насаждения и ужесточения ясачного режима. Она повлекла создание правовой системы покровительства туземцам, направленной на сохранение их традиционных социальных и хозяйственных отношений, что отличало действия России от политики других колониальных государств. Запрещалось «имать» ясачных людей в кабальное холопство, применять пытки и казни — «ни по каким делам», крестить насильно, «имать судные пошлыны с сибирских иноземцев». Воеводам наказывалось «иноземцев от русских людей и от всяких людей однолично во всем оберегати, а кто чем иноземца изобидит или убойство учинит, и тем людям за воровство чинить Великого Государя указ по Уложению и новым статьям чему будет достоин»⁴³².

Настойчивые предписания воеводам «беречь», чтоб ясачным «обид и насилства ни от кого не было»⁴³³, объяснялись в

⁴³⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 26. С. 199.

⁴³¹ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. / сост. Е.Н. Ошанина; отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. Вып. I–II. С. 23.

⁴³² Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С. 118–119.

⁴³³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. Доп. изд. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1836. Т. IV, № 58. С. 423.

то время единственно заботой об интересах фиска: «...чтоб от того насилства они бы розно не разбрелися и наш бы ясачный сбор в том не залег».

Сам ясак предписывалось собирать «ласкою, а не жесточью», но в то же время «неоплочно и с великим радением, чтобы тот ясак и поминки из доимки vybrati, и ясашным бы людям в том жесточи не учинить»⁴³⁴. Разумеется, постоянные требования организовать сбор ясака «с радением, перед прежними годами... с прибылью»⁴³⁵ практически сводили на нет действия тех правовых норм, в которых проводилась своеобразная защита ясачного населения, точнее, поддержка его платежеспособности.

В исключительных случаях местные жители полностью освобождались от ясака. Так, в 1599 г. по случаю восшествия на престол Бориса Годунова все тяглое население страны освобождалось на год от уплаты налогов, в том числе и автохтонные жители Сибири. Указ верхотурскому воеводе князю И. Вяземскому гласил: «Всех сибирских людей, вперед на 108 год ясаку с них соболей, и куниц, и лисиц, и бобров, и белки имать не велели»⁴³⁶. Но в среде коренных жителей господствовало недоверие к русской власти, в том числе и к местной. Среди них упорно начали распространяться слухи, что взамен со стороны царской власти будет наложена более тяжелая повинность: «И нас велят на службу или куды инде развесть, да развесчи де их побьют, а жен их и детей после их побьют»⁴³⁷. Этот факт говорит о том, что воеводы на местах многократно нарушали царские указы в отношении «сибирских инородцев» и, скорее всего, в своих интересах заставляли исполнять их многие поручения, что вызывало негативное отношение сибирского автохтонного населения к русской власти.

⁴³⁴ ПСЗРИ. Собр.1. Спб., 1830. Т.III, № 1594. С. 351.

⁴³⁵ Там же. С. 352.

⁴³⁶ РИБ...Т.II, № 46, стлб. 63.

⁴³⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. I. Д. 18. Л. 4.

Если Англия в атлантической зоне колонизации и Испания в эпоху формирования рекомьендо, видевшие особую колониальную ценность в американских землях и недрах, обнаруживают стремление к экспроприации земель индейцев, то Россия, по-своему заботясь о казенном доходе, оберегает земли ясачных, особенно охотничьи угодья, от притязаний промышленных людей и крестьян⁴³⁸. Грамота верхотурскому воеводе приказывает наказать пашенных крестьян, которые, устраивая свои пашни, «угодья («ясачных иноземцев». – А.Х.) пустошат и огонь по лесам пускают и зверя выгонивают», чтобы им было неповадно впредь «ясашным людям в звериных промыслах чинить поруху, а в нашем ясаке убыль»⁴³⁹. Но встречаются отдельные факты, когда в интересах организации слобод в труднодоступных местах государство отступало от этого принципа. Ярким примером является деятельность О. Цыпани, когда государство оставило челобитные енисейских ясачных остяков без внимания⁴⁴⁰. Документы XVI–XVII вв. не содержат норм, ограничивающих территорию кочевий, промыслов и т.д., термин «землица» имел чисто описательное значение, никаких границ ясачных волостей не существовало. Этому способствовало и отсутствие земельного дефицита в Сибири. Сведения о начале официального определения пределов ясачных угодий в 90-е гг. XVI в. содержатся лишь в документах, относящихся к наиболее заселенному району Сибири – Верхотурскому уезду⁴⁴¹.

Первые воеводы встречали множество сложностей при объясачивании местного населения, особенно в 90-е гг. XVI в.,

⁴³⁸ Акты, собранные в библиотеках... Т. IV, №183. С. 766; Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С. 120.

⁴³⁹ АИ... Т. III, № 112. С.165–166.

⁴⁴⁰ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 1. С. 216–222; Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 32–36.

⁴⁴¹ Акты, собранные в библиотеках... Т. IV, № 183. С. 766.

когда хан Кучум продолжал сопротивляться. Нередко складывалась ситуация, когда один год местное население платило ясак русскому царю, а другой год албан выплачивался хану Кучуму. Так, тарский воевода А. Воейков в отписке от 1598 г. сообщает: «...я, холоп твой, пришел... лутчих волостных людей поимал, которых отвел от тебя государя... Кучюм царь». Затем воевода расселяет местное население по своим старым юртам, наказывает им привозить ясак в пользу русского царя, а в случае неповиновения обещает собрать его силой⁴⁴². Это приводило к появлению в некоторых местах Сибири разорительного для коренных жителей института двоеданства. Институт двоеданства мог иметь место только в условиях внешнего фронта, так как не была прочно установлена власть над коренным населением со стороны какого-либо одного государства.

Особенно ярко в первой четверти XVII в. это проявилось в приграничных зонах, когда русские вели непрерывную борьбу с монголами и калмыками за право взимать албан или ясак «с порубежных областей» Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов. Кое-где одержали верх кочевники, а в других местах русские; чаще устанавливался своеобразный синойкизм: монголы и русские – то делят между собой полюбовно ясачных людей, то, еще чаще, путем договора устанавливают очередь в добыче⁴⁴³. В этих волостях в большинстве случаев единственным средством заставить «сибирских инородцев» платить ясак являлся институт аманатов, который предполагал захват заложников из «лутчих людей» местных племен и содержание их в русских острогах как гарантию стабильной и своевременной выплаты повинностей со стороны «ясашных инородцев».

⁴⁴² АИ... Т. II, № 1. С. 2–4.

⁴⁴³ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 50.

Во многом это объясняет то, что в большинстве случаев на сбор ясака отправляли отряд вооруженных людей, так как сохранялась достаточно высокая вероятность военного столкновения как с местным населением, так и с представителями соседних потестарных образований. Так, верхотурскому письменному голове Г. Салманову предписывалось выбрать лучших служилых людей из детей боярских, казаков и стрельцов для сбора ясака в отдаленных волостях. Собрав «мяхкую рухлядь» по волостям, «ясатчики» должны были доставить ясак в Верхотурье, откуда груз отправляли в Москву⁴⁴⁴.

Правда, на некоторых территориях наблюдалась преемственность ясака. В южной части Западной Сибири, которая еще до прихода русских была завоевана монголо-тюрками, их навыки и приемы обложения были успешно заимствованы Российским государством, а ясак воспринимался автохтонными жителями как должное. Для обложения там воспользовались административными единицами, которые существовали до присоединения Сибири к Российскому государству. В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в состав прежнего Сибирского ханства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князьки и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму. В бывших пределах собственно царства Кучума в основу деления на ясачные волости легли, по-видимому, те административные подразделения, которые и существовали в более ранние времена. Из отрывочных сведений летописей можно заключить, что в городках, находившихся под властью Кучума, сидели подвластные ему мурзы и есаулы, «удельные его бояре и княжцы»⁴⁴⁵.

Помимо репрессивных мер, правительство использовало средства, чтобы привлечь коренное население Сибири «ла-

⁴⁴⁴ Верхотурские грамоты... С. 70–71.

⁴⁴⁵ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 50.

скою». Одним из инструментов осуществления этой политики служили подарки («государево жалованье»), которые выдавались ясачным людям «за ясачный платеж» в качестве известной премии. «Государево жалованье» дарилось как аманатам за добровольный призыв сородичей «к государственной милости», так и отдельным плательщикам непосредственно за уплату ясака. Подарки состояли из тех товаров, которые имели наибольший спрос среди нерусского населения. Кроме подарков товаром и хлебом, практиковалось угощение ясачных людей из казенных запасов. Запасы «на корм» ясачным людям» посылались в дальние земли и зимовья⁴⁴⁶.

По существу, выдача подарков, хлеба и угощения «за ясачный платеж» очень похожа на меновой торг. Местные жители приносят полагающиеся с них звериные шкурки и взамен «прошают» олова и одекуй. Ясачные сборщики, приняв ясак, выдают подарки, и ясачные уходят восвояси. Даже угощение «государевым жалованьем» имеет полную аналогию с приемами меновой торговли в XVII в. При этом возникает неустойчивое равновесие, когда в условиях фронта некоторые категории подданных государства (сибирские инородцы) платили общеобязательный налог с условием непосредственного представления какой-либо компенсации за него или отдавали его государству в зависимости от сложившейся ситуации (неокладной ясак). Кроме того, на некоторых территориях размеры ясака устанавливались всякий раз по соглашению, «договору» с «сибирскими инородцами». Такие могущественные и опасные плательщики ясака, как киргизы, могли настоять на тех размерах ясака, которые были им удобны; но чаще «договор» был фикцией, так как ясачные люди должны были подчиниться требованиям победителей. Однако он был необходим, так

⁴⁴⁶ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 72.

как иначе ясачные люди могли всегда уклониться от уплаты «окладного», то есть положенного количества соболей⁴⁴⁷.

Система ясачных сборов в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. находилась на стадии формирования. Правительство на своем официальном языке различало два вида ясака – окладной и неокладной. При окладном ясаке заранее точно был фиксирован размер дани, вносимый каждым отдельным плательщиком. Первоначально этот оклад рассчитывался по количеству шкурок, подлежащих взносу в казну. В первые годы колонизации Сибири, скорее всего, размер ясака строго не фиксировался⁴⁴⁸. Размер ясака определялся, исходя из возможностей местного населения. Так, во время царя Василия Шуйского оклад пелымских манси был установлен в 7 соболей с человека; с подгородных и с куноватских хантов Березовского уезда ясак в начале XVII в. взимался по 5 соболей с человека и т.д.

В дальнейшем наблюдалась тенденция к увеличению размера окладного ясака. Например, в государственной грамоте в Сургут от 1610 г. предписывалось снизить размер ясака с сургутских остяков с одиннадцати до девяти соболей⁴⁴⁹. По справедливому мнению С.В. Бахрушина и П.Н. Павлова, не было единого универсального размера ясака для территории Западной Сибири. В зависимости от природных условий в районах Западной Сибири устанавливались разные нормы сдачи ясака для «сибирских инородцев»⁴⁵⁰. Ясачная политика Москвы

⁴⁴⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 50.

⁴⁴⁸ АИ... Т. II, № 9. С. 10.

⁴⁴⁹ Гневушев А.М. Акты правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 – 17 июля 1610). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. № 116. С. 371–372.

⁴⁵⁰ Бахрушин С.В. Научные труды...Т. 3, ч. 2. С. 58–59; Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1974. С. 10–11.

была достаточно гибкой, так как во многих наказах говорится, что: «...с старых и с увечных, и с малых ребят, которые соболей в наш ясак добыти не могут, нашего ясаку сыскивая допряма, имати не велели»⁴⁵¹. Правительство стремилось максимально упорядочить сбор ясака, для этого воеводе вменялось в обязанность проводить перепись коренного населения и составлять ясачные книги, чтобы четко выяснить число людей, подлежащих обложению налогом и освобожденных от его уплаты. В этих книгах записывалось, сколько и в каком году сдано ясака. Сибирским администраторам предписывалось «наш ясак имати по сибирским книгам»⁴⁵².

Неокладным ясаком в полном смысле был тот случайный ясак, поступление которого нельзя было даже приблизительно угадать заранее, когда впервые служилые люди подводили «сибирских инородцев» под государеву руку и не знали «что принесут». Эвенки первое время после подчинения платили не по окладу. Енисейский уезд в 1628–1629 гг. был разделен на волости окладные (с остяцким населением), платившие по известному окладу, и на неокладные – тунгусские (эвенкийские)⁴⁵³.

Наряду с ясаком как данью обязательной и принудительной, русские власти получали с сибирских местных жителей якобы добровольные «поминки», соответствующие древнерусскому «дару», состоявшие из пушнины, рыбы, строганины. Первоначально «поминки» не являлись обязательной повинностью для «сибирских инородцев», но всемерно поощрялись московскими властями. Подношения и подарки были адресованы «государю» и самим воеводам, дьякам, сборщикам ясака. В своем чистом виде подарки, взамен которых дарящий рассчитывает получить соответствующие ценности – «отдарки», были пред-

⁴⁵¹ Гневушев А.М. Акты правления царя... № 115. С. 371.

⁴⁵² АИ... Т. II, № 9. С. 10.

⁴⁵³ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 50.

ставлены в Мангазейском уезде. Ежегодно некоторые самоедские князья платили по одному «поминочному» соболу. Очевидно, этот первоначальный добровольный дар, сверх ясака, почетный подарок, впоследствии правительство превратило в принудительный дополнительный сбор⁴⁵⁴. Практика преподнесения «поминков» свидетельствует о сохранении переходного периода от внешнего к внутреннему фронтиру, в котором выплата пошлин означала политическую лояльность к представителям «белого царя». Следовательно, на стадии внутреннего фронтира еще окончательно не оформилась система налоговых сборов.

Практика эпизодических наездов за ясаком при точно не установленной подведомственности тому или иному воеводству (городу) целых ясачных районов тоже свидетельствует о наличии неустойчивого равновесия внутреннего фронтира. Вооруженные столкновения между собой отдельных отрядов ясачных сборщиков – агентов власти царя – подрывали в глазах инородцев законность и авторитет центральной администрации. Возможность различных злоупотреблений, от которых страдали прежде всего ясачные люди, платившие ясак в двойном или даже в тройном размере с применением в случае сопротивления «жесточи», только усугубляли это восприятие⁴⁵⁵. Например, в 1602 г. произошло столкновение между сургутскими и мангазейскими властями. Причиной столкновения стало желание сургутского воеводы Я.П. Борятинского собрать ясак с мангазейских ясашных людей, которые уже платили ясак в Тазовский городок (Мангазею). В ответ на жестокое обращение остяки подняли бунт и «изменили», отказавшись платить ясак. Московские власти среагировали достаточно быстро на данное происшествие, отправив сыскную комиссию, которая подробно доложила Борису Годунову о

⁴⁵⁴ Бахрушин С. В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 60.

⁴⁵⁵ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 118.

результатах следствия, воевода был объявлен «вором», и последующим администраторам предписывалось брать столько ясака с инородцев, сколько кто может заплатить⁴⁵⁶.

В целом, ясачные отношения являлись основой взаимодействия государства с коренными сибирскими жителями, так как в XVII в., в отличие от процесса колонизации Америки, во многом способствовали сохранению автохтонного населения при условии его покорности в условиях фронта.

Взаимодействие русской власти с «сибирскими инородцами» не ограничивалось только ясачными отношениями. Механизм вхождения «сибирских инородцев» в состав Российского государства определяли три фактора. Первый – осознание невозможности успешно сопротивляться русскому господству. В полную силу этот фактор начал действовать после разгрома русскими сил хана Кучума – бывшего властителя Сибири. Второй – способность русских защитить местное население от набегов представителей потестарного типа политических образований с юга, которые являлись грозной силой на военно-политической карте Сибири⁴⁵⁷. Третий фактор – это потребность в относительно независимом арбитре при решении местных споров. Исходя из двух последних особенностей, можно признать: важную роль на сибирской окраине публичной функции государства. С момента принятия «сибирскими

⁴⁵⁶ Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нижневарт. гос. пед. ин-т. Нижневартговск, 2002. С. 124.

⁴⁵⁷ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения): спецкурс по истории народов Сибири для студ.-заоч. ист. ф-та ун-та. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. С. 14–15; Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические социально-экономические отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Книжное изд-во, 1996. С. 43–54; Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. С. 23–28.

иногородцами» подданства государство брало на себя функцию защиты их от внешних врагов так же, как и в отношении других подданных, обязывая воевод «оберегать Божьих и нашего Великого Государя православных христиан и иноземцев» от набегов соседних народов, чтоб им «какого внезапну разорения и убойства не учинилось»⁴⁵⁸. Воевода, приступавший к исполнению должностных обязанностей, давал «лутчим людям» из «иноземцев», равно как и представителям русских служилых, торговых, городских людей, официальное заверение от имени царя – «государево жалованное слово». Эта церемония имела значение не просто формально-этикетного события, но и являлась символическим подтверждением безусловной «включенности» коренных жителей Сибири в структуру государства в качестве полноправных подданных⁴⁵⁹.

Обещая «оборону им, ясашным людям, от русских и от всяких людей», «Слово» официально признавало юридические права ясачных на покровительство царя, право бить челом и право на справедливый сыск и расправу по челобитным, право «промыслы свои промышляти» и проживать на землях, которые были «дедина и отчина». Челобитные ясачных действительно содержат разного рода жалобы на русских крестьян, на злоупотребления воевод, служилых людей и других должностных лиц⁴⁶⁰. Во многих случаях в глазах автохтонного населения русский царь выступал в качестве защитника и высшей инстанции для решения споров с соплеменниками. Так, в ответ на челобитную кондинских вогулов Борис Годунов в ответной грамоте от 1600 г. распорядился: «...и впредь бы князь Игичеевы люди в Большую Конду воровски не ходили, и во-

⁴⁵⁸ Акты, собранные в библиотеках... Т. IV, № 73. С. 160; № 138. С. 468.

⁴⁵⁹ Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С. 47–48.

⁴⁶⁰ Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1900. Ч. 3. С. 165–167, 171–176, 313–314.

гулич не били, и жон, и детей, и людей не имали, и насильства им никоторого не чинили. А которые учнут вперед воровати, Большие Конды вогуличам насильство и обиду чинити, и жон их, и детей, и людей имать насильством, а после про то сыщется, и им быть от нас в великой опале»⁴⁶¹.

На основе челобитных заводились сыскные дела, и если обвинения подтверждались, то часть имущества виновных «доправлялась» на челобитчиков, и последним давали льготу в ясаке с характерным объяснением такой компенсации: «за его терпение, что его издержали на Руси». Заметим, что жалобы подаются на действия и родовой знати, и других ясачных. Примечательна челобитная туринского ясачного татарина, поданная в 1625 г. Великому Государю с просьбой принудить верхотурского ясачного татарина отдать его дочь замуж за другого члена семьи вместо умершего или возвратить уплаченный калым: «...как положено быть по нашей, Государь, по татарской, по вогульской вере»⁴⁶², то есть при сохранении культурно-хозяйственной специфики «сибирские инородцы» в конце XVI – начале XVII вв. были включены в социальную структуру государства на формально равноправных с другими тяглыми категориями населения основаниях. Хотя сам процесс этого вхождения был сложен и противоречив, но в ходе его на территории внутреннего фронта сложились в целом мирные взаимоотношения между коренными жителями и русскими. Так, например, в Дубчесской слободе остяки жаловались только на хищническую деятельность ее основателя О. Цыпани, при этом отсутствуют жалобы на представителей других шестнадцати крестьянских дворов, с которыми они прекрасно уживались⁴⁶³.

⁴⁶¹ РИБ... Т. II, № 70, стлб. 157.

⁴⁶² Акты, собранные в библиотеках... Т. IV, № 134, С. 429–430.

⁴⁶³ Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд... С. 34.

На местах аппарат управления составляли воеводы, письменные головы, дети боярские, дьяки, опиравшиеся на слой подчиненных им служилых людей.

С самого начала на Сибирь распространялось общегосударственное административное деление, и всю полноту власти, в том числе суд и управление всем населением, русским и ясачным, осуществляли воеводы, назначенные Москвой. Управление из центра осуществлялось при помощи царских грамот и наказов, отправляемых сибирским воеводам. В них содержались предписания относительно строительства острогов, проведения военных экспедиций, сбора ясака, управления служилыми людьми, отношений с инородцами, организации торговли, заведения пашни, устройства соляных варниц, строительства дорог⁴⁶⁴. При этом в силу отдаленного положения и быстро меняющейся обстановки воеводам рекомендовалось решать вопросы «смотря по тамошнему делу». Такая формулировка встречается в наказе от 1595 г. тарскому воеводе Ф. Елецкому: «...а взяв государев подлинный наказ и государевы грамоты о всяких государевых делах, да по тому воеводе князю Федору и голове Василью с товарищи государевы дела делать и смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее»⁴⁶⁵. Таким образом, в Сибири воеводы получали даже право законодательной инициативы, что привело в условиях внутреннего фронта к складыванию автономной правовой системы для формирующегося сибирского сообщества.

Воевода являлся центральной фигурой в аппарате местного управления. По справедливому мнению А.П. Павлова, Казанский приказ не мог эффективно управлять огромными территориями, если бы там не было фигуры воеводы⁴⁶⁶. Должность

⁴⁶⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. I. Д. 3. Л. 3.

⁴⁶⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 5.

⁴⁶⁶ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. С. 246.

воеводы подразумевала выполнение множества функций. Три из них являлись ключевыми – организация военных походов для приведения под высокую государеву руку «сибирских инородцев» и оборона сибирских городов, сбор ясака с коренных жителей, организация сибирской пашни.

С самого начала освоения Сибири на воевод возлагались функции сбора и учета ясака, реализация которых предполагала обеспечить стабильное поступление «мягкой рухляди» в казну. Воеводы занимались разграничением ясачных владений, лежавших на территории управляемого ими уезда. Они следили за тем, чтобы служилые люди не торговали «мягкой рухлядью». Первые сибирские администраторы осуществляли надзор за деятельностью «ясачных сборщиков», предполагавший оградить ясачное население от разного рода злоупотреблений. Воеводы отвечали за качество «мягкой рухляди», поступавшей в казну: «...а мелочи худые, лоскутишков, собольих и кунных, и бобровых, и белых не имати»⁴⁶⁷. Воеводам строго предписывалось «наш ясак иметь по ясашным книгам»⁴⁶⁸.

При организации десятинной пашни воевода «верстал» или утверждал прибор приказчиками пришлых людей на пашню, определял размеры возвратной ссуды, подмоги, податных льгот, устанавливал или утверждал отработочную или оброчную форму и размеры крестьянского тягла. От имени правительства воевода осуществлял землеустройство крестьян – рассматривал челобитные об отводе угодий, через приказную избу проверял основательность земельных просьб, распоряжался выдачей земельных актов и визировал их. Воевода контролировал исправное несение крестьянского тягла и отвечал за него перед Казанским приказом. По закону только с его санкции допускались территориальные перемещения кре-

⁴⁶⁷ АИ... Т. II, № 9. С. 10.

⁴⁶⁸ Там же.

стьян, сдача тягла и выход из крестьянского состояния⁴⁶⁹. Важность этих функций была отличительной чертой колонизации Сибири до середины XVIII в.

Помимо осуществления вышеприведенных функций, воеводы осуществляли суд на местах. Уже с 90-х гг. XVI в. воеводы рассматривали гражданские и уголовные дела, в том числе и тяжбы местного населения⁴⁷⁰.

Также воеводский суд выступал в роли кассационной инстанции для суда приказчиков острогов и слобод. Он был единственной судебной инстанцией в Сибири до 1621 г., когда после образования архиепископской кафедры в Тобольске был учрежден церковный суд⁴⁷¹. Положительной спецификой воеводского судопроизводства являлось быстрое вынесение решений и отсутствие волокиты. Отрицательный момент проявлялся в субъективности принятия решений. В целом, в Сибири в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. воеводский суд являлся оптимальным вариантом осуществления правосудия на местах. Непосредственно Казанский приказ рассматривал политические дела, связанные с доносительством и объявлением «государева слова и дела», а также особо тяжкие преступления.

Важной обязанностью первых сибирских воевод являлись принятие, распределение и надзор за ссыльными из Европейской России. Например, связанных с убийством царевича Дмитрия и виновных в беспорядках жителей Углича в 1591 г. сослали в Сибирь⁴⁷². Относительно дальнейшей их судьбы известно, что пелымский воевода посадил их на пашню: «...да углечан 30-ть человек», и они работали там, согласно ментальным известиям, до 1603 г.⁴⁷³. Параллельно сибирские

⁴⁶⁹ Крестьянство Сибири... С. 138.

⁴⁷⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 44. С. 387.

⁴⁷¹ Вершинин Е.В. Воеводское управление... С.105.

⁴⁷² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Репринт. СПб.: Кристалл, 1997. С. 261–262.

⁴⁷³ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 32. С. 208–209.

воеводы были обязаны следить, чтобы ссыльные не распространяли «смуту»⁴⁷⁴.

Воеводы в Сибири принимали активное участие в организации строительства, ремонта и содержания сибирских городов⁴⁷⁵. Также в их компетенцию входил набор в гарнизоны новых сибирских городов служилых людей и их ежегодный учет⁴⁷⁶. Важной сферой деятельности воеводы было распределение административных поручений среди служилых людей и выдача им жалованья⁴⁷⁷, а также распределение и учет запасов, поступавших из столицы⁴⁷⁸.

На первых сибирских воевод возлагалось множество обязанностей, связанных с организацией сибирской торговли. В частности, к ним относились организация взимания различных пошлин и сборов, их учет, создание условий для комфортной торговли в сибирских городах, охрана сибирских торговцев.

Осуществление военных, налоговых, карательных, хозяйственно-организаторских функций в условиях внутреннего фронта воеводами свидетельствовало о зарождении аппарата управления, который базировался на административно-территориальном дворцово-вотчинном принципе, что являлось анахронизмом. Это придавало всем звеньям управления универсальный, а значит, во многом автономный характер, что позже во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. даже у отдельных представителей сибирской администрации, типа первого губернатора Сибири М.П. Гагарина или якутско-

⁴⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 131 об., 132, 136.

⁴⁷⁵ Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Д.Я. Резун. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. № 2. С. 38; РИБ... Т. II, № 71, стлб. 158.

⁴⁷⁶ АИ... Т. II, № 46. С. 58; Верхотурские грамоты... С. 38–39.

⁴⁷⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 9–11 об.; Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы... С.110.

⁴⁷⁸ РИБ... Т. II, № 188. I, стлб. 818.

го разрядного воеводы И. Францбекова, провоцировало сепаратистские замашки.

Отличительной особенностью формирования русского управленческого аппарата на местах в условиях фронта стало предоставление привилегий представителям знати коренных народов Сибири, а также сохранение за ними ряда управленческих функций в своих землях.

Представители «ясашных иноземцев» – «лутчие люди», если выражали желание, могли быть отпущены воеводой в Москву предстать перед «царские светлые очи». Также «ясашных людей» одаривали «государевым жалованьем» и угощали «государевым угощением». Эти царские подарки были не только символом милости государя, его щедрости и великодушия, но также играли социализирующую роль, декларируя юридическое равноправие⁴⁷⁹.

В отличие от Америки, уже в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. русские власти и в Сибири традиционно предоставили местной знати в согласии с принципом местничества статус российских «служилых людей по отечеству». Например, в 1594 г. князю Игичею Алачеву и Онже Юрьеву были пожалованы «за их службы в Сибирской земле волостью Васпалукук, да волостью Колпукулук со всеми угоды и ясаком; а людей в тех волостях в Васпалукукской волости 8 человек, а в Колпукулукской волости 3 человека; и Игичею князю с братьею теми волостями и всякими угоды и людьми 11-ть человек владети и ясак с них збирати на себя. А нашим сибирским воеводам и приказным людям с тех волостей ясаков в нашу казну не имати и их не в чем не судити, и ведает их и судит, и подать свою емлет с них Игичей да брат ево Онжа»⁴⁸⁰. На основе текста данной грамоты можно сделать вывод о том, что Москва, лишив суверенитета родоплеменную верхушку

⁴⁷⁹ Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С.49.

⁴⁸⁰ СГГД... Т. II, № 63. С. 27.

коренных жителей, тут же на иных основаниях делегировала им свои властные функции, включая фискальные и судебные, как это делал великий киевский князь в отношении местных славянских князей. Это приравнивало их к российским феодалам раннеклассового типа. Местные князья, получившие такой иммунитет, опиравшиеся на силу русского оружия, считали вправе подвергать чрезмерной эксплуатации своих сородичей. Это проявление перехода к новому социальному типу эксплуатации, а значит, внутрицивилизационному вращению туземных верхов в систему формирующегося сибирского сообщества. В челобитной от 1600 г. кондинские вогулы бьют челом царю и говорят о положении соплеменников в волостях, подвластных Игичею Алачеву, следующее: «...и ныне де жены их и дети, и сестры, и братья, и племянники у князя Игичея и у его людей в их волостях служат в холопах, и живучи де у него и у людей его, с работы и с нужи, и с голоду, и с наготы, и босоты в конец погибли, и помирают нужною смертью»⁴⁸¹. Русские власти вынуждены были провести расследование, но все же изъять волости у князя не решились.

Во многом столь долгой истории правления местной династии в Коде способствовала крупная роль кодских хантов в деле присоединения Сибири. При содействии, а может быть, по инициативе князя Игичея, было завершено присоединение Пелымского княжества подчинением в 1594 г. Большой Конды, причем им были взяты в плен кондинский князь Агай и его семья⁴⁸². Им же было предпринято в 90-х гг. XVI в. несколько походов совместно с русскими в районы верхнего течения рр. Оби, Сургута и Нарыма. Особенно были незаменимы услуги, которые оказали князья Алачевы при продвижении русских в низовья р. Оби и в соседствовавшие с ней хантские княжества. В 1593 г. князь Игичей и его люди с Н.

⁴⁸¹ РИБ... Т. II, № 70, стлб. 156.

⁴⁸² Там же. № 55, стлб. 102.

Траханиотовым «на Березове город ставили». Он же ходил на обдорских хантов и подчинил их русским. После смерти его в 1607 г., «как отложился было князь Василий Обдорский» снова был послан, под командою Березовского служилого человека И. Рябова отряд кодских хантов, которые захватили в плен обдорского князя и его сына, а также его союзника, ляпинского князя Шатрова Лугуева, доставили их на Березов и привели обдорских хантов «под царскую высокую руку». Таким образом, подчинение р. Обь и ее притоков произведено было в значительной степени посредством вооруженных сил кодских князей⁴⁸³.

Первым кодским князем, признанным Москвою, был Алач. Уже при нем все кодские ханты, в узком смысле этого слова, жители первоначальной вотчины Алачевых, были служилыми в противоположность жителям присоединенных впоследствии волостей, плативших ясак. Неплатеж ясака и был отличительным признаком служилого ханта⁴⁸⁴. Главной обязанностью кодских хантов было их участие в походах, предпринимаемых русскими, и в постройке острогов. После Алача Кодское княжество наследовал его сын Игичей, по смерти которого (он умер между 1600 и 1604 гг.)⁴⁸⁵ престол перешел в руки его вдовы Анны и сына Михаила, но уже в 1606 г. двоюродный брат Игичея Онжа Юрьев добился от правительства пожалования «в Кодской земле княжеством, как брат его Игичей княжил». Это вызвало раздоры и смуту в княжеской семье, так как княгиня Анна продолжала фактически властвовать в Коде и собирать ясак с подвластных ей хантов. Вражда настолько обострилась, что в 1609 г. княгиня Анна, ее родня и Чумей Капландеев, другой двоюродный брат Игичея, подымая против

⁴⁸³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 412 об.; Оп. 1. Стлб. 203. Л. 47; СГГД... Т. II, № 148. С. 315–316.

⁴⁸⁴ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 119.

⁴⁸⁵ РИБ... Т. II, № 68, стлб. 152–153; СГГД... Т. II, № 148. С. 315–316.

русских приобских хантов и кондинских мансей, «прежде» хотел «убить князька Онжу Юрьева». Восстание против русских не удалось; княгиня Анна сидела даже одно время «за приставом» на Березове, но затем была освобождена, и княжение осталось за ее сыном – князем Михаилом⁴⁸⁶. Князь Михаил умер в 1632 г., и в том же году ему наследовал его сын Дмитрий, правнук Алача, последний кодский князь, при котором московским правительством была в 1643 г. уничтожена самостоятельность Коды. Таким образом, в течение более полувека в Коде под властью русских княжила местная династия и престол переходил от отца к сыну в древнем княжеском роде⁴⁸⁷.

В условиях внутреннего фронта представители местной знати очень быстро вошли в состав сибирской администрации и первыми из коренных жителей стали ощущать себя подданными Российского государства. Поэтому именно им поручался сбор дани с ясашных людей уже в первые годы освоения Сибири: «...а которые князьки и мурзы и лучшие люди с нашим ясаком учнут к тебе на Верхотурье приходить, и ты б у них велел нам ясак имати...и клал в нашу казну»⁴⁸⁸. С одной стороны, это явление, наряду с активной военной помощью русским в подчинении своих соседей, было своего рода пэтеновщиной – явлением социально-политическим, когда часть коренной знати переходит на службу колонизаторам и завоевателям. С другой – данное сотрудничество было взаимовыгодным как для российской администрации, так и для местной знати и являлось проявлением своего рода классовой солидарности.

В первые годы присутствия русских в Сибири некоторых инородцев, особенно представителей родовой знати, принимали на военную службу русскому царю. Обычно пленные князья и мурзы принимали христианство и притом одни из них

⁴⁸⁶ РИБ... Т. II, № 79, стлб. 172–173; СГГД... Т. II, № 148. С. 315–316; Гневушев А. М. Акты правления царя... № 61. С. 72–73; № 118. С. 374–376.

⁴⁸⁷ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 115–116.

⁴⁸⁸ Верхотурские грамоты... С. 70–71.

после крещения оставались жить в своих вотчинах, а другие переселялись в русские города и верстались в боярские дети. Так, например, в Пелыме в 1624 г. было семь боярских детей, и все они являлись выходцами из инородческих князей; такого же происхождения было несколько боярских детей в Тобольске⁴⁸⁹. Ярким свидетельством вхождения местной знати в состав Российского государства является история рода князей Пелымских (Приложение 12. Ч. I–II). Эти и другие свидетельства позволяют считать, что в условиях внутреннего сибирского фронта московское правительство активно проводило политику включения «сибирских инородцев», а особенно представителей их знати, в состав полноправных подданных Российского государства.

В целом, отношения между русскими и коренными жителями в контактных зонах внутреннего фронта были достаточно противоречивыми. С одной стороны, отношения балансировали на грани конфронтации, с другой – часть «сибирских инородцев» активно сотрудничали с русскими и лояльно относились к их присутствию в Сибири. Стоит отметить, что в Сибири наблюдалось как сотрудничество социальных верхов (представители родоплеменной верхушки и русских властей), так и мирное взаимодействие русских простолюдинов и незнатных коренных жителей, поэтому существовавшие конфликты носили не только этнический, но и классовый характер. В свою очередь, русские не стремились их уничтожить, а проводили меры, направленные на вхождение «сибирских инородцев» в состав подданных Российского государства. Специфика данных взаимоотношений заключалась в том, что, чем дольше русские находились на территории Западной Сибири, тем теснее становились контакты с автохтонным населением.

⁴⁸⁹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 309.

На отношение между воеводской властью и «сибирскими инородцами» оказывали влияние противоречия между местной властью и русскими тружениками. Универсальность функций и известная автономность действий всех основных звеньев феодальной власти в специфических условиях Сибири с ее огромной удаленностью от центра приводили к небывалому произволу и злоупотреблениям, которые сами по себе были типичны для феодальной политической структуры. Особенно отличались присылаемые из России на срок от 2-х до 6-ти лет в качестве воевод и письменных дьяков столичные чины – «служилые люди по отечеству» – князья, стольники, московские дворяне, стряпчие, чья власть была высшей инстанцией для местного населения в решении всех вопросов⁴⁹⁰.

Особенно это касалось ясачных сборов. Русские воеводы очень скоро и очень охотно усвоили практику, принятую в Сибирском ханстве, и брали в свою пользу более или менее добровольные поминки от нерусских жителей. Правительство пыталось прекратить эту практику, и уже в грамоте Бориса Годунова в Сургут от 30 августа 1601 г. прямо приказывалось воеводам, чтоб они «поминков на себя не собирали, а кто сверх ясаку принесет вам челом ударити, и вы б у них то имали и клали в нашу казну»⁴⁹¹. Стоит подчеркнуть, что воеводам и служилым людям разрешалось принимать адресованные им «поминки», но категорически запрещалось присваивать «государевы поминки». На практике же это не исполнялось, а зачастую воеводы просто вымогали у местного населения поминки, чем вызывали недовольство у коренных жителей. О справедливости этого утверждения свидетельствует тот факт, что из Мангазеи воеводские поминки, оформленные согласно

⁴⁹⁰ Крестьянство Сибири... С. 138.

⁴⁹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 76–77.

вышеприведенному наказу, были впервые посланы в Москву только в 1628 г.⁴⁹².

Механизмом пресечения данных нарушений являлась подача разного рода челобитных на представителей власти как в Tobольск, так и в Москву. Но в некоторых случаях локальные столкновения коренных жителей Сибири, миров или представителей войскового круга перерастали в масштабные конфликты с воеводской властью. Одной из причин такого варианта развития событий являлся состав населения первых сибирских острогов. Его основу составляли лично свободные люди, пассионарного склада характера, остро реагировавшие на несправедливость со стороны представителей власти.

Опыт совместных выступлений русских и аборигенов против притеснений местной власти начал формироваться уже в 80-е гг. XVI в. Так, манси неоднократно нападали на русские поселения, возникавшие на их землях. Эти нападения были связаны с притеснениями и эксплуатацией со стороны русских властей и Строгановых. Проявлением внутреннего фронта, показывающим складывание сибирского сообщества является факт того, что в вооруженных конфликтах со Строгановыми манси нашли себе союзников в лице строгановских крестьян и мелких служилых людей. Так, в конце XVI в. на строгановскую вотчину «на Чусовую и на Курью с вогуличами приходил разбоем и грабежом» некто О. Шешуков; манси, «скопясь с товарищи своими», «войною, воровством и изменою животы русских людей Максимовых с братьею (Строгановых) грабили, и лошади, и коровы, и овцы побивали, и переели, а иные с собою взяли и продавали проезжим людям, и вотчины их разоряли, варницы жечь и людей стрелять хотели». Манси действовали, как определенно сказано в документах, «сговорясь с воры», «стакався с Максимовыми (Строганова. – А.Х.) крестьяны»⁴⁹³.

⁴⁹² Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 60–61.

⁴⁹³ Там же. С. 119.

В условиях внутреннего фронта при острой нехватке людей и отсутствии сети разветвленных коммуникаций воеводская власть во многом находилась в зависимости от настроения служилых людей и посада. Местами сильные войсковые круги и посадские общины могли рассчитывать на удовлетворение своих требований во время организованных выступлений, так как в Сибири не был сформирован в условиях внутреннего фронта сильный аппарат принуждения.

Первые социальные конфликты относятся к эпохе движения И. Болотникова. Важнейшими событиями в Сибири с начала и до середины 1620-х гг. были «смуты» и «непослушание» служилых людей в Томске (1606–1608), Пелыме (1615–1618), Кузнецком остроге (1620); «воровские челобитья» и сыски о воеводах Тюмени (1615–1617), Тобольска (1622–23), Томска (1622) и Мангазеи (1625); побеги служилых людей из Березова и Кузнецкого острога (1609 и 1625)⁴⁹⁴.

Таким образом, как и в европейской части Российского государства, члены формирующегося сибирского сообщества активно боролись за свои права на самоуправление и являлись влиятельной социальной силой. Следует отметить, что представители коренного населения совместно с русскими служилыми людьми и крестьянами боролись против злоупотреблений воевод. Это свидетельствует о начале проявления гражданской позиции у автохтонных жителей уже в роли подданных Российского государства в условиях внутреннего фронта.

⁴⁹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 106 об.–107, 114 об., 116–116 об., 132–134; Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С.18, 22; РИБ... Т. II, № 83, стлб. 182–186; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 234–236; Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. М.: Наука, 1973. С. 44, 48, 54–55; Крестьянство Сибири... С. 138.

Итак, властные структуры в условиях внутреннего сибирского фронта имели ряд специфических черт. В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. взаимодействие между центром страны и периферией осуществлялось посредством специального органа – сначала Посольского, а затем и Казанского приказов. Ситуация внутреннего фронта во многом определила взаимоотношения государства с русским населением Сибири, основной спецификой которых являлось предоставление больших прав самоуправления крестьянским, посадским и служилым мирам. Общая тенденция политики, проводимой в отношении местных жителей со стороны государства, заключалась в их включении в состав полноправных подданных. В этом и проявилось коренное отличие политики Российского государства от политики США в условиях фронта, где всячески ограничивались права местного населения, что в конечном итоге привело к уничтожению его большей части. Местную власть в Сибири, основанную на дворцово-вотчинном принципе управления, так же как и по всей России, осуществляли воеводы, но во многом через выборных администраторов сословных низов. Воевода имел широкий набор прав и обязанностей для решения текущих вопросов. Только такая система управления на местах была наиболее целесообразной в связи с огромной удаленностью от центра и отсутствием разветвленной и безопасной сети транспортных коммуникаций. Параллельно с воеводами в своих ясачных волостях и родах-сеоках управляли и местные князья, поэтому существовала своеобразная система двоевластия, которая характеризовала общество внутреннего фронта. Злоупотребления воевод на местах являлись одной из основных причин возникновения социальных конфликтов, в которых совместно выступало как русское, так и коренное население Сибири, что способствовало формированию основ будущего сибирско-

го сообщества. Многие из этих конфликтов заканчивались в пользу крестьян, служилых и ясачных людей.

4.2. СИБИРСКИЙ ФРОНТИР И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Одним из основных институтов формирующегося сибирского сообщества в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. была Русская православная церковь. Именно она во многом определяла состояние духовного мира первых сибиряков. В условиях внутреннего фронта церковь являлась своеобразным духовным стержнем для первых русских на бескрайних неосвоенных просторах Сибири и претендовала на эту роль у новокрещенов.

С основанием первых русских острогов за Уралом обычно сразу же строились церкви. Первой сибирской церковью был тюменский храм Рождества Пречистой Богородицы, возникший с основанием острога. К 1600 г. в Тюмени находилось уже два храма. В документах также упоминается храм Николы Чудотворца да придел Федора Стратилата⁴⁹⁵. Помимо этого, до 1624 г. в Тюмени было построено еще три церкви⁴⁹⁶ (Приложение 15).

Столицей Сибири не только светской, но и духовной являлся Тобольск. Согласно сведениям, приведенным П.Н. Буцинским, Данило Чулков построил две церкви вместе с основанием города: одну во имя Живоначальной Троицы в самом остроге, а другую вне него во имя всемилостивейшего Спаса. К 1624 г. в остроге и за острогом было 10 церквей⁴⁹⁷ (Приложение 15).

⁴⁹⁵ РИБ... Т. II, № 48, стлб. 74.

⁴⁹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 123–144.

⁴⁹⁷ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 105–106.

В ходе дальнейшего освоения Сибири русскими в каждом новом остроге обязательно возводилась церковь. В Пелыме в 1593 г. была основана церковь Рождества Христова⁴⁹⁸, в Березове – Воскресенья Христова (1599)⁴⁹⁹, в Нарыме – Покрова Пресвятой богородицы (1610)⁵⁰⁰, в Кетском остроге – Святой Троицы (1625)⁵⁰¹. К 1594 г. относятся сведения о появлении церкви в Сургуте. В Таре в 1624 г. существовало 4 церкви⁵⁰², в Верхотурье – три церкви⁵⁰³, в Туринске – две церкви⁵⁰⁴. Первым культовым сооружением в Мангазее была церковь святой Троицы (Приложение 20)⁵⁰⁵. В последние годы первой четверти XVII в. в Мангазее построили еще одну церковь – Михаила Малеина и Макария Желтоводского⁵⁰⁶. В Томске в 1622 г. существовало две церкви⁵⁰⁷. К концу первой четверти XVII в. относится упоминание о Покровской церкви в Кузнецке⁵⁰⁸ (Приложение 15).

Основываясь на вышеприведенных фактах, можно заключить, что в условиях внутреннего фронта первые церкви в Сибири были основаны в острогах и городах, где подавляющее большинство населения составляли русские. Следовательно, в отличие от американского фронта на первом этапе освоения

⁴⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 273; Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 11. С. 342.

⁴⁹⁹ РИБ... Т. II, № 68. Ч. I, стлб. 152; № 76, стлб. 165.

⁵⁰⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 109–110.

⁵⁰¹ Буцинский П.Н. К истории Сибири... С. 26.

⁵⁰² Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 149.

⁵⁰³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 184. Д. 1. Л. 6, 13; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 10. Л. 91.

⁵⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 520; Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 1, Прил. № 37. С. 380.

⁵⁰⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 31. С. 204.

⁵⁰⁶ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазей: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1. С. 55–56.

⁵⁰⁷ Кочедамов В.И. Первые русские города... С. 100.

⁵⁰⁸ Там же. С. 104.

Сибири не было насильственного обращения местного населения в христианскую веру, а на ее территории существовала своего рода религиозная толерантность.

Помимо строительства церквей, в первые десятилетия русской колонизации Сибири в условиях внутреннего фронта активно создавались монастыри, которые имели земли и вели на них активную хозяйственную деятельность.

Согласно справедливому мнению И.Л. Маньковой, в указанный период в Западной Сибири существовало два пути возникновения монастырей. Первый – это создание обители в городе при поддержке светских властей, посадского населения и сельскохозяйственной округи. Второй – основание монастырей «сверху», то есть по инициативе областных церковных властей, чтобы включить в сферу своего влияния новые районы крестьянского освоения⁵⁰⁹.

Самым древним сибирским монастырем являлся Тобольский Знаменский мужской. Первые документальные упоминания о его деятельности относятся к 1596 г.⁵¹⁰. С момента возникновения и до 1610 г. монастырь носил название Зосимо-Савватиевского, в тот же год монастырь перенесли из-за р. Иртыш на посад в верхнюю часть Тобольска. В 1621 г. монастырь сгорел и по распоряжению архиепископа Киприана его перенесли на нижний посад за Татарские Юрты на правый берег р. Иртыш при впадении в него р. Абрамовка. На его месте по распоряжению архиепископа Киприана в 1623 г. был основан Тобольский Рождественский женский монастырь⁵¹¹.

⁵⁰⁹ Манькова И.Л. Монастыри Восточного Урала в XVII – первой четверти XVIII вв.: Социально-экономическое развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 1993. С. 9.

⁵¹⁰ ГАТот. Ф.70. Оп.1. Д.70. Л. 20–22.

⁵¹¹ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск: Изд-во Красно-

В 1604 г. к северу от города Верхотурья при впадении в р. Туру рр. Свияги и Калачика возник Верхотурский Никольский мужской монастырь. Основателем его был черный поп Иона, выходец из Пошехонья. Для постройки храма и келий Иона попросил у верхотурских воевод лесу, но получил отказ. В 1602 г. он обратился с челобитной к самому царю Борису Федоровичу, который и разрешил отпустить ему просимый лес. Воеводы дали Ионе лес взаймы с условием уплаты за него денег в известный срок. Когда монастырь был построен и Иона своевременно не уплатил долга, то воеводы решили «править на нем лес». Это заставило строителя монастыря вновь обратиться с челобитной к царю, который в своей грамоте велел верхотурским воеводам Н. Плещееву и М. Хлопову: «на попу Ионе лес не править»⁵¹².

В соседнем Туринске также в 1604 г. был основан Туринский Покровский женский монастырь⁵¹³.

В 1616 г. казанский монах Нифонт основал Тюменский Преображенский монастырь. Он был построен в северо-восточной части Тюмени, рядом с Ямской слободой на мысу поймы р. Бабарынка⁵¹⁴.

При епископе Киприане в Сибири в течение четырех лет было основано 8 монастырей. В 1620 г. возник Тарский Параскево-Пятницкий женский монастырь. В 1621 г. во время своего пребывания в Верхотурье Киприан основал Верхотурский Покровский женский монастырь при устье р. Дернейки, ниже города. Будучи в Верхотурье, Киприан послал на р. Невью соловецкого старца Серапиона с верхотурским «черным попом» Христофором и церковником Симеоном, поручив им основать там монастырь. В 1622 г. монастырь был заложен, а в

яр. ун-та, 1983. С. 18–19.

⁵¹² АИ...Т. II, № 48. С. 59.

⁵¹³ Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 32.

⁵¹⁴ Кочедамов В. И. Первые русские города... С. 88–89.

1624 г. освещен и назван Невьянским Богоявленским. В 1621 г. возник Томский Успенский мужской монастырь⁵¹⁵.

Также при Киприане появились с 1620–1624 гг. Тюменский Успенский (Ильинский) женский (1620–1624), Туринский Николаевский мужской (1624) и Тарский Спасский мужской (1624) монастыри⁵¹⁶.

В документах первой четверти XVII в. есть упоминание о существовании в 1623 г. Крестовоздвиженского женского монастыря около Енисейска⁵¹⁷.

Многие монастыри играли важную роль в социально-экономической, политико-идеологической и культурной жизни Сибири.

Сибирские монастыри выполняли важную оборонную функцию – охрану подступов к городам. Они, как правило, имели крепостные стены с башнями.

Также сибирские монастыри содействовали распространению православия среди нерусских народов и укреплению позиций правительства и церкви в присоединенном крае. Некоторые из них были специально основаны в целях распространения и упрочения христианства и являлись важными центрами христианизации «сибирских инородцев»⁵¹⁸.

Монастыри занимались активной земледельческой колонизацией края и основывали крестьянские деревни и слободы. Правительство активно использовало духовные корпорации для освоения новых районов Сибири. Не исключено, что указы, направленные на ограничение роста церковного землевладения, преследовали также цель заставить монастыри разрабатывать пустоши, расположенные на границе их владений⁵¹⁹.

⁵¹⁵ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 21.

⁵¹⁶ Там же. С. 22.

⁵¹⁷ Иверский (Христорождественский) монастырь / под ред. В.И. Царева. Красноярск: АО «БИЗНЕСПРЕССИНФОРМ», 1994. С. 6.

⁵¹⁸ Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 34–35.

⁵¹⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 481. Ч. I. Д. 1. Л. 49–50; Буцин-

В 1622 г. на р. Тавде на займище хана Кучума была основана архиерейская Тавдинская слобода. Одновременно Киприан положил начало подгородной Курдюмовской вотчине. Тобольский воевода отвел архиерейскому дому по челобитью архиепископа луг за р. Иртыш и пахотную землю за р. Курдюмкой рядом с Тобольском (53 чети в поле и сенных покосов на 400 копен)⁵²⁰.

К концу XVII в. деятельность монастырей была настолько успешной, что они вступали в конкурентную борьбу с государственной слободской администрацией за привлечение «гулящих людей», добиваясь при этом значительных успехов. По характеру своей колонизационно-хозяйственной деятельности сибирские монастыри были схожи с северо-русскими. Создание церковных вотчин проходило теми же путями, что и в других районах Российского государства.

К концу первой четверти XVII в. на территории Сибири существовало 34 церкви и 13 монастырей (Приложения 15, 16). Если принять во внимание численность русского населения в Западной Сибири, которое составляло примерно 7136 человек мужского пола (Приложение 8), то в среднем на 150 человек мужского пола приходилось одно культовое сооружение. Следовательно, правительство в первые годы освоения новых территорий в условиях внутреннего фронта в большинстве случаев поддерживало строительство церквей и монастырей в острогах или рядом с ними. Следует отметить, что деятельность церкви была больше направлена не на привлечение в

ский П.Н. Заселение Сибири... С. 105–106; Манькова И. Л. Монастыри Восточного Урала... С. 10; Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 2, Прил. № 177. С. 321–322; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. С. 179–183; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 383–384.

⁵²⁰ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 44.

свое лоно неофитов, а на сохранение своего влияния над русскими людьми на территории Сибири.

Политика московского правительства по отношению к церкви, монастырскому землевладению была двойственной и противоречивой. В центре страны, особенно с возвращением патриарха Филарета из польского плена, шла активная борьба между «священством» и «царством». До 1630-х гг. власть содействовала Русской православной церкви, а затем, видя ее успехи в деле освоения Сибири, стала ограничивать ее деятельность.

С одной стороны, государство не хотело, чтобы в Сибири в условиях неустойчивого равновесия, присущих внутреннему фронтиру, появился сильный конкурент в лице Русской православной церкви, поэтому оно стремилось всячески ограничить монастырское землевладение в Сибири. На протяжении всего XVII в. в Сибирь посылались царские грамоты, в которых монастырям запрещалось приобретать новые земли «без государева указа»⁵²¹.

С другой стороны, для русского сибирского населения церковь была единственным социальным институтом, где оно могло удовлетворять свои духовные потребности. Для правительства же Русская православная церковь являлась тем инструментом, с помощью которого возможно было проводить эффективную христианизацию аборигенного населения, способствовавшую включению его в состав полноправных граждан Российского государства. Поэтому власти вынуждены были смотреть сквозь пальцы на рост вотчин монастырей. В течение всего XVII в. в Сибирь направлялись, наряду с запретными, ограничительными предписаниями правительства, царские грамоты, жаловавшие Тобольскому архиерейскому дому и местным монастырям новые земельные владения или подтверждавшие право пользования землями, которые были

⁵²¹ Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 64.

приобретены ранее другим путем при содействии сибирской администрации.

Основными событиями для истории Русской православной церкви в Сибири в первой четверти XVII в. являлись создание Тобольской епархии и приезд в Сибирь архиепископа Киприана. Тобольская епархия была основана по инициативе патриарха Филарета, который активно лоббировал интересы церкви при дворе и ее претензии на распространение своего влияния на бескрайних просторах Сибири. К этому следует добавить, что царь Михаил Федорович во всей своей деятельности руководствовался рекомендациями отца. До 1621 г. Сибирь относилась к ведению Московской епархии. Бывший архимандрит Хутынского монастыря, находившегося вблизи Новгорода, Киприан прибыл в Тобольск 30 мая 1621 г.⁵²². С одной стороны, московское патриаршество желало ускорить процесс принятия местным населением христианства православного образца. С другой – в Сибири за почти пятидесятилетнее пребывание там русских появилось много увечных, старых, негодных к службе людей, а одной из социальных функций монастырей как раз было призрение немощных. В подтверждение данного тезиса достаточно сказать, что за два года присутствия Киприана в Сибири было основано 8 монастырей (Приложение 16), тогда как за предшествующий период только 5. Сам факт основания Тобольской епархии говорит о том, что к этому времени в Сибири существовало значительное число монастырей и церквей, следовательно, возникла необходимость объединить их в отдельную структуру. С этого момента развитие Русской православной церкви в Сибири переходит на качественно новый уровень. Духовная власть становилась серьезной силой, которую, по мнению царя и патриарха, нужно было контролировать.

⁵²² Книга записная.... С. 18.

Во многом с созданием отдельной Сибирской епархии начинается переход от внутреннего фронта к внутрицивилизационному. В духовной сфере закладываются основы формирующегося сибирского сообщества.

Церковь сыграла особую роль в распространении знаний и грамотности, а также в сохранении данных о прошлом Сибири. Согласно сведениям Г.Ф. Миллера, по приезде в Сибирь Киприан велел расспросить нескольких оставшихся в живых казаков из отряда Ермака Тимофеевича обо всех подробностях их пребывания в Сибири. Он особенно старался узнать, где у них «с погаными были бои и на тех боях кого именем из них поганили побил на бранех». Казаки принесли ему списки, в которых рассказали о своих делах и перечислили своих товарищей, убитых за отечество. Чтоб сохранить эти имена в памяти потомков, архиепископ приказал вписать их в синодик соборной церкви в Тобольске⁵²³.

На первом этапе освоения Сибири основной проблемой Русской православной церкви являлась нехватка церковнослужителей. В новых церквях и монастырях ощущался острый дефицит в попах, протопопах и дьяконах. Проблему комплектования духовенства взяло на себя государство. Оно осуществляло «прибор» духовных лиц в Сибирь. Так, в царской грамоте тюменским воеводам от 1600 г. говорится: «...да с ними же послан на Тюмень черный поп Никон, да церковный дьячок Ефтифейко Фомин с женою»⁵²⁴.

Представители церкви в Сибири в первые десятилетия получали статус государственных служащих с определенным содержанием. Им так же, как и служилым людям, выплачивались денежное и хлебное жалованье – ругу. Размеры его различались в зависимости от сана и условий назначения, но оно обязательно было достаточно высоким по сравнению с

⁵²³ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 2, С. 79.

⁵²⁴ РИБ... Т. II, № 48, стлб. 75.

окладами других служилых людей. Так, в той же грамоте от 1600 г. в Тюмень определялся следующий размер жалованья: «...а нашего денежного жалованья руги попу Никону дано на Москве на нынешней 108 год 10 рублей, а дьячку дано 4 рубли, а хлебного жалованья дали на Тюмени попу Никону 7 четьи муки ржаной, четверть круп, четверть толокна, и дьячку Ефтифейку Фомину дали б есте 5 четьи муки, осмину круп, осмину толокна»⁵²⁵. П.Н. Буцинский приводит несколько иные размеры жалованья духовных лиц: «...протопоп получал в год денег 25 рублей и разного хлеба 60 четвертей, протодьякон 15 рублей и хлеба 36 четвертей, а священники по 10 рублей и 26 четвертей хлеба»⁵²⁶. В условиях внутреннего фронта вследствие нехватки людей и удаленности от центра Российского государства, возможно, отсутствовал четко фиксированный единообразный оклад в среде церковных служащих, поэтому в зависимости от уезда и сложности службы платилось разное жалованье. В более поздний период с образованием Тобольской епархии более четко оформилась церковная структура и упорядочилась выплата ружного жалованья.

Отличительной особенностью социального положения сибирского духовенства до 1621 г. являлась их подсудность воеводскому суду. Но даже после основания в 1621 г. церковного суда при Тобольской епархии, неоднократно поступали жалобы на вмешательство воевод в духовные дела. Например, в отписке от 1624 г. тобольского воеводы Ю.Я. Сулешева туринскому воеводе С.Д. Апухтину говорилось: «...писал к государю Киприян архиепископ сибирской и тобольской; посылает де он в сибирские города детей боярских и десятильников по тех людей, до которых в духовных делах вступаютца, и за многих людей стоят неправдою и к нему не присылают, и детям боярским и десятильникам тех людей не отдают»⁵²⁷.

⁵²⁵ РИБ...Т. II, № 48, стлб. 76.

⁵²⁶ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 186.

⁵²⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири...Т. 2, Прил. № 213. С. 360–361.

Во многом это объясняется тем, что в условиях внутреннего фронта еще не произошло четкого разграничения компетенции в решении разного рода вопросов между различными инстанциями. В условиях неустойчивого равновесия решения приходилось принимать быстро, и тот институт управления, который имел больший опыт и более четко оформившуюся структуру, брал на себя инициативу⁵²⁸.

Специфические черты были присущи черному сибирскому духовенству, которое, в отличие от белого духовенства, жившего в острогах, преимущественно проживало в своих монастырях. В основном оно имело более высокие доходы, нежели представители белого духовенства, так как, помимо государева жалованья, получало доходы от принадлежащих монастырям земель, которые обрабатывали зависимые крестьяне. Например, в государственной грамоте от 1621 г. в Туринск говорится следующее: «...в Покровском монастыре черново священника Макария.... и по нашему указу велено покровскому игумену Макарию нашего жалованья руги дати 8 рублей, хлеба 8 чети ржи и овса на один на 130-й год, а старцом перед игуменом велено дати нашего денежного и хлебного жалованья в полы...»⁵²⁹.

Лица духовного сана проживали преимущественно в сибирских городах. Так, в Туринске, по сведениям дозорной книги 1624 г., лиц духовного звания было 8, а если учесть, что всего в городе проживало 202 человека мужского пола⁵³⁰, то удельная доля церковнослужителей составляет почти 4 %. К концу первой четверти XVII в. в Сибири 202 человека принадлежали к служителям церквей и монастырей, что составляло 2,8 % от всего русского населения (Приложение 8). В большинстве своем они составляли оседлое население, редко переводимое правительством из города в город, а впоследствии из их среды

⁵²⁸ Буцинский П.Н. Заселение Сибири...С.186.

⁵²⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири...Т. 2, Прил. №171. С.314.

⁵³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 596–597.

вышло много сибирских старожилов. В целом духовенство, несмотря на свою малочисленность, играло активную роль в хозяйственной и духовной жизни сибирского общества в первой четверти XVII в.

В силу отдаленности Сибири от центра Российского государства у русских сибиряков сложилось специфическое восприятие христианства, сильно отличавшееся от канонов традиционной церкви. Показательна в этом плане грамота от 1622 г. патриарха Филарета к архиепископу сибирскому Киприану о религиозном состоянии его паствы и о мерах к установлению благочестия⁵³¹. Согласно сведениям, приведенным в ней, многие крещеные там не носили крестов, не соблюдали постные дни, вступали во внебрачные половые отношения с «поганскими женами» и ближайшими родственниками, закладывали своих жен на время поездок на дальние расстояния, при этом не встречали осуждения со стороны местного духовенства. Очень часто черное духовенство проживало вместе с мирянами и «ничем от мирских людей не рознилось». Постригшиеся из прихожан во многих случаях впоследствии заводили мужей и жен. Существовала практика, когда многие служилые люди, приезжавшие с государственной денежной и соболиной казной, привозили девушек из других русских городов, вместе с ними сожительствовали, а затем продавали сибирским служилым людям.

В условиях внутреннего фронта при формировании сибирского общества еще не сложилась прочная система социальных связей, вследствие этого еще не оформилась жесткая система государственного и церковного контроля, которая воплотила бы в жизнь запреты, существовавшие в европейской части Российского государства. К тому же основную часть первых переселенцев из центральной части Российского госу-

⁵³¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 478. Ч. II. № 7. Л. 1–3.

дарства составляли пассионарии, часть из которых еще в Европейской России нарушали общепринятые устои.

Среди русских, находившихся в Сибири, было распространено чрезмерное суеверие. Например, в Томске: «...в 115 году, марта в 29 день, учинилася болезнь тяжелая бес...мь недугом в Томском городе над служивыми надо многими людьми и над женками; и им де, государь, сказали в съезжей избе Томского города служивые люди стрельцы Федька Серебренник с товарищи, что де татарин Иванка новокрещен ходит по татарским юртам ворожить, и в бубен бьет, и шейтанов призывает». Завершилась эта история тем, что «Иванка и нескольких татар посадили в тюрьму, признав виновниками болезни русских»⁵³². На территории внутреннего сибирского фронта русский человек сталкивался с новыми природными условиями и этническим окружением, его жизнь находилась в постоянной опасности, и иногда все зависело от воли случая, поэтому в его сознании жило множество суеверий и предрассудков.

В первой четверти XVII в. правительство не стремилось провести быструю поголовную христианизацию аборигенов. Следовательно, сохранялись автономия их внутренней жизни, авторитет родовой знати, атрибуты властной самоорганизации, не происходило вмешательство в семейно-брачные отношения. Терпимость верховной власти в отношении иноверия сибирских народов проявляется не только в использовании ею в юридической практике собственных норм, основанных на нехристианских верованиях (шерть), но и в запрете осквернять места языческих молений и захоронений, о чем специальной государевой грамотой велено было «заказ учредить крепкой»⁵³³. Так, например, русские крестьяне XVIII в. для возведения домов не использовали деревья с «шайтанских островов» – мест жертвоприношения коренных сибирских народов. Например,

⁵³² РИБ... Т. II, № 82, стлб. 180–181.

⁵³³ Акты, собранные в библиотеках... Т. IV, № 91. С. 215–216.

около села Наунак Каргосокского района до сих пор отчетливо выделяется высотой участок леса, который нельзя было рубить, и, по рассказам, даже пожар обходил его стороной⁵³⁴. Правда, в челобитных и воеводских грамотах иногда упоминаются случаи нарушения запрета и осквернения русскими людьми могил местного населения. Так, в 1609 г. русские казаки на территории Березовского уезда «пришед к ним (остякам. – А.Х.) могилы раскопали, и животы их поимали, и по их вере от шайтанов серебро отнимают и шайтанов грабят»⁵³⁵.

Смысл идеологической толерантности в отношении к культурно-религиозной специфике сибирских народов сходен с прагматизмом требований наказов о немедленном прекращении военных действий против аборигенов после приведения их в подданство. Единственная, открыто заявленная идеологическая мотивация действий в Сибири определялась желанием верховной власти, «чтоб сибирская земля... пространялась, а не пустела». Установка эта, с очевидностью, присутствует в провиденциалистской концепции завоевания Сибири, представленной сибирскими летописями⁵³⁶. Семантическая оппозиция терминов, характеризующих воинов московского государства и сторонников хана Кучума, присутствует в них лишь при изложении военных событий. В повествовании о событиях, происходящих «по взятии ж и по очищении всея Сибирския земли», наиболее негативным из использованных терминов, по мнению Е.П. Ковалешкиной, было слово «бусурмане», т.е. «неверные»⁵³⁷ (если учесть, что в Средние века оно не про-

⁵³⁴ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.): учеб. пособие. М.: Логос, 2001. Вып.1. С. 69.

⁵³⁵ РИБ... Т. II, № 91, стлб. 214.

⁵³⁶ Сибирские летописи, изданные Императорской Археографической комиссией / под ред. В.В. Майкова, Л.Н. Майкова. Спб.: Типография Императорской Археографической комиссии, 1907. С. 120–121.

⁵³⁷ Сибирские летописи... С.44–45; Ковалешкина Е.П. «Инородческий вопрос» в... С. 51–52.

сто обозначало конфессиональную принадлежность, но несло моральный оттенок – «грешник»). Следует добавить, что в сибирских летописях, составленных представителями духовенства, часто упоминается термин «поганые», который использовался в идеологических целях для обоснования правомерности распространения христианства среди аборигенов. Светским же властям было достаточно заявления о лояльности к ним со стороны коренного населения, даже без принятия православия. Это во многом способствовало появлению религиозной толерантности, так как «иноземцы» становились «своими» для российской государственной власти независимо от их религиозной принадлежности.

Несмотря на все отклонения в нравственном поведении первых русских в Сибири, основу их мировоззрения составляло православное христианство. В отличие от американских колонизаторов, для православных сибиряков существовал некий моральный запрет на уничтожение себе подобных людей, к которым в сознании русского человека относились и коренные жители Сибири. В основном русские убивали местных сибирских жителей в случаях самообороны при попытке последних вытеснить их из Сибири, но не пытались их полностью уничтожить с целью захвата их земли, так как считали это аморальным поступком. Более того, русские люди проявляли интерес к культуре автохтонных жителей и заимствовали элементы их обрядов. В последующие периоды среди костюмов, используемых русскими в святочных ряжениях, встречаются наряды остяков: «иногда вдруг во время праздника появлялся колдун или шаман в тангутском платье с бубном руках»⁵³⁸.

⁵³⁸ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX вв.: учеб. пособие. М.: Логос, 2002. Вып.2. С. 84.

На местах, благодаря активности некоторых монастырей, проводилась христианизация аборигенного населения. Знать же относительно добровольно и больше из политических соображений принимала христианство в Москве или в сибирских острогах. Так, например, поступали Анастасия, жена Алача, и ее родственница Анна Пуртиева, Игичей Алачев⁵³⁹.

Особый случай для истории Русской православной церкви в Сибири произошел в 1599 г.: «Били нам челом новокрещены коцкая княгиня князь Игичеева, мать Алачева Настасья, да князь Игичеев сын князь Петр, чтоб нам их пожаловати, велети у них в Сибири, в их вотчине в Коде, устроити наше богомолье храм со всем церковным строеньем... и мы князя Игичея с матерью и с сыном пожаловали, велели в их вотчине в Коде устроити наше богомолье храм во имя Живоначальной Троицы да придел Чудотворца Николая»⁵⁴⁰.

Во многом христианская вера автохтонной знати была поверхностной и принималась только из меркантильных соображений. Например, священник кодской церкви в 1608 г. о состоянии паствы писал следующее: «Князь Дмитрий и с матерью, и с людьми своими новокрещенные живут в Сибири в своих вотчинах меж остяков в православной христианской вере некрепко, к проклятым шайтанам мольбу прилагают и в скверное их требище бесовское шайтану в дар платье и лошадей дают, и люди же его из пищалей на церквах по крестам стреляют». Князя Дмитрия обвиняли даже в том, что он отдал женку шайтанщику к шайтану: его отец, во всяком случае, держал при себе шамана⁵⁴¹.

Храм в Кодской волости существовал недолго. После попытки восстания, когда кодская княгиня была взята в аманаты, игумен Евстратий был переведен в Березовский острог вме-

⁵³⁹ Бахрушин С. В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 118.

⁵⁴⁰ РИБ... Т. II, № 68, ч. I, стлб. 152.

⁵⁴¹ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 118.

сте «с образами, книгами и всяким церковным строением»⁵⁴² (Приложение 15).

Этот факт иллюстрирует ситуацию внутреннего сибирского фронта. С одной стороны, коренные жители, а особенно представители знати, начинают быстро приобщаться к мировоззренческим ценностям русских и их культуры. С другой – подобные нововведения естественно являлись поверхностными и не укрепились в самосознании рядовых аборигенов.

В 1628 г. в Кодском княжестве, насчитывавшем 600 человек мужского пола, только 10 человек новокрещены, и это были исключительно дворовые люди самого князя⁵⁴³.

Во многом отрицательное отношение коренного населения к монастырям было вызвано их активной деятельностью по расширению своего вотчинного хозяйства. Подобно монастырям Русского Севера, сибирские монастыри также часто практиковали захваты земли, принадлежавшей местному ясачному населению. Так, Тобольский Знаменский монастырь часть своих земель приобрел путем вытеснения в 20-х гг. XVII в. изпод Бегишевых гор татар⁵⁴⁴. Правда, аналогичным образом он поступал с землями русских крестьян.

Итак, в рамках деятельности Русской православной церкви в Сибири в последней трети XVI – первой четверти XVII вв. были основаны церкви и монастыри, что позволило открыть Тобольскую епархию. Среди первых русских в Сибири господствующим являлось православное христианское мировоззрение, правда, языческая составляющая у них проявлялась особенно отчетливо. Поведение значительной части русских в условиях внутреннего фронта отклонялось от соблюдения христианских обрядов и традиций, существовавших в центральной части Российского государства. Следова-

⁵⁴² РИБ... № 79, стлб. 172.

⁵⁴³ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3, ч. 2. С. 118.

⁵⁴⁴ Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 119.

тельно, основной задачей Русской православной церкви было сохранение православной веры и культурных традиций среди первых сибиряков. Отличительной чертой в идеологической политике Российского государства являлась религиозная терпимость к традициям «сибирских инородцев». В условиях формирования сибирского сообщества церковь не имела такого влияния на светскую власть, какое наблюдалось в центральной части страны. Тем не менее там, где строились первые остроги, почти всегда можно было увидеть присутствие Русской православной церкви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методология современной исторической науки предполагает сочетание формационной парадигмы с цивилизационным подходом, что дает возможность рассматривать процесс сибирской колонизации последней трети XVI – первой четверти XVII вв. как процесс разноуровневых отношений фронта, возникающих при встрече цивилизаций. Фронт справедливо трактуется как зоны экономического, социального, политического и культурного взаимодействия пришлого населения с местными народами, в результате которого происходит становление **нового нередко локального сообщества**. Колонизация же – это прежде всего процессы заселения и освоения, включающие в себя в первую очередь межэтническое взаимодействие, а также административное вхождение новой территории в состав государства. Если использовать многоуровневое понятие «фронт», подразумевающее существование внешней, внутренней и внутрицивилизационной стадий, то в определенной мере сквозь призму фронта просматриваются ранее ускользавшие от историков отдельные аспекты начального взаимодействия цивилизаций в Сибири. Причем в этой концепции «сибирского фронта» теоретически стадии следуют одна за другой, но конкретно-исторически в разных районах Западной и Центральной Сибири они протекали не разновременно и дистадально, а синхронно.

В освоении русскими Сибири изучаемого периода можно выделить три территориальных направления (секции) фронта – северо-восточное, восточное и юго-восточное.

На северо-востоке первые спорадические проявления внешнего фронта относятся ко второй половине XV – началу XVI вв., но полную силу они набрали в 70-е гг. XVI в. – с появлением первых постоянных русских поселений за Уралом – и завершились выходом царского указа 1620 г., запре-

тившего движение вдоль побережья Сибири Северным морским ходом.

На востоке и юго-востоке хронологические рамки первой волны внешнего фронта определяются 1581–1621 гг., т.е. от начала похода Ермака в Сибирь до строительства Мелесского острога.

В контексте внешнего фронта можно выделить три основных типа взаимодействия между пришельцами и коренными жителями – сотрудничество, конфронтация и даннические отношения. Если на северо-востоке в большей мере преобладало сотрудничество между русскими и инородцами, в основном существовавшее в форме меновой торговли, то на юго-востоке и востоке – конфронтация, вплоть до вооруженных столкновений, и даннические отношения в виде архаической платы за существование, но отличные от типа централизованного налога-ренты, что, безусловно, замедлило расширение внешнего фронта.

Внутренний же фронт – процесс огосударствления контактных зон и чисто аборигенных территорий, в ходе которого идут взаимодействие и взаимовлияние различных хозяйственно-культурных типов и разных этносов.

Огромные пространства Сибири, где расстояния между крупными русскими поселениями измерялись сотнями километров, предопределили тот факт, что для русских за Уралом отношения внутреннего фронта затянулись не на десятки, а на сотни лет. Следовательно, одновременно с факторами внутреннего фронта где-то оставались или воспроизводились районы внешнего фронта.

Разные отрасли и степень их хозяйственного развития определяли уровень проявления стадий фронта. В данный период отношения внешнего фронта были связаны с ведущей ролью пушного промысла, ибо именно желание добыть «мягкую рухлядь» являлось мощным побудительным стиму-

лом для русских к проникновению и деятельности в Сибири. Специфическая ситуация неустойчивого равновесия, сложившаяся на территории внутреннего фронта, приводила к известному взаимовыгодному балансу интересов государства и частных лиц, что способствовало развитию обычного для традиционного общества социального партнерства.

В отличие от пушного промысла, носившего экстенсивный и предельно динамичный характер, в условиях внутреннего фронта, иную роль играло земледелие, обусловившее переход сибирского общества во внутрицивилизационную стадию. Знаковой являлась практика привлечения на государеву сибирскую пашню западносибирского местного населения. При этом важно отметить, что «сибирские инородцы» не ставились в жесткие рамки плантаторского хозяйства, а выступали хозяйственно самостоятельными единицами. Это способствовало плодотворным хозяйственно-бытовым контактам в области агротехники, номенклатуре посевных культур и в конечном счете метисации и ассимиляции.

При слабом развитии ремесла торговля являлась сферой обмена между зонами внутреннего сибирского фронта и Европейской Россией. При этом обусловившая внутрицивилизационные связи на уровне менового торгога, торговля между автохтонными жителями и русскими в Сибири в большинстве случаев переходила во взаимозависимость их хозяйственно-культурных типов.

Географическая и этнонациональная пестрота пришлого и русского населения, диспропорции полов в пользу мужчин и общая малочисленность русских создавали питательную почву для метисации, выражавшуюся в заключении браков с «сибирскими инородцами», а также смешанных браков между выходцами из разных российских районов и иностранцами, что в конечном итоге создало подпочву для образования будущего нового сообщества сибиряков.

Очень сложная сословно-социальная структура общества, формировавшаяся в специфических условиях восточной окраины, – еще одна особенность сибирского фронта. Здесь в наименьшей степени проявился перенос из центра принципа жесткого обособления сословий, их прикрепления к определенным родам деятельности и месту жительства. Практически все служилые люди активно занимались в различных сферах производительным трудом и торговлей. Они, а также трудовое население, включая сибирских инородцев, через казачьи круги, сельские и городские общины обладали на низовом уровне властными и хозяйственными функциями вплоть до отказа коронным властям от воеводства и прямой апелляции к верховной власти.

В имущественных и сословных отношениях стиралась жесткая зависимость от происхождения и местничества, а положение людей определялось их личными качествами, что обуславливало интенсивную социальную вертикальную и горизонтальную мобильность.

Отличительной особенностью сибирского фронта являлась органичная интеграция инородческого населения в состав Российского государства, а не его тотальное уничтожение, которое имело место в ходе колонизации просторов Северной Америки. Ведь в последние годы первой четверти XVII в. чуть меньше 9/10 населения Западной Сибири составляли коренные жители, которые, приобщаясь к новым формам хозяйственных занятий, получали гражданский статус и являлись субъектами гражданского и публичного права, а новокрещены и племенная знать входили в число местных представителей коронной власти на местах.

В Сибири складывались идеальные условия для формирования из исходного человеческого материала иного в региональном плане сообщества, позже самоидентифицировавшегося как сибиряки с некоторыми особыми чертами характера и ментальности.

Управленческая структура Сибири через Посольский приказ, а затем, когда сложились основные институты, отвечавшие за взаимодействия центра и окраин, Казанский приказ оказала существенное влияние на стадии сибирского фронта. Переход от внутреннего фронта к внутрицивилизационному ознаменовался созданием Сибирского приказа, когда Сибирь стала восприниматься как естественное продолжение территории Российского государства – государева вотчина, на которую распространялись старофеодальные принципы управления дворцово-вотчинным хозяйством. В условиях нехватки людей для освоения новых территорий и относительной слабости местной власти государство было вынуждено тесно сотрудничать с мирами города и деревни идти им в ряде вопросов на уступки. Следовательно, изначально в Сибири складывались развитые формы социального партнерства. Это вносило свои коррективы во внутренний фронт.

Взаимоотношения центральной власти с «сибирскими инородцами» в условиях фронта складывались в трех плоскостях: в процессе распространения русской власти на новые территории, в ясачных отношениях и в осуществлении публичных функций.

Москва пыталась действовать при условии признания власти «белого царя» с общих позиций патернализма, харизматичности, подчеркнутой законности и справедливости своих властных функций.

Когда присутствие русских было минимальным на территории Западной Сибири, со стороны местного населения наблюдались попытки отвергнуть власть московского государя, что характеризовало переход от внешнего к внутреннему фронтиру. Взимание ясака, определявшее взаимоотношения Российского государства с «сибирскими инородцами», противоречиво влияло на их поведение. В ясачной политике сочетались как меры, направленные на защиту ясачных людей от

разного рода притеснений, так карательные репрессии в случае уклонения от выплаты ясака. Но уже последние годы первой четверти XVII в. вследствие осознания коренными жителями положительных аспектов цивилизационного влияния со стороны колонистов количество вооруженных столкновений уменьшилось. К тому же и сама традиционно гибкая политика центральной власти по отношению к автохтонному населению, предусматривавшая включение «сибирских инородцев» в состав полноправных подданных, давала свои плоды. Так, многие местные князья сохранили свое привилегированное положение и получили защиту своих прав со стороны местных русских властей, а часть из них стала служилыми людьми «по отечеству» и «по прибору».

Воспроизводство системы духовных ценностей и ментальности русского народа на востоке от Урала осуществлялось, с одной стороны, снизу через переселенцев, а с другой – с различной степенью активности светскими и особенно духовными властями.

Опасение лишиться части доходов вызывало в начале XVII в. сдержанное отношение центральной власти к активному распространению деятельности Русской православной церкви в Сибири и конфессионально-корпоративного землевладения. Но несмотря на это, сибирские обыватели, светские и духовные власти обеспечивали устойчивые контакты и взаимопроникновение русской православной культуры (по Ф. Тернеру, цивилизации) и культуры трайбалистского типа (по Ф. Тернеру, дикости).

При соприкосновении разного типа сообществ не было насильственного втягивания и насаждения системы духовных ценностей колонистов через жесткую христианизацию, а присутствовала веротерпимость, которая закладывала основу взаимодействия разнотипных культур. Хотя некоторые «сибирские инородцы» принимали христианство и становились

новокрещенами, но вера их была непрочной, и во многом они совершали крещение для получения каких-либо привилегий. Также и большинство русских, проживавших в Сибири, были менее религиозны, чем жители центральной части страны, и чаще нарушали церковные запреты и православную обрядность, демонстрируя языческое православие в условиях огромной зависимости от природной среды.

Формирование нового сообщества проявилось не только в русско-инородческих отношениях, но и в междивизиональном общении между русскими и иностранцами из стран Западной и Северной Европы. Только последнее имело место на просторах Северной Америки, и именно на его основе там сформировалось общество нового типа.

В целом, сибирский фронт имел более сложный характер, нежели американский, так как был обусловлен разноуровневыми явлениями, происходившими синхронно. На стадии внешнего фронта ведущую роль играла торговля между русскими и коренными жителями Сибири. В условиях внутреннего фронта происходило включение «сибирских иностранцев» в государственное поле в условиях религиозной веротерпимости через изменения их хозяйственно-культурного типа. На стадии внутривизионального фронта автохтонные жители полностью приобретали статус полноправных подданных Российского государства. Именно эти стадийные особенности являются стержнем понятия «сибирский фронт». Предложенная работа дает основания считать, что основные тенденции, присущие сибирскому фронту, формировались еще со времен Древней Руси, а затем в XV – XVI вв. на Оке, в Поволжье, Перми Великой, где закладывались основы русского фронта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов

Ф. 199 (Портфели Миллера). Оп. 1. Портф. 130. Д. 11. Л. 3; Оп. 2. Портф. 184. Д. 1. Л. 6, 13; Оп. 2. Портф. 477. Ч. I. Д. 1. Л. 10; Оп. 2. Портф. 478. Ч. I. Д. 3. Л. 1–3, Д. 15. Л. 1–2, Д. 18. Л. 4; Оп. 2. Портф. 478. Ч. II. Д. 7. Л. 1–3, Д. 11. Л. 1об., Д. 18. Л. 1–4; Оп. 2. Портф. 481. Ч. I. Д. 1. Л. 49–50, Д. 5. Л. 40; Оп. 2. Портф. 541. Д. 1. Л. 2.

Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 1. Л. 1–6, 24–31, 105–108, 113, 262–319; Оп. 1. Кн. 2. Л. 76–77, 80 об., 96–97, 100–103 об., 109–110, 131 об.–132, 136, 184 об.; Оп. 1. Кн. 5. Л. 34–46, 123–144, 185, 245–281, 273, 299–410, 451–539, 552, 575–586, 596–597; Оп. 1. Кн. 6. Л. 57, 107, 114 об., 116–116 об., 412 об.; Оп. 1. Кн. 10. Л. 2–51, 83–110; Оп. 1. Кн. 11. Л. 3, 7–11 об., 79, 195, 214–222, 231–283, 470–477, 488–489, 496–497; Оп. 1. Кн. 14. Л. 52–61; Оп. 1. Кн. 19. Л. 371–402, 424–447, 486–496, 521–528, 532–556, 581–624, 646–676, 682–712, 735–767, 784–812, 913–927; Оп. 1. Кн. 22. Л. 303–375, 406–427, 432–452, 643–675, 704–749, 752–767, 771–793, 805–810, 821–836, 850–872; Оп. 1. Кн. 28. Л. 5–48; Оп. 1. Кн. 57. Л. 253–256; Оп. 1. Кн. 131. Л. 139 об., 143 об., 152 об., 153 об.; Оп. 1. Кн. 141. Л. 173 об.; Оп. 1. Кн. 157. Л. 36–37; Оп. 1. Кн. 295. Л. 402–402 об.; Оп. 1. Кн. 458. Л. 117; Оп. 1. Кн. 925. Л. 58–78; Оп. 1. Кн. 1207. Л. 236–304; Оп. 1. Стлб. 12. Л. 342–344; Оп. 1. Стлб. 18. Л. 71; Оп. 1. Стлб. 19. Л. 54–96; Оп. 1. Стлб. 139. Л. 142–144; Оп. 1. Стлб. 189. Л. 144; Оп. 1. Стлб. 203. Л. 47; Оп. 1. Стлб. 886. Л. 134–151, Оп. 5. Д. 642. Л. 1–2 об.

Ф. 248 (Сенат и его учереждения). Оп. 126. Д. 2795. Л. 272–284, Д. 6500. Ч. II. Л. 203.

Ф. 1111 (Верхотурская приказная изба). Оп. 2. Стлб. 10. Л. 22–36.

**Российский государственный исторический архив
в г. Санкт-Петербурге**

Ф. 1343 (Департамент герольдии). Оп. 20. Д. 3120. Л. 1, 4, 6 об., 81.

**Государственный архив Тюменской области
в г. Тобольске**

Ф. 70 (Тобольский Знаменский монастырь). Оп. 1. Д. 1. Л. 86, Д. 9. Л. 72–73, Д. 70. Л. 20–22, Д. 86. Л. 14.

Опубликованные источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук / под ред. И. Григоровича. Спб.: Типография II Отделения с. е. и. в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613 гг.). 420 с.

2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук / под ред. М. Коркунова. Спб.: Типография II Отделения с. е. и. в. канцелярии, 1841. Т. III (1613–1645). 457 с.

3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. ДОп. изд. Спб.: Типография II Отделения С. е. и. в. канцелярии, 1836. Т. IV. 621 с.

4. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: в 2 т. Иркутск: Крайгиз, 1932. Т. 1. 368 с.

5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Л. Ю. В. Готье; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л.: ОГИЗ, 1937. 308 с.

6. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. / сост. Е.Н. Ошанина; отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. Вып. I–II. 298 с.

7. Гневушев А.М. Акты правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 17 июля 1610). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. 421 с.

8. Город у Красного яра (Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв.) / сост. и ред. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Книжное издательство, 1981. 280 с.

9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук. ДОп. изд. / под ред. М. Коркунова. Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. Т. IV. 448 с.

10. Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук. ДОп. изд. / под ред. Н. Калачева. Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. Т. VIII. 367 с.

11. Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. 115 с.

12. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (1581–1604 гг.) / под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина. Спб.: Типография В.С. Балашова, 1883. Т. II. 497 с.

13. Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 155 с.

14. Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Д.Я. Резун. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 190 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Спб., 1830. Т. III. 1034 с.

16. Приложения // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Книжное издательство Коми филиал, АН СССР, 1958. Вып. 4. С. 253–272.

17. Приложения // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т.1. С. 324–451.

18. Приложения // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2. С. 173–637.

19. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II. 1228 с.

20. Сибирские летописи, изданные императорской Археографической комиссией / под ред. В.В. Майкова, Л.Н. Майкова. Спб.: Типография Императорской Археографической комиссии, 1907. 456 с.

21. Собрание государственных грамот и договоров / под ред. А.Ф. Малиновского. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II. 612 с.

22. Титов А. Сибирь в XVII веке: сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М.: Типография Л. и А. Снегиревых, 1890. 250 с.

23. Фольклор Русского Устья / отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. 384 с.

Картографические источники

1. Карта И. Массы 1604 г. // История Красноярского края в географических картах. URL: <http://pics.livejournal.com/kraevushka/pic/000a38pk>

2. Карта Сибири XVI–XVII вв. (до 1618 г.) / сост К.Н. Сербина // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1.

3. Карта Сибири первой половины XVII в. / сост К.Н. Сербина // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2.

Отечественная литература

1. Абдыкалыков А.Н. Енисейские киргизы в XVII веке: исторический очерк. Фрунзе: Илим, 1968. 138 с.

2. Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт: сб. ст. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2. С. 29–35.
3. Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М.: Аспект-пресс, 2005. 330 с.
4. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / под ред. В.В. Алексеева, Е.В. Алексеева, К.И. Зубкова, И.В. Побережникова. М.: Наука, 2004. 600 с.
5. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
6. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
7. Алексеев А.И. Освоения русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М.: Наука, 1982. 278 с.
8. Американский и сибирский фронт: сб. ст. / отв. ред. М.Я. Пелипась. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2. 304 с.
9. Американские исследования в Сибири: сб. ст. / отв. ред. М.Я. Пелипась. Томск: ТГУ, 1990. Вып.1. 269 с.
10. Андриевич В.К. История Сибири: в 2 ч. Спб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1889. Ч. 1: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. 220 с.
11. Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII первой половине XVIII вв. Фрунзе: Киргизстан, 1966. 92 с.
12. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. Спб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. 612 с.
13. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3 ч. 1. 376 с.
14. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. 298 с.

15. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 258 с.

16. Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. 136 с.

17. Белаш Н.Ю. Образ фронта в США и России // Американский и сибирский фронт: сб. ст. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2. С. 37–44.

18. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. М.: Мортранс, 1956. Т. 1: Арктические плавания с древнейших времён до середины XIX века. 592 с.

19. Белов М.И. Мангазея. Л.: Гидрометеиздат, 1969. 127 с.

20. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1. 163 с.

21. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв.: в 2 ч. М.: Наука, 1981. Ч. 2. 147 с.

22. Белов М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Наука, 1972. С. 86–106.

23. Берг Л.С. История русских географических открытий. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.

24. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 1725–1742. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 380 с.

25. Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57–74.

26. Бояршинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1957. Т. 136. С. 67–98. Серия историко-филологическая.

27. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения): спецкурс по истории народов Сибири для студентов заочников исторического факультета университета. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. 151 с.

28. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1950. Т. 112. С. 23–210. Серия историко-филологическая.

29. Бояршинова З.Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи // Проблемы истории советского общества Сибири: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1970. Вып. 2. С. 75–83.

30. Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию города Томска) // Томску 375 лет: сб. ст. Томск: Изд-во Томского университета, 1979. С. 11–21.

31. Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян Сибири (XVIII – первая четверть XIX века) // Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. Томск: ТГУ, 1964. Т. 177. Вып. 1. С. 44–56. Серия историческая.

32. Бояршинова З.Я. Ранние страницы истории Кузнецкого города // Новокузнецк в прошлом и настоящем: материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка: сб. ст. Новокузнецк: Книжное издательство, 1971. С. 12–25.

33. Бродников А.А. Енисейск в XVII веке. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. 143 с.

34. Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. 1972. № 5. С. 61–81.

35. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.

36. Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. 296 с.

37. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889. 345 с.

38. Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. 28 с.

39. Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. 66 с.

40. Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. Красноярск: Тренд, 2008. 159 с.

41. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. 248 с.

42. Быконя Г.Ф. К вопросу о народной монархии в России в XVI–XVII вв. // Проблемы демократии: история и современность: материалы научной конференции с международным участием: сб. ст. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2006. С. 113–118.

43. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. 415 с.

44. Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв.: материалы к спецкурсу и спецматериалы. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1979. 100 с.

45. Быконя Г.Ф. Проблемы поземельных отношений русского населения Сибири XVII–XVIII вв. в советской историографии // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири. Красноярск, 1976. Вып.1.

46. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 299 с.

47. Быконя Г.Ф., Журов Ю.В. Творческий путь сибирского историка (П.Н. Павлов. 1921–1974) // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.): сб. ст. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1976. Вып. 1. С. 153–161.

48. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998. 204 с.

49. Визе В.Ю. История исследований Советской Арктики. Архангельск: Совкрайгиз, 1935. 156 с.

50. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII века. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.

51. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.

52. Вилков О.Н. Ушаковы Иван и Алексей Ивановичи // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Наука, 1998. Т. IV, Кн. II. С. 45–46.

53. Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1984. 232 с.

54. Газенвинкель К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах и острогах с их основания до начала XVII века // Приложение к календарю Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск: Тобольская губернская типография, 1892. С. 38–44.

55. Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII века. Казань: Типография императорского университета, 1892. 72 с.

56. Гапеев В. Туруханск. Как все начиналось? // Красноярский регион. 2007. № 2. Июнь. С. 3.

57. Гневушев А.М. Сибирские города в Смутное время. Киев, 1914. 121 с.

58. Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межнациональной коммуникации (XVII – начало XXI вв.). Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 226 с.

59. Громыко М.М. П.Н. Павлов. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. 410 С. // Известия Сибирского отделения АН СССР: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1974. № 1, вып. 1. С. 125–127. Серия общественных наук.

60. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки по русской истории. М.: Дрофа, 1996. 352 с.

61. Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002. 208 с.

62. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55: Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 621 с.

63. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху: в 2 ч. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. Ч. 1. 196 с.

64. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–88.

65. Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1913. 126 с.

66. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1914. 133 с.

67. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск: СО РАН, 2009. 444 с.

68. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо–востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. 320 с.

69. Иверский (Христорождественский) монастырь / под ред. В.И. Царева. Красноярск: АО «БИЗНЕСПРЕССИНФОРМ», 1994. 64 с.

70. История казачества Азиатской России (XVI – первая половина XIX вв.): в 3 т. / под ред. Н.А. Миненко, И.В. Побережникова, А.Р. Ивонина. Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 1995. Т.1. 318 с.

71. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. / отв. ред. тома А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. 538 с.

72. История крестьянства СССР до великой социалистической революции. М.: Наука, 1987. Т.2. 560 с.

73. История Хакасии с древнейших времён до 1917 г. / отв. ред. Л.Р. Кызласов. М.: Наука, 1993. 525 с.

74. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 4 Кн. Репринт. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. Кн. 3 (Т.VII–IX). 544 с.

75. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. Репринт. М.: АСТ, 2000. Кн.1. 1056 с.

76. Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 326 с.

77. Колонизация / В.Я. Петрухин // *Советский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 610.

78. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке: земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965. 298 с.

79. Копылов Д.И. Итоги развития мануфактурной промышленности Сибири в XVIII в. структура, экономический строй) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1.

80. Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): сб. ст. М.: Наука, 1973. С. 37–59.

81. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977. 190 с.

82. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.

83. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 270 с.

84. Ламин В.А., Резун Д.Я. Предисловие // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып. 1. С. 3–7.

85. Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён и до 1917 года. М.: Мысль, 1971. 516 с.

86. Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 240 с.

87. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Репринт. СПб.: Лань, 2000. 323 с.

88. Любавский М.К. Обзор русской колонизации с древнейших времён до XX века. М.: МГУ, 1996. 682 с.

89. Люцидарская А.А. К вопросу о роли служилого населения в развитии города Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1972. Ч. 2. С.12–23.

90. Люцидарская А.А. Промышленное развитие города Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири. Экономика, управле-

ние и культура городов Сибири в досоветский период: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1974. С. 60–75.

91. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1. 630 с.

92. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2. 796 с.

93. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2005. Т. 3. 598 с.

94. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т.1. 547 С.

95. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические социально-экономические отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Книжное изд-во, 1996. 400 с.

96. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. 144 с.

97. Никитин Н.И. Русские землепроходцы в Сибири. М.: Знание, 1988. 64 с.

98. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1988. 256 с.

99. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: Очерки истории и историографии / Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Д.Я. Раев, Д.Я. Резун, И.Р. Соколовский, Е.Н. Туманик. Новосибирск: Сова, 2006. 227 с.

100. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1895. Ч. 1. 428 с.

101. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1897. Ч. 2. 162 с.

102. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1900. Ч. 3. 394 с.

103. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1901. Ч. 4. 287 с.
104. Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. 223 с.
105. Олейников Д.И. Фронтир и колонизация [Электронный ресурс]. URL: <http://mion.sgu.ru/empires/docs/Frontier-colonization1.doc>
106. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 278 с.
107. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1972. 239 с.
108. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1974. 411 с.
109. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Репринт / С.Ф. Платонов. СПб.: Кристалл, 1997. 838 с.
110. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1951. 208 с.
111. Потанин Г.Н. Областная тенденция в Сибири. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
112. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Наука, 1953. 442 с.
113. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1957. 307 с.
114. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 303 с.
115. Преображенский А.А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 382–397.
116. Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI – середина XVII вв.) // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 77–89.
117. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 392 с.

118. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 143–163.

119. Рахимов Р.Н. Башкирия юго-восточный фронт России [Электронный ресурс]. URL: www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=393

120. Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII веке // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып.1. С. 8–24.

121. Резун Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX вв.: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1981. С. 35–57.

122. Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 2001. Вып.1. С. 29–54.

123. Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1982. 224 с.

124. Резун Д.Я. Предисловие // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 3. С. 3–11.

125. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.

126. Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск: ТГУ, 2009. С. 106–126.

127. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–124.

128. Скалон В.Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951. 200 с.

129. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири: в 2 кн. М.: Типография А. Семина при императорской Медико-хирургической Академии, 1838. Кн. 1: С 1585 до 1742 года. 592 с.

130. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Сова, 2004. 212 с.

131. Солодкин Я.Г. О становлении воеводской системы управления Сибири // Тезисы докладов и сообщений IV Региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города Нижневартовска. Нижневартовск: Книжное издательство, 2001. С. 67–71.

132. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. 640 с.

133. Трайбализм // Большая советская энциклопедия. Интернет-вариант. Доступ свободный. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00080/08000.htm>

134. Туруханск северная вотчина государства российского / под ред. Я.П. Логинова, Е.Е. Мутовина. Красноярск: Книжное издательство, 2004. 207 с.

135. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 294 с.

136. Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания Сибирской земли российским оружием. Спб.: Типография при Императорской Академии наук, 1774. 634 с.

137. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.С. Мамсик. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып.1. 114 с.

138. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2002. Вып. 2. 94 с.

139. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2003. Вып.3. 128 с.

140. Хромых А.С. История становления теории сибирского фронта в работах отечественных ученых // История образования и науки в Сибири: материалы всероссийских научных конференций с международным участием «История науки и образования» и «Значение

исторического образования в развитии гражданского и патриотического сознания в современном российском обществе». Красноярск, 2009. Вып. 3. С. 239–244.

141. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов III Региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2009. С. 108–114.

142. Хромых А.С. Особенности формирования сибирского субэтнуса в контексте фронта (конец XVI – первая четверть XVII вв.) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск: ИПК КГПУ, 2007. Вып. 3. С. 189–199.

143. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. Вып. 23. 2008. № 5 (106). С. 106–112.

144. Хромых А.С. Сибирский фронт в конце XVI – первой четверти XVII века // Материалы международной конференции «Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». Томск: ТГПУ, 2008. Ч. 1. С. 253–261.

145. Хромых А.С. Особенности внешнего фронта на юге Центральной Сибири // Мартыановские краеведческие чтения. Красноярск: ИПК КГПУ, 2008. С. 275–281.

146. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – XX вв.): учеб. пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 1. 184 с.

147. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: учеб. пособие. М.: Логос, 2002. Вып. 2. 160 с.

148. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

149. Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. Вып.3. С. 101–118.

150. Шорохов Л.П. Возникновение монастырских вотчин в Восточной Сибири // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. М.: Наука, 1973. С. 148–163.
151. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. 164 с.
152. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с.
153. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 431 с.
154. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 226 с.
155. Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения: собр. соч. Спб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 31–55.
156. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882. Репринт. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.
157. Черносвитов П.Ю. Русская колонизация Севера: становление и разрушение генофондов культуры // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX веке (историко-археологические исследования). Владивосток: ДВО РАН, 1994. Т. 1. С. 32–45.
158. Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2007. 336 с.
159. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1990. 189 с.
160. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.
161. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Спб.: Типография И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Диссертации

1. Добрыднев В.А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI – начало XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2003. 282 с.

2. Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Курган. гос. ун-т. Курган, 2004. 262 с.

3. Мыглан В.С. Влияние климатических изменений на социальные и природные процессы в Сибири в XVII – первой половине XIX вв. по историческим и дендрохронологическим данным: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2005. 202 с.

4. Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нижневар. гос. пед. ин-т. Нижневартовск, 2002. 185 с.

Авторефераты

1. Манькова И.Л. Монастыри Восточного Урала в XVII – первой четверти XVIII вв.: Социально–экономическое развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Уральск. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 1993. 19 с.

2. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2000. 25 с.

Зарубежная литература

1. Billington R.A. The American Frontier. Wash., 1965. 520 p.

2. Billington R.A. Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher. N.Y., 1973. 599 p.

3. Billington R.A., Ridge M. Westward Expansion: A History of the American Frontier. N.Y., 1982. 397 p.
4. Clart T.D. Frontier America: The Story of the Westward Movement. N.Y., 1959. 473 p.
5. Lantzeff G.V., Pierce R. A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal; London: McGill Queen's Press, 1973. 276 p.
6. Lantzeff G.V. Siberia in the Seventeenth Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley and Los Angeles : Univ. of California press, 1943. 203 p.
7. Limerick P. N. Trails: Towards a New Western History. Lawrence, 1991. 351 p.
8. Sumner B.H. Survey of Russian History. New York: Harcourt Brace, 1947. 188 p.
9. Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays. Yale Univ. Press, 1998. 255 p.
10. Roger D.P. A Geopolitical study of Russia and United States // Russian Review. 1941. Vol.1, issue 1 Nov. P. 6–19.
11. Treadgold D.W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1946. № 4. P. 147–152.
12. Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y., 1920. 203 p.
13. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Report of the American Historical Association, 1893. P. 199–227.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. II, III

ГАТОТ – Государственный архив Тюменской области (г. Тобольск)

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук. Спб.: Типография Эдуарда Праца, 1851, 1962. Т. IV, VIII

Кн. – книга

п. г. – письменный голова

Портф. – портфель

Прил. – приложение

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. III. Спб., 1830

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II

с.е.и.в. – собственного его императорского величества

стлб. – столбец

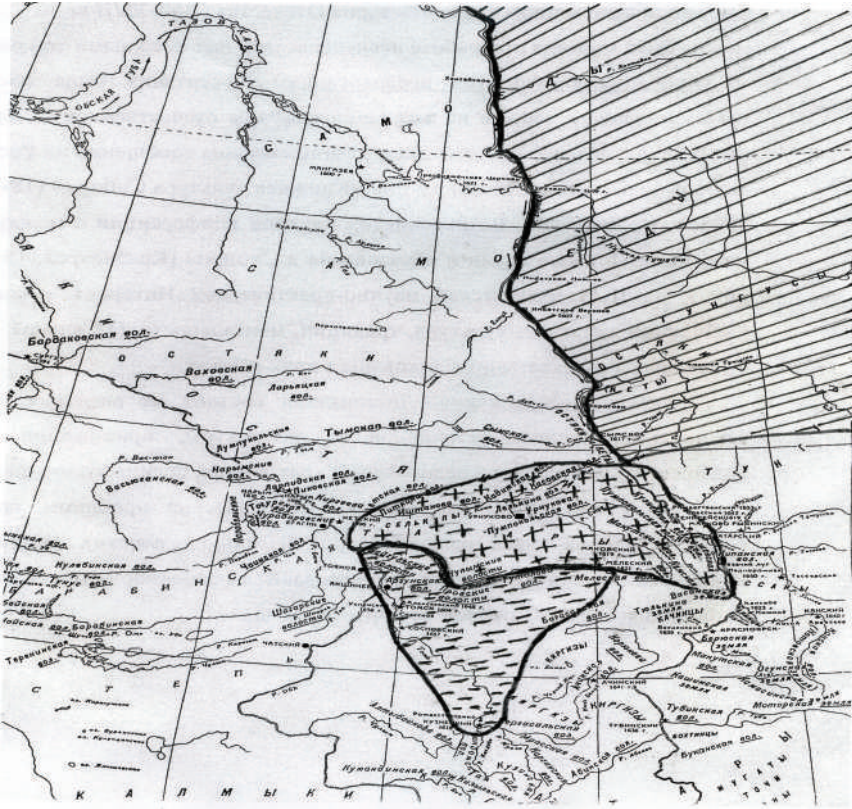
КАРТА-СХЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОГО ВНЕШНЕГО ФРОНТА В СИБИРИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

- – границы северо-восточного направления внешнего фронта в 70–80-х гг. XVI в.
- – границы восточного направления внешнего фронта в конце 80–90-х гг. XVI в.
- – границы юго-восточного направления внешнего фронта в конце 80–90-х гг. XVI в.

В основе схемы: Карта Сибири XVI–XVII вв. (до 1618 г.) / сост. К.Н. Сербина // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1.

**КАРТА-СХЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОГО ВНЕШНЕГО
ФРОНТИРА В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.**

- – границы северо-восточного направления внешнего фронта
в конце 80-х гг. XVI – первой четверти XVII вв.
- – границы восточного направления внешнего фронта
в первой четверти XVII в.
- – границы юго-восточного направления внешнего фронта
в первой четверти XVII в.

В основе схемы: Карта Сибири первой половины XVII в. / сост. К.Н. Серби-
на // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2.

Выдержки из сочинений И. Массы о Сибири

«Река Енисей гораздо больше, чем Обь, и на восточном берегу имеет высокие горы, среди которых есть такие, которые извергают огонь и серу. На Запад лежит равнина, чрезвычайно плодородная и изобилующая цветами и деревьями различных пород. Там растет также много странных фруктов и встречается множество редких птиц. Весною Енисей заливают поля на семьдесят миль».

«Московиты, услышав об этом от самоедов, вернувшихся в Сибирь из страны тунгусов, вскоре возымели сильное желание исследовать более отдаленные местности этой страны и вошли в подчинение к воеводе, с тем чтобы получить возможность быть посланными туда вместе с подмогой. Воевода удовлетворил их просьбу, предоставив в их распоряжение отряд солдат, и приказал тщательно исследовать все, взяв с собой тунгусов, самоедов и татар. Итак, в количестве около семисот человек они перешли реку Обь и дошли до реки Енисей через страну самоедов и тунгусов. Перейдя эту реку, они пошли дальше на восток, имея проводниками тунгусов. Дальнейший путь экспедиции лежал к р. Пясине, но перейти через нее и пройти в глубь Таймырского полуострова московиты не решились. Затем они повернули обратно, и до наступления осени они вернулись домой в Сибирь».

«Они видели какие-то паруса, хотя и не много, из чего они заключили, что это были суда, плывшие вниз по течению. Они также говорили, что паруса были квадратные, подобные индийским, как мы предполагаем».

«Когда эти вести дошли до московского двора, царь Борис и бояре, бывшие при нем, много дивились им и, восплавав сильным желанием в точности исследовать все подробности,

решили на следующий год отправить туда послов... Но это не было приведено в исполнение вследствие разразившейся в это время у московитов гражданской войны».

«Даже во время Смуты все же было совершено путешествие в эти места при участии многих жителей Сибири. Экспедиция, перейдя реку Енисей, продолжала свое путешествие пешком... Они привезли оттуда небольшое количество серы и образцов камней, так что, по-видимому, в этих горах находятся ценные руды».

«Кроме того, воевода Сибирский приказал построить особые крытые лодки, спуститься на них вдоль берегов реки Оби, в самом начале весны, и идти вдоль ее берегов, пока они не придут к реке Енисею, по которой они поплывут дальше в течение нескольких дней, дойдя до моря. Других людей он послал также сухопутьем – чтобы они оставались у реки до тех пор, пока не придут лодки, а если они не придут, то чтоб они вернулись через год. Тем же, которые поедут в лодках, и капитаном которых назначен был некий Лукас (Лука), он поручил тщательно изучить берег и все то, что на нем достойно исследования. Они сделали то, что было им приказано. Экспедиция, плывшая в лодках, достигнув устья реки Енисей, встретила там других исследователей, путешествовавших по суше и посланных до этого на лодках и яликах вниз по реке».

Составлено по материалам: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: в 2 т. Иркутск: Крайгиз, 1932. Т. 1. С. 257–260.

Комментарии

В сочинениях И. Массы поражает точность сведений относительно природно-климатических особенностей бассейна р. Енисей. Несмотря на некоторые преувеличения, здесь четко просматриваются черты, присущие как Западной Сибири (наличие равнин), так и Восточной (гористая местность). Толь-

ко очевидец мог видеть паводки Енисея, особенно в районе Осиновских порогов, которые даже в XX в. полностью затапливали русские деревни, расположенные на берегу реки. Такого рода сведения можно было получить только от людей, постоянно проживавших в данной местности, что предполагало присутствие русских в этом районе в условиях внешнего фронта.

В сообщениях И. Массы некоторые факты искажены. Например, численность отряда в семьсот человек (такого количества людей в то время не было ни в одном гарнизоне сибирского города), но основу сообщения составляют реальные факты. Интерес представляет то обстоятельство, что представители официальной власти не владели информацией о бассейне р. Енисей, а частные лица, которые, судя по всему, были русскими торговыми или промышленными людьми, хорошо знали этот район. В сообщении упоминаются самоеды, но это, скорее всего, также является искажением фактов. На наш взгляд, самоеды могли совершить поход в страну тунгусов только в качестве проводников русских людей.

В сообщении о парусах на р. Енисей, скорее всего, отряд московитов видел паруса кочей поморов. В тех местах, где пролегал путь экспедиции, Енисей может достигать от 5–6 до 40–50 км в ширину. Без специальных оптических приспособлений на противоположном берегу можно увидеть крупные предметы (паруса), а мелкие детали (форму парусов, команду кораблей) разглядеть невозможно. Единственными людьми, кто из близлежащих районов использовал парусные суда, были поморы. Хотя И. Масса в силу сложившихся географических представлений того времени, наверное, полагал, что это проплывают китайские корабли с квадратными парусами. Подобная догадка И. Массы представляется маловероятной, потому что даже косвенных упоминаний о плаваниях китайских судов по р. Енисей не найдено. Поэтому именно поморов встретила

отправленная экспедиция. Следовательно, в описываемое время они хорошо знали особенности плавания по р. Енисей и, возможно, основали на реке свои опорные пункты – городки и зимовья.

Из документов следует, что участники первой экспедиции прибыли в Москву в первой половине 1604 г. Следовательно, весь 1603 г., а возможно, и часть 1602 г. эти русские люди были в Сибири. Во время Смуты, по всей вероятности, в 1605–1607 гг., состоялась вторая экспедиция на р. Енисей, которая углубилась на территорию Восточно-Сибирского плоскогорья. Правда, неясен вопрос: насколько далеко русские люди продвинулись в данном направлении? На основании сведения о ценных рудах можно предположить, что землепроходцы дошли до местности, находящейся в низовьях Ангары. Впоследствии в 1629 г. именно туда была отправлена экспедиция Я. Хрипунова для поиска серебряных руд. Параллельно с сухопутной экспедицией, отправленной сибирскими воеводами, русские достигли Енисея водным путем: Вероятно, на мысль о подобной экспедиции сибирских воевод натолкнули рассказы поморов, которые уже не раз совершали этим путем путешествия в Сибирь. Корабли, которые описываются в документе, похожи на поморские кочи. Возможно, их строителями и лоцманами являлись выходцы из Поморья, находящиеся на службе у сибирских воевод. Одним из достоверных доказательств правдивости сведений, собранных И. Массой, является достаточно точная карта Сибири, датированная 1604 г. Сведения И. Массы, на наш взгляд, помогают уточнить расширения внешнего фронта в бассейне р. Енисей.

**Плавания и сухопутные походы из Поморья на р. Обь
и в Мангазею в XVI – первой четверти XVII вв.**

Год	Мореходы	Маршрут	Условия плавания или перехода через Урал
1499	Поход войск Ивана III по р. Обь во главе с воеводой Федором Курбским	Печора – Урал – Березов – Низовья Оби	Олени, собачьи упряжки
1517, лето	Леонтий и Григорий Цивилевы, крестьяне Антоньева-Сийского монастыря	Югорский поход	Неизвестно
1597	Афанасий Кузьмин с сыном	Двина – Тазовский городок	На обратном пути «побило их море»
1597–1599	Юрий Долгушин Усть-цылемец, Смирной Пинежанин, Лавелец – пан литовский	Печора – Урал – Надым (зимовка) – Пур – Кедровка – Тазовский городок	
1598–1600	Дьяк Федор Дьяков, проводник Василий Тарабукин	Тобольск – Обдор – Тазовский городок	4–5 кочей
1601–1602	Леонтий Шубин – Плехан, Семен Исаков Серебряник, Михаил Дурасов, Архип Боженник – 40 человек	Холмогоры – Канин волок – Пустозерск – Ямальский волок – Обская и Тазовская губы – Мангазея	Кочи

1609	Еремей Савин с товарищами	Холмогоры – Мангазея – Ямальский волок	
1612	Шестак и Артемий Ивановы, мезенцы	Мангазея – Ямальский волок – Колгуев – Архангельск	
1610-е	Кондратий Курочкин и Кондрагий Корела	Холмогоры – Канин нос – Печора – Ямальский волок – Мангазея	
1610-е	Табанька Кузьмин, мезенец Матвей Кирилов	Устье Мезени – Канин нос – Печоро-Ямальский волок – Мангазея	

Таблица составлена по: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч.1. С. 110, 113, 114; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т.1. С. 200, 302–303; РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 254, стлб. 1054; Т.V, стлб. 1062–1064, 1067.

**ЧИСЛЕННОСТЬ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ ТОБОЛЬСКОГО РАЗРЯДА,
СЛУЖИВШИХ С ПАШНИ В 1630 Г.**

Город	Всего служилых людей*		Из них служат с пашни					
			полностью		частично		всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Тобольск	478	100	49	10,5	63	13,2	112	23,4
Тюмень	258	100	128	50	15	5,8	123	48
Тара	375	100	103	27,6	-	-	103	27,6
Верхотурье	71	100	27	38	2	2,8	29	40
Туринск	59	100	2	3,4	5	8,5	7	12
Томск**	788	100	69	8,7	87	11	156	19,7
Итого	2029	100	378	18,6	172	8,4	530	26,1

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 28. Л. 5–48; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1950. Т. 112. С. 186. Серия историко-филологическая.

Примечания. * Без учета юртовских служилых татар.

** Данные указаны на 1637 г.

Приложение 6

**ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XVI–ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв. (чел.)**

Город годы	1585	1587	1593	1594	1596	1601	1608	1612–1613	1614	1624
Тобольск	-	500	-	-	-	-	-	-	-	730
Тюмень	300	-	147	-	-	-	-	-	-	326
Тара	-	-	-	320	-	-	-	-	-	421
Верхотурье	-	-	-	-	-	49	-	-	-	68
Туринск	-	-	-	-	-	-	-	-	50	57
Пелым	-	-	300	-	-	-	-	70	-	81
Березов	-	-	-	-	-	-	314	-	-	294
Сургут	-	-	-	155	267	280	-	-	-	204
Томск	-	-	-	-	-	-	100	-	234	351
Мангазья	-	-	-	-	-	200	-	-	-	103
Енисейск	-	-	-	-	-	-	-	-	-	150

Таблица составлена по: РГАДА. Ф.199. Портф. 478. Ч. II. Д. 11; АИ / под ред. М. Коркунова. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. III (1613–1645). № 5. С. 5; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. Вып. I–II / сост. Е.Н. Ошанина; отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. С. 202; Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII века. Казань: Типография императорского университета, 1892. С. 63–72; История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. С.3; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1, Прил. № 45, 69, 92; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 1, 42, 72, 107, 113; Сибирские летописи, изданные Императорской Археографической комиссией / под ред. В.В. Майкова, Л.Н. Майкова. Спб.: Типография Императорской Археографической комиссии, 1907. С. 349.

**ЧИСЛЕННОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в. (1625-1628 гг.)**

Город	Служилые люди по отечеству и началь- ные люди		«Литов- ский» и чер- касский списки		Ново- кре- щенный список		Конные казаки		Пешие казаки и стрельцы		Пушкари и загин- щики		Юртов- ские служилые татары		Общее кол-во служи- лых людей в городе
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Тобольск	36	5	109	15,2	31	4,3	69	9,6	209	29,1	5	0,7	259	36	718
Тюмень	10	3	36	11	16	4,7	61	18,6	140	42,7	4	1,2	73	22,2	340
Тара	13	3	72	17	5	1,2	72	17	199	47	10	2,3	57	13,5	428
Верхотурье	7	9,5	-	-	-	-	-	-	64	86,5	3	4,1	-	-	74
Туринск	3	3,8	-	-	-	-	-	-	51	90	4	6,2	-	-	58
Пельым	4	5,5	10	12	7	7,7	-	-	68	81,9	1	1,2	-	-	90
Березов	5	1,6	9	3,1	-	-	-	-	280	94,9	1	0,3	-	-	295
Сургут	2	0,9	-	-	1	0,5	-	-	200	97,6	3	1,5	-	-	206
Томск	26	4,5	-	-	-	-	176	30,6	157	27,3	4	0,7	212	36,8	575
Мангазея	15	12,5	-	-	-	-	-	-	103	85,8	2	1,6	-	-	120

Кузнецк*	5	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	50
Мелесский острог*	4	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	40
Енисейск	12	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,3	2	1,3	150
Итого:	131	3,6	236	7,7	59	1,9	378	12,3	1607	52,6	39	1,3	601	19,6	3053		

Таблица составлена по: Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVIII века // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1950. Т. 112. С. 106, 121, 175, 177. Серия историко-филологическая; Бродников А.А. Енисейск в XVII веке. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. С. 69; Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 16; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1988. С. 32.

Примечание. * В общей численности служилых людей не учитываются годовальщики из Томска в Мелесском и Кузнецком острогах.

ЧИСЛЕННОСТЬ ОСНОВНЫХ СОСЛОВНЫХ ГРУПП СИБИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1623-1629 ГГ.

2090	Промышленные люди (ямщики, чел.)	28,3) (3,9 %)	% от русского населения	4,1 (0,5)	% от русского и местного населения	3053	Служилые люди (чел.)*	41,3	% от русского населения	6	% от русского и местного населения	43318	Местное население (ясачные люди, чел.)	85,4(21,3)	% от русского и местного населения	1234	Крестьяне (чел.)**	16,7	% от русского населения	24	% от русского и местного населения	622	Посадские люди (чел.)	8,4	% от русского населения	12	% от русского и местного населения	202	Духовенство (белое и черное), (чел.)***	2,8	% от русского населения	0,3	% от русского и местного населения	175	Гулящие люди (чел.)****	2,7	% от русского населения	7136	% от русского и местного населения	7376	Итого русского населения (чел.)	50694	Итого населения (чел.)
------	----------------------------------	---------------	-------------------------	-----------	------------------------------------	------	-----------------------	------	-------------------------	---	------------------------------------	-------	--	------------	------------------------------------	------	--------------------	------	-------------------------	----	------------------------------------	-----	-----------------------	-----	-------------------------	----	------------------------------------	-----	---	-----	-------------------------	-----	------------------------------------	-----	-------------------------	-----	-------------------------	------	------------------------------------	------	---------------------------------	-------	------------------------

(душ мужского пола)

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 105–108, 262–319; Кн. 5. Л. 245–281, 322–410, 451–539; Кн. 10. Л. 2–51, 83–110; Кн. 11. Л. 79, 195, 214–222, 231–283, 470–477; Кн. 14. Л. 52–61; Кн. 19. Л. 371–402, 424–447, 486–496, 521–528, 532–556, 581–624, 646–676, 682–712, 735–767, 784–812, 913–927; Кн. 22. Л. 303–375, 406–427, 432–452, 643–675, 704–749, 752–767, 771–793, 805–810, 821–836, 850–872; Кн. 57. Л. 253–256; Кн. 157. Л. 36–37; Кн. 1207. Л. 236–304; Стлб. 12. Л. 342–344; Стлб. 19. Л. 54–96; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв.: в 2 ч. М.: Наука, 1981. Ч. 2. С. 11; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1950. Т. 112. С. 106, 121, 175, 177. Серия историко-филологическая; Бродников А. А. Енисейск в XVII веке. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. С. 69; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889. С. 65–77, 108–110; Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 16; Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 26; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55: Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. С. 21, 26, 29, 31–32, 35, 38–39, 42–43, 50–52, 54, 57, 59, 65–66, 80–81, 88–89, 92–93, 96, 101–102, 105–106, 178–179, 192–193, 201, 219–220; Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1974. С. 305. В силу того что по данному периоду сохранились лишь фрагментарные источники, численность населения приводится приблизительно по сохранившимся и найденным документам и свидетельствам.

Примечание. *Включая служилых юртовских татар. **Включая монастырских крестьян. ***Возможно, духовенство было больше, так как часто его представителей не включали в дозорные и окладные книги. ****Возможны наибольшие погрешности в определении численности, из-за высокой социальной мобильности гулящих людей в Сибири в указанный период.

Приложение 9

Численность коренного населения Сибири в конце первой четверти XVII в.

Сибирский уезд	Численность коренного населения (чел.)	Численность ясачного населения (чел.)	% ясачного населения от общей численности
Березовский	6040	1509	24,9
Верхотурский	1860	463	24,9
Енисейский	2121	513	24,2
Кетский	550	137	24,9
Кузнецкий	2140	535	25
Мангазейский	8850	2216	25,1
Нарымский	1440	360	25
Пелымский	2780	695	25
Сургутский	4090	1017	24,8
Тарский	5050	1262	24,9
Тобольский	5440	1357	24,9
Томский	1205	301	24,9
Туринский	580	145	25
Тюменский	1172	293	25
Итого:	43318	10803	24,9

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 262–319; Кн. 10. Л. 2–51; Кн. 11. Л. 214–222, 231–283; Кн. 19. Л. 371–402, 424–447, 486–496, 521–528, 532–556, 581–624, 646–676, 682–712, 735–767, 784–812, 913–927; Кн. 22. Л. 303–375, 406–427, 432–452, 643–675, 704–749, 752–767, 771–793, 805–810, 821–836, 850–872; Кн. 57. Л. 253–256; Стб. 12. Л. 342–344; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55: Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. С. 21, 26, 29, 31–32, 35, 38–39, 42–43, 50–52, 54, 57, 59, 65–66, 80–81, 88–89, 92–93, 96, 101–102, 105–106, 178–179, 192–193, 201, 219–220.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОСТЮМЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
в XVII – первой половине XIX вв.

Приложение 10

Группы элементов костюма	Одежда										Головные уборы и дополнения						Обувь					Итого	
	верхняя					горничная					м						м					зо ⁴	%
	м ¹	%	ж ²	%	у ³	%	м	%	ж	%													
1. Традиционные	5	45,4	2	40	8	80	8	61,6	17	76,5	6	54,6	19	81,7	5	50	3	100	1	25	74	65,8	
1. Древнерусские	-	-	1	20	2	20	-	-	1	4,5	1	9,1	1	4,3	1	10	-	-	-	-	7	6,2	
2. Общерусские	-	-	-	-	6	60	8	61,6	10	45	5	45,5	14	60,2	4	40	2	66,6	1	25	50	44,5	
3. Локального бытования	5	45,4	1	20	-	-	-	-	6	27	-	-	4	17,2	-	-	1	33,3	-	-	17	15,1	
II. Заимствованные	6	54,6	2	40	2	20	4	30,7	5	22,5	5	45,5	3	12,9	4	40	-	-	1	25	32	28,4	
1. У городского населения	3	27,3	1	20	-	-	4	30,7	5	22,5	2	18,2	2	8,6	1	10	-	-	-	-	18	16	

2. У абори- генных народов	3	27,3	1	20	2	20	-		-	3	27,3	1	4,3	3	30	-	1	25	14	12,4
III. За- падно- сибир- ские	-	-	1	20	-	-	1	7,7	-	-	-	1	4,3	1	10	-	2	50	6	5,3
Итого	11	100	5	100	10	100	13	100	22	100	11	100	23	100	10	100	3	100	4	100

Таблица составлена по: Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.): учеб. пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 1. С. 58.

Примечание. ¹м (шт.) – мужская, ²ж (шт.) – женская, ³у (шт.) – универсальная, ⁴эо (шт.) – элементы одежды.

История Дубчесской слободы в XVII в.

Процесс организации слободы в условиях внутреннего фронта можно проследить на примере яркой деятельности поморского торгового человека с Мезени Осипа Григорьевича Цыпани-Голубцова на Енисее. До основания слободы О. Цыпаня занимался промыслом в Инбацком зимовье, но уже в 1636 г. предприимчивый помор поселился при впадении р. Дубчес в Енисей и начал возделывать первые пашни, а в 1638 г. на эту заимку он получил от Михаила Федоровича жалованную грамоту с льготой на 10 лет «пашню распахать и вольных людей с Руси призывать, и слободу строить». Продолжительная льгота, не предоставлявшаяся в других уездах, обилие пушного зверя и рыбы привлекли в Дубчесскую слободу¹ вольных людей, и через несколько лет там уже было 16 дворов и церковь во имя Святой Троицы с приделом. О. Цыпаня был достаточно зажиточным человеком, так как смог «поднять крестьян Дубчесской слободы» и на свои средства построил церковь, которая стоила ему 1500 рублей. При этом О. Цыпаня активно занимался ростовщичеством, для чего тоже нужны были большие свободные денежные средства. Но не все так было благополучно в организации Дубчесской слободы. С самого ее основания местное население стало писать челобитные на имя царя о незаконности закрепления О. Цыпаней за собой ис-

¹ В сибиреведческой литературе принято называть эту слободу Дубчаской (См.: Бахрушин С.В. Научные труды... Т.3, ч.1. С. 216–222; Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 32–36.), но это неверно, так как автор, являясь уроженцем тех мест, может утверждать на основе употребления названия этого населенного пункта старожильческим русским населением, что правильно произносится и пишется Дубчесская.

конной остяцкой земли и насилиях над местными жителями. В частности, предприимчивый слободчик досаждал не только живым, но и мертвым осяткам. Согласно челобитной осятков в 1639 г., он выкопал из земли кудесника и что с ним было – платье, стрелы, рогатины и соболей – все разграбил. По всей видимости, О. Цыпаня не понес существенного наказания, и жалоба осятков не была удовлетворена. С одной стороны, это свидетельствует о чрезмерной заинтересованности государства в существовании слобод как очагов распространения русского влияния в условиях неустойчивого равновесия, а с другой – об отсутствии у государства средств, чтобы проводить свою властную волю на всех территориях внутреннего фронта. Вторая тенденция проявлялась еще и в том, что не только О. Цыпаня чинил обиды сибирским аборигенам, но и сам испытывал притеснения со стороны служилых людей. Так, в 1651 г. мангазейский стрелецкий сотник Д. Титов обосновался почти на год в Дубчесской слободе, занимался винокурением на подворье О. Цыпани без его согласия, в результате чего случился пожар, в котором сгорел весь двор и хлебные запасы хозяина. Примерно в то же время енисейский воевода самовольно наложил дополнительную повинность на О. Цыпаню в виде сбора со слободы пятого снопа, более того, он заставлял жителей Дубчесской слободы, находившихся в Енисейске для покупки «пашенного завода», нести разного рода городовые службы и выполнять государевы изделия. Челобитная, отправленная О. Цыпаней, описывающая «насильства» воеводы, была удовлетворена по всем пунктам, а саму Дубчесскую слободу определили к Мангазейскому уезду.

Таким сложным и противоречивым был процесс организации слобод, тем не менее в нем наиболее ярко проявлялось социальное партнерство, переходящее в некоторых ситуациях во взаимозависимость между инициативой частных лиц и го-

сударственной властью в условиях аморфной ситуации внутреннего фронта.

Составлено по материалам: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стлб. 139. Л. 142–144; Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 1. С. 216–222; Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 32–36.

**История службы Российскому государству князей
Пелымских в XVII–XVIII вв.**

Пелымская княжеская династия известна с XV в.: в 1467 и 1485 гг. упоминается вогульский князец Асыка, в последующие годы его сын Юмшан (Юзшан). В конце XVI в. упоминается князь Аблегерим; когда он и его старший сын Тагай были «изведены», то пелымские манси били челом, чтобы к ним были отпущены его младший сын Таутсей и внук Учот, которых они считали своими законными правителями. Учот был крещен в Москве и в источниках уже упоминается как князь Александр Пелымский. После смерти Александра князь Андрей Пелымский, его сын, проживал впоследствии в Пелыме в качестве государева служилого человека. После его смерти в 1631/32 г. там же с матерью и детьми проживал и продолжал служить русским его сын князь Семен Андреевич, с 1642/43 г. – пелымский сын боярский, а с 1654 г. – поверстанный в верхотурские дети боярские с довольно высоким окладом. Праправнук Аблегерима был женат на дочери ссыльного литвина Андрея Бернадского, нес обычную службу и совершенно обрусел, он умер в 1665/66 г. Его сыновья – князья Степан и Яков – были в конце столетия детьми боярскими на Верхотурье, а внуки – князья Иван и Василий Яковлевичи – определены в сибирские дворяне. Сама процедура получения ими дворянского титула была показательна для того времени. В 1752 г. они обратились в Сибирский приказ с челобитной «дабы за службы предков их, князей Пелымских, и для отменной присобою заслуживают подобно как военнослужащие, а не предками издревне заслуженное», им возобновили прежнюю жалованную (их прапрадеду, крещеному вогульскому князю Александру) грамоту на княжение и представили к классным чинам. В под-

тверждение древности своего рода они, кроме справки из Сибирской губернской канцелярии о службах прадедов, дедов и отцов, даже ссылались на четвертую главу опубликованной в 1750 г. «новосочиненной профессором Миллером Сибирской истории». После проверки представленных материалов Сенат 9 марта 1753 г. велел старшему Ивану дать чин поручика, а Василию – прапорщика. Через четыре месяца братья получили из Военной коллегии офицерские патенты. Ивана Сибирский приказ направил на место умершего коллежского асессора Фирсова при Кяхтинской таможне, но в конечном итоге он оказался воеводой в Березове, а Василия отправили в распоряжение Сибирской губернской канцелярии для определения к делам в острог или дистрикт управителем. Через два года в 1755 г. Иван Яковлевич Пелымский, «поручик и князь», получил назначение в Красноярск товарищем уездного воеводы. С 1758 г. он стал воеводой, пробыв в этой должности 25 лет до отмены в Сибири воеводского управления. При отставке И.Я. Пелымского возвели в ранг коллежского асессора VIII класса чинов. Его сын Федор служил в частях Сибирского гарнизона в чине сержанта, участвовал в работе Первой ясачной комиссии капитана гвардии Щербачева, в 1766 г. был прапорщиком Селенгинского пехотного полка, дослужился до капитана и в 1777 г. вышел в отставку. В начале 80-х гг. он был комиссаром в Олекминском остроге Якутского уезда, а с учреждением Иркутского наместничества в 1783 г. Сенат определил его судьей Олекминской нижней сельской расправы, но губернатор И.В. Якоби перевел его в том же уезде в капитан-исправники.

Составлено по материалам: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 379; Кн. 6. Л. 57 об.; Ф. 248. Оп. 126. Д. 2795. Л. 272–284; Д. 6500. Ч. III. Л. 203; Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 145; Быконя Г.Ф. Русское

неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 88–89; Город у Красного яра (Документы и материалы по истории Красноярска XVII – XVIII вв.) / сост. и ред. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Книжное издательство, 1981. С. 252–253; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1. С. 275–276; РИБ. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 64, стлб. 145.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО КНЯЗЕЙ ПЕЛЫМСКИХ

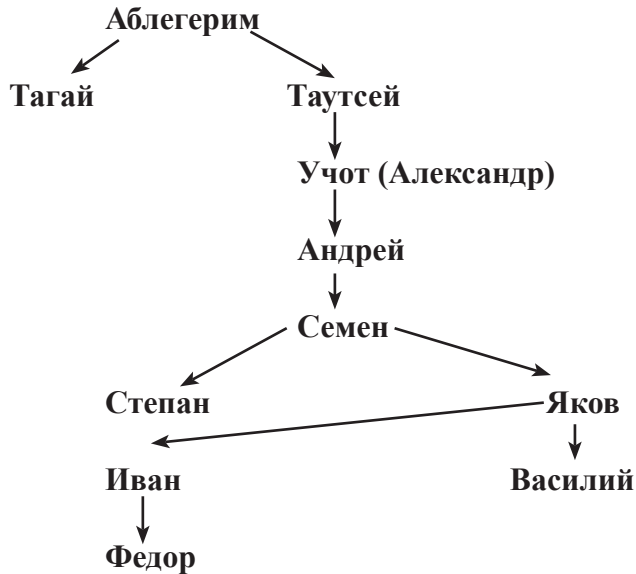

Схема составлена по материалам: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 379; Кн. 6. Л. 57 об.; Ф. 248. Оп. 126. Д. 2795. Л. 272–284; Д. 6500. Ч. III. Л. 203; Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: М.: Изд-во АН СССР, 1955: в 4 т. Т. 3, ч. 2. С. 145; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 88–89; Город у Красного яра (Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв.) / сост. и ред. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Книжное издательство, 1981. С. 252–253; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т.1. С. 275–276; РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 64, стлб. 145.

**РОДОСЛОВНАЯ ХРИПУНОВЫХ
ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVI – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVII вв.**

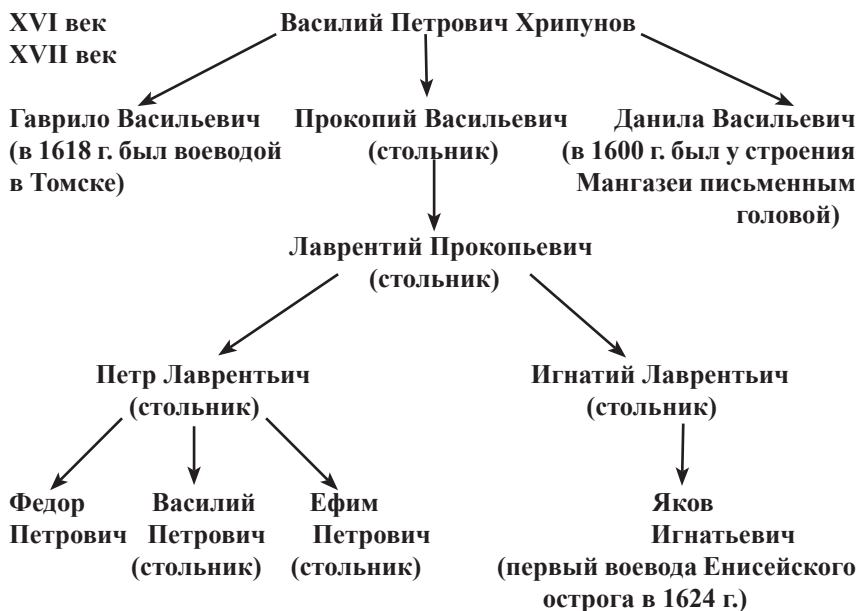

Схема составлена по материалам: РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 3120. Л. 1,4,6 об., 81; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стлб. 18. Л. 71; Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С. 6–7, 17, 20; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1, Прил. № 45. С. 387–396, № 96. С. 443–444; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 224. С. 371; Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. Красноярск: Тренд, 2008. Схема 5.

**ОСНОВАТЕЛИ И ВОЕВОДЫ БЕРЕЗОВА, ВЕРХОТУРЬЯ, ЕНИСЕЙСКА
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.**

Березов	Верхотурье	Енисейск
Траханиотов Никифор Васильевич, кн. Волконский Михаил Петрович 1593–1594		
Вольнский Василий Степанович 1596–1597		
Плещеев Василий Тимофеевич 1597–1599		
Вольнский Иван Григорьевич 1599–1601	Головин Василий Петрович лето 1598 – апрель 1599	
кн. Борятинский Иван Михайлович 1601–1603	кн. Вяземский Иван Михайло- вич апрель 1599–1601	Албычев Петр, Черкас Рукин лето 1619
кн. Татев Федор Андреевич 1603–1605	кн. Львов Матвей Данилович 1601–1603	
кн. Черкасский Петр Ахамашукович 1605–1608	Плещеев Неудача Остафьевич 1603–1605	Трубчанинов Максим осень 1619–1620
Вольнский Степан Иванович 1608–1611	Годунов Степан Степанович 1605–1608	
кн. Борятинский Иван Михайлович 1611–1613	Годунов Степан Степанович, Плещеев Иван Михайлович 1609–1613	Ушаков Максим Прокопьевич 1620 – авг. 1621
Биркин Иван Иванович, Нармацкий Василий Самсонович 1613–1615	Годунов Степан Степанович, Зюзин Беляница Явrentьев 1614	

Зюзин Беляница Лаврентьев, Нармацкий Василий Самсонович 1615–1618	Головин Иван Васильевич, Плещеев Федор Иванович ?-1616	Байташин Михаил Осипович 1621–1622
Вельяминов Данила Афанасьевич 1619–1620	Плещеев Федор Савич, Дуров Федор Дементьевич 1616–1620	Хмелевский Павел 1622–1623
Писемский Иван Прохорович, Демьянов Яков Афанасьевич 1620–1623	Пушкин Иван Иванович, Зубов Дмитрий Иванович 1620–1623	Хрипунов Яков Игнатьевич 1623–1625
кн. Козловский Федор Алексеевич, Ширин Андрей Иванович 1623–1625	кн. Борятинский Никита Петрович, Максим Семенович Языков-Хомяков 1623–1625	

Таблица составлена по: АИ / под ред. И. Григоровича. Спб.: Типография II Отделения с. е. и в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613), № 3, 8–9, 26–29, 35–37, 39–43, 45–52, 62, 276–280; АИ / под ред. М. Коркунова. Спб.: Типография II Отделения с. е. и в. канцелярии, 1841. Т. III (1613–1645), №1, 46–47, 57, 77–78, 85–91, 93, 96, 98–99, 103, 106–107, 109, 112–113, 122, 136–138; Баруков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. Спб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. С. 87–103; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998. С. 152–180; Газенвинкель К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и острогах с их основания до начала XVII века // Приложение к календарю Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск: Тобольская губернская типография, 1892. С. 38–44; Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С. 1–22; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1, Прил. № 16, 21, 25–26, 34, 38, 42–44, 46–50, 59, 74; Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 9–10, 27–30, 39–40, 42–43, 49, 51–53, 58–61, 64, 66, 69–70, 72, 82, 89, 92–93, 105, 110–112, 172, 195, 210; РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 46, 66, 72, 74, 76–80, 86–88, 125, 129, 133; СГПД / под ред. А.Ф. Малиновского. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II, № 74, 90, 92.

Приложение 14 (продолжение)
ОСНОВАТЕЛИ И ВОЕВОДЫ КЕТСКА, КУЗНЕЦКА, МАНГАЗЕИ, НАРЫМА
в конце XVI – первой четверти XVII вв.

Кетск	Кузнецк	Мангазея	Нарым
Федоров Тугарин 1602–? казачий агаман		кн. Шаховской Мирон Михайлович 1600	Федоров Ту-гарин 1598–?
Бельский Постник п. г. 1604–1605		кн. Кольцов-Мосальский Василий Михайлович 1601 – нач. 1603	
Молчанов Владимир п. г. 1607–1608		Булгаков Федор Юрьевич 1603–1606	
Елизаров Григорий Федорович 1608–1612		Жребцов Давыд Васильевич 1606–1608	
Федоров Тугарин 1614		Нелединский Иван Юрьевич 1608–1613	
Челищев Чеботай Федорович 1615–1620	Бобарыкин Тимофей Степанович, Аничков Осип Герасимович 1620–1623	Новокшенов Воин Афанасьевич 1613–1615 Биркин Иван Иванович, Новокшенов Воин Афанасьевич 1615–1618 Волынский Петр Васильевич 1618–1620	Хлопов Ми-рон Тимофеевич 1611–1615
Колтовский Яков Васильевич 1621–1623		Погожий Дмитрий Семенович, Тонеев Иван Федорович 1620–1623	Языков-Хомяков Иван Петро-вич 1615–1622

Баскаков Иван Алексеевич 1623–1625	Баскаков Евдоким Ивано- вич 1623–1625	Пушкин Иван Никитич, Уваров Федор Владимирович 1623–1625	Янов Василий Федорович 1622–1625
--	---	---	--

Таблица составлена по: АИ / под ред. М. Коркунова. Слб.: Типография II Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. III (1613–1645), №135; Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. Слб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. С. 87–103; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998. С. 152–180; Газенвинкель К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и острогах с их основания до начала XVII века // Приложение к календарю Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск: Тобольская губернская типография, 1892. С. 38–44; Гневущев А.М. Акты правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 – 17 июля 1610). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. № 54, 57, 63, 65–67; Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С. 1–22; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т.1, Прил. № 3, 37, 45, 56–58, 79, 80–84, 94, 96–99; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 31, 79, 83, 87–88, 90–91, 95–96, 99, 101, 103, 106, 114, 116–117, 125, 129, 132–133, 140–141, 143, 150, 160, 164, 165, 198, 212; РИБ. Слб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 75, 90, 188, 254; СГТД / под ред. А.Ф. Малиновского. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II, № 194, 262.

Приложение 14 (продолжение)

**ОСНОВАТЕЛИ И ВОЕВОДЫ ПЕЛЫМА, СУРГУТА, ТАРЫ, ТУРИНСКА
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.**

Целым	Сургут	Тара	Туринск
кн. Горчаков Петр Иванович 1593 –?	кн. Борятинский Федор Петрович 1594	кн. Елецкий Андрей Васильевич 1594–1595	п.г. Янов Федор Осипович 1600–1601
Толстой Василий 1594 –?	Плещеев Осип Тимофеевич 1595–1597	кн. Елецкий Федор Борисович 1595–1597	п.г. Фофанов Федор Константинович 1601–03
Шаховской Петр Михайлович 1597–98	кн. Лобанов-Ростовский Семен Михайлович 1597–1599	Кузьмин Степан Васильевич 1597–1599	п.г. Лихарев Иван Федорович 1603–1605
Траханиотов Тихон Иванович 1599–1601	кн. Долгорукий Федор Тимофеевич 1599–1601	Старков Яков Иванович 1599–1601	Годунов Иван Никитич 1606–1610
кн. Долгорукий Василий Григорьевич, Пушкин Гаврила Григорьевич 1601–1603	Борятинский Яков Петрович 1601–1603	кн. Бяхтерев-Ростовский Андрей Иванович 1601–1603	Акинфов Федор Петрович 1610–1612
Зюзин Алексей Иванович 1603–1605		кн. Солнцев-Засекин Иван Андреевич 1603–1606	
Годунов Иван Михайлович 1605–1609	Головин Федор Васильевич 1603–1604	кн. Гагарин Сила Иванович 1606–1608	

Волынский Степан 1610–?	кн. Жировой-Засекин Иван Федорович ?–1608	кн. Кольцов-Мосальский Иван Владимирович 1608–1611	Желябужский Петр Григорьевич 1613–1614
Исленьев Петр Данилович 1612			
Годунов Федор Алексеевич, Орлов Григорий Никитич 1613–1616	Волынский Федор Владимирович, Благой Иван Владимирович 1608–1613	Годунов Иван Михайлович, Старой Федор 1614–?	Вельяминов Данила Афанасьевич 1616–1619
Вельяминов Иван Яковлевич, Орлов Григорий Никитич 1616–1620	Корсаков Елизар Фомич, Зубатой Иван Федорович 1613–1615	Воронцов-Вельяминов Кирилл Семенович, Лутохин Петр Семенович 1616–1619	Милославский Данила Иванович 1619–1622
кн. Волконский Никита Андреевич, Зубатой Иван Федорович 1620–1621	Кутузов Иван Захарович, Фефилятьев Григорий Иванович 1620–1623	Вельяминов Сила Яковлевич, Скрябин Федор Андреевич 1620–1623	
Вельяминов Петр Никитич 1621–1623	Безобразов Иван Романович, Шишкин Федор Григорьевич 1623–1625	Сунбулов Исая Никитич, Чириков Петр Гаврилович 1623–1625	Апухтин Семен Дмитриевич 1622–1625
Вельяминов Иван Матвеевич 1623–1625			

Таблица составлена по: АИ / под ред. И. Григоровича. Спб.: Типография П Отделения с.е.и.в. канцелярии, 1841. Т. II (1598–1613 гг.), № 1, 4–5; Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. Спб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. С. 87–103; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998. С. 152–180;

Газенвинкель К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и острогах с их основания до начала XVII века // Приложение к календарю Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск: Тобольская губернская типография, 1892. С. 38–44; Гневушев А.М. Акты правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 – 17 июля 1610). М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. № 55–56, 58–63, 67, 108–117; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. I, Прил. № 11, 13, 17–18, 20, 22–24, 27–31, 33, 35, 37, 39–41, 47–49, 51–52, 80, 94; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 3, 5, 12–13, 16, 18, 20, 24–26, 32–37, 41, 48, 50, 54–57, 62–64, 67–68, 71, 73–78, 80–82, 84–86, 98, 102–104, 106–109, 113, 115, 130, 134, 137–139, 141, 146, 149, 151–153, 155, 166, 167, 171, 181, 184, 197, 202, 207, 211, 213, 216, 223, 225, 228; РИБ. Т. II, Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. № 56–63, 65; СГТД / под ред. А.Ф. Малиновского. М.: Типография С.И. Силиванского, 1819. Т. II, № 83–84, 89, 185, 194.

Приложение 14 (продолжение)

**ОСНОВАТЕЛИ И ВОЕВОДЫ ТОБОЛЬСКА, ТОМСКА, ТЮМЕНИ
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.**

Тобольск	Томск	Тюмень
п.г. Чулков Данила Данилович 1587–1588	Тырков Василий Фомич 1604–1606	Сукин Василий Борисович, Мясной Иван Никитич 1586–1587
кн. Кольцов-Мосальский Вла- димир Васильевич 1588–1590	Бартенев Семен 1606–1608	Булгаков Юрий Дмитриевич, Воейков Богдан 1593
кн. Лобанов-Ростовский Федор Михайлович,	Волынский Василий Васильевич, Новосильцов	кн. Борятинский Петр Иванович,
кн. Вельяминов-Воронцов Ан- дрей Иванович 1590–1594	Михаил Игнатьевич октябрь 1608–1613	Воейков Богдан 1594
кн. Щербатый Меркурий Александрович, кн. Волконский Михаил 1594–1597		кн. Долгорукий Григорий Иванович, Нагой Иван Григорьевич 1595
		кн. Долгорукий Григорий Иванович 1596
Сабуров Семен Федорович 1599–1601	Тырков Василий Фомич 1613–1614 –?	кн. Бяхтерев-Ростовский Владимир Иванович 1597–1599

Шереметьев Федор Иванович, Пушкин Евстафий Михайлович 1601–1603	Секерин Иван Борисович 1616	кн. Щербатый Лука Осипович 1599– 1601
кн. Голицын Андрей Васильевич, Пушкин Никита Михайлович 1603–1606	Бобарыкин Федор Васильевич, Хрипунов Гаврило 1616–1620	кн. Примаков-Ростовский Александр- Данилович, Пушкин Федор Семено- вич 1601–1603
кн. Троекуров Роман Федорович, Внуков Иван Иванович 1606–1608		п. г. Безобразов Алексей Иванович 1603–1605
Салтыков Михаил Михайлович, кн. Катырев-Ростовский Иван Михайлович 1608–1612	кн. Шаховской Иван Федорович, Радилов Максим Иванович 1620–1623	Годунов Матвей Михайлович, Изъеди- нов Назар Михайлович, затем Волын- ский Семен Иванович 1605–1613
кн. Буйнов-Ростовский Иван Петрович, Плещеев Наум Михайлович 1613–1616		Годунов Матвей Михайлович, Бобарыкин Федор Васильевич 1613–1616
кн. Куракин Иван Семенович, кн. Гагарин Григорий Иванов- вич январь 1616 – май 1620		кн. Коркодинов Федор Семенович, Бобарыкин Федор Васильевич, затем Секерин Иван Борисович 1616–1618

Годунов Матвей Михайлович, кн. Волконский Иван Федорович май 1620 – май 1623	кн. Гагарин Афанасий Федорович, Дивов Семен	кн. Мезецкий Никита Михайлович, Щелкалов Иван Васильевич 1618–1620
кн. Сулешев Юрий Яншеевич, Плещеев Федор Кириллович 1623–1625	Васильевич 1623–1625	Пушкин Федор Федорович, Елизаров Михаил Григорьевич 1620–1623
		кн. Долгорукий Михаил Борисович, Редриков Юрий Афанасьевич 1623–1625

Таблица составлена по: Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. Спб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. С. 87–103; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998. С. 152–180; Книга записная / под ред. З.Я. Бояршиновой, В.В. Палагиной. Томск: ТГУ, 1973. С. 1–22; Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т. 1, Прил. №19, 51, 54–58, 60–71, 76–79, 82, 84, 86–92, 95–96, 98–100; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 1–2, 4, 11–18, 20–25, 33–37, 54–57, 62–63, 65, 67–68, 71, 75, 78–84, 87, 89, 91, 94–95, 97–100, 114–115, 118–129, 131–133, 138, 141, 144–145, 147–148, 150–157, 159, 161–163, 168–170, 173, 176–178, 180–181, 184–185, 188, 190–192, 194, 196–197, 199–206, 208–209, 212–220, 222, 224–230, 232; РИБ. Спб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II, № 42, 48, 75, 81–85, 90, 92, 99–100, 110, 112, 115, 124, 127, 130, 138, 140.

**Количество церквей в Сибирских городах
в конце XVI – первой четверти XVII вв.**

Год	Тюмень	Тобольск	Цельм	Березов	Сургут	Тара	Нарым	Кетск	Верхоту- рье	Кондин- ская волость	Туринск	Манга-	Томск	Кузнецк	Итого
1587	1	1													2
1593		2	1												4
1594					1	2									7
1599				1					1	1	1				11
1600	2					3									13
1603		4										1			16
1605–1606											2		1		18
1608–1610							1		2	упразднена					19
1622													2		20
1624	5	10				4	1		3		2	2		1	33
1625			1					1							34
Итого	5	10	1	1	1	4	1	1	3	0	2	2	2	1	34

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 184. Д. 1. Л. 6, 13; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 109–110; Кн. 5. Л. 123–124, 273, 520; Кн. 10. Л. 9; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазейск. Мангазейский морской ход. в 2 ч. Л.: Гидрометеоздат, 1980. Ч.1. С. 55–56; Бродников А.А. Енисейск в XVII веке. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. С. 22; Будинский П.Н. Заселение Сибири и был её первых насельников. Харьков: Харьковская типография губернского правления, 1889. С. 105–106, 149; Будинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. С. 3, 26; Кочетов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977. С. 100, 104; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 1999. Т.1, Прил. №11, 37; Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2, Прил. № 9, 11, 58.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИБИРСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В 1596–1624 ГГ.

№ п/п	Монастыри	Год основания
1	Тобольский Знаменский мужской	около 1596
2	Верхотурский Никольский мужской	1604
3	Туринский Покровский женский	1604
4	Тюменский Преображенский (Троицкий) мужской	1616
5	Тарский Праскево-Пятницкий женский	1620
6	Верхотурский Покровский женский	1621
7	Томский Успенский (Богородице-Алексеевский) мужской	1621
8	Невьянский Богоявленский мужской	1622
9	Тобольский Рождественский женский	1623
10	Енисейский Иверский (Христорождественский) девичий монастырь	1623
11	Туринский Николаевский мужской	1624
12	Тарский Спасский мужской	1624
13	Тюменский Успенский женский	1620–1624

Таблица составлена по: ГАТОГ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 86; Оп. 1. Д. 86. Л. 14; Иверский (Христорождественский) монастырь / под ред. В.И. Царева. Красноярск: АО «БИЗНЕСПРЕССИНФОРМ», 1994. С. 6; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII – XVIII веках. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. С. 32.

КАРТА СИБИРИ ИСААКА МАССЫ 1604 г.

Карта взята с сайта: Карта И. Массы 1604 г. // История Красноярского края в географических картах. URL <http://pics.livejournal.com/kraevushka/pic/000a38pk>

Вид МАНГАЗЕИ XVII в.

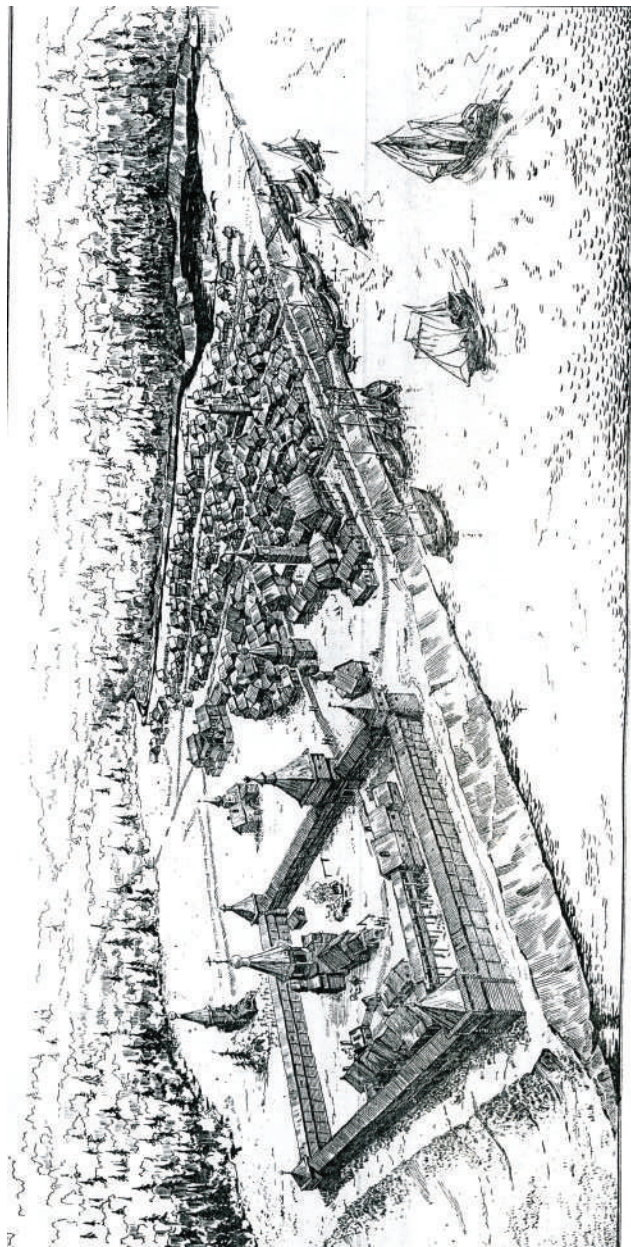
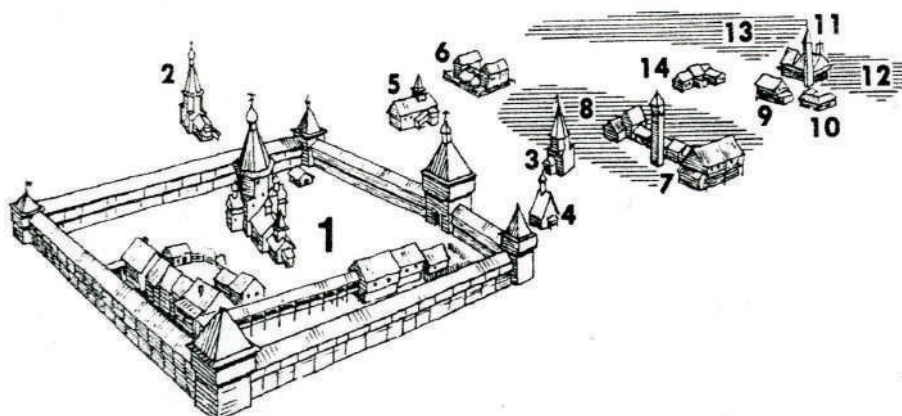
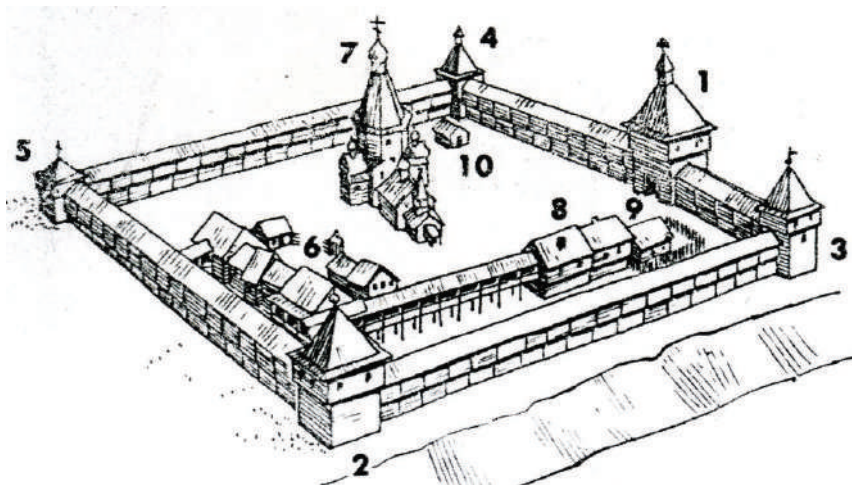

Иллюстрация взята из: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея. Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1, Прил. XXX.

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ПОСТРОЕК МАНГАЗЕИ

1. Крепость и внутрикремлевские постройки
2. Успенская церковь
3. Церковь Михаила Малеина и Макария Желтоводского
4. Часовня Василия Мангазейского
5. Двор тобольского архиепископа Макария
6. Воеводский двор А. Палицына
7. Часовая башня гостиного двора
8. Гостиный двор
9. Торговая баня
10. Двор таможенного головы
11. Таможня
12. Посад
13. Ремесленные мастерские
14. Кабак

1. Спасская воротная башня
2. Давыдовская угловая башня
3. Зубцовская угловая башня
4. Успенская угловая башня
5. Ратиловская угловая башня
6. Воеводский двор
7. Троицкая соборная церковь
8. Съезжая изба
9. Тюрьма
10. Стрелецкая сторожка

Схема взята из: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1, Прил. XXX.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ XVII в.

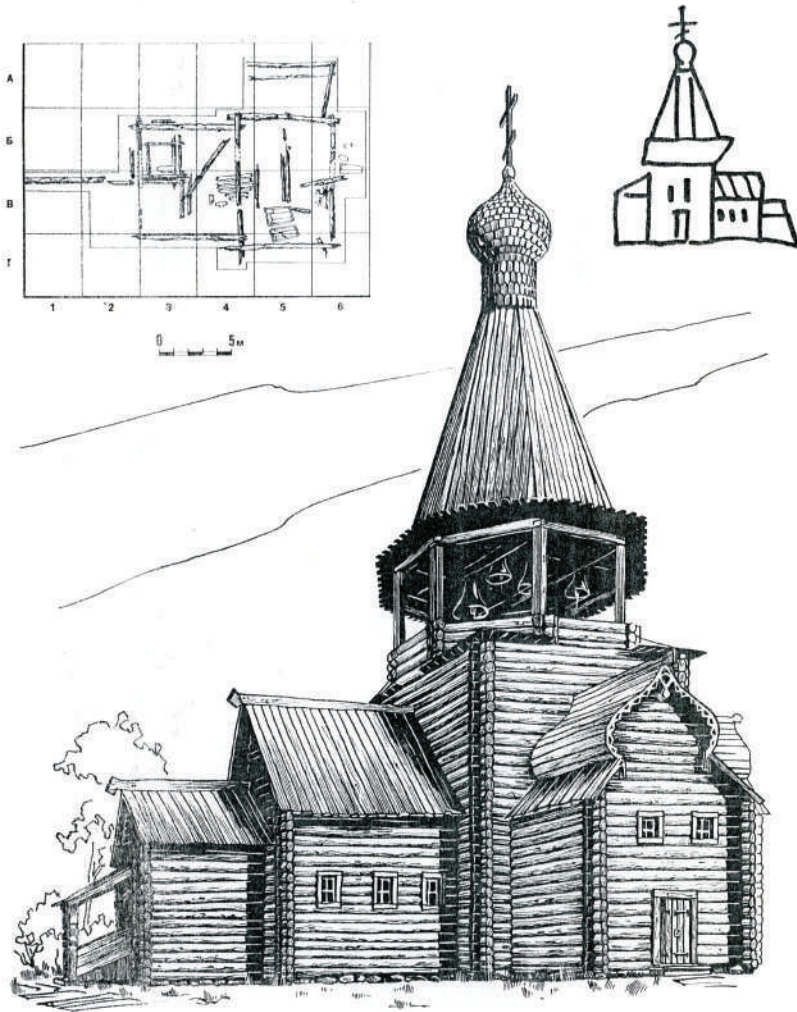

Иллюстрация взята из: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1, Прил. XXVI.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА	31
ГЛАВА 2. РАСШИРЕНИЕ ВНЕШНЕГО СИБИРСКОГО ФРОНТИРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.	58
2.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ФРОНТИРА	59
2.2. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ФРОНТИРА	91
2.3. ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ФРОНТИРА	106
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII вв.	116
3.1. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СИБИРИ НА СТАДИИ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА	117
3.2. СКЛАДЫВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА	143
ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.	180
4.1. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОМУ И АВТОХТОННОМУ НАСЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА	181
4.2. СИБИРСКИЙ ФРОНТИР И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	247
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	266
ПРИЛОЖЕНИЯ	267

Научное издание

Александр Станиславович Хромых

СИБИРСКИЙ ФРОНТИР.
ВСТРЕЧА ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ОТ УРАЛА ДО ЕНИСЕЯ

(Последняя треть XVI – первая четверть XVII века)

Монография

Редактор М.А. Исакова
Корректор С.А. Бовкун
Верстка И.С. Ищенко

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 25.09.12. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 19,5. Бумага офсетная.
Тираж 120 экз. Заказ 354

Отпечатано ИПК КГПУ,
т. 211-48-65

Для заметок